

Учредители:

Институт географии РАН
Смоленский государственный университет
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта

Издатель:

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Reg. № ПИ № ФС77-75135 от 07.03.2019
подписной индекс ПН205 (Почта России)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных
изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва)
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Редакционный совет:

акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток);
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); акад.
РАН, д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.э.н.,
проф. Жихаревич Б.С. (Санкт-Петербург); д.г.н.,
проф. Зу-баревич Н.В. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Ка-симов Н.С. (Москва); член-корр. РАН,
д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф.
Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.э.н., проф. Малов В.Ю.
(Новосибирск); д.г.н., проф. Чистобаев А.И.
(Санкт-Петербург); д.э.н., проф. Швецов А.Н.
(Москва)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексан-
дрова А.Ю. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И.
(Москва); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н.,
проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардом-
ский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Ека-
теринбург); к.г.н. Глезер О.Б. (Москва); д.г.н., проф.
Зырянов А.И. (Пермь); д.э.н., проф. Климанов В.В.
(Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва);
к.г.н., доц. Кузнецова Т.Ю. (Калининград); д.г.н.,
проф. Ма-наков А.Г. (Псков); к.г.н., доц. Наумов А.С.
(Москва); д.г.н. Нефедова Т.Г. (Москва); д.г.н., проф.
Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И.
(Смоленск); к.пед.н., доц. Розанова Н.Н. (Смоленск);
д.г.н., доц. Савоскул М.С. (Москва); к.г.н., доц. С.Г.
Сафронов (Москва); д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва);
д.г.н. Тар-хов С.А. (Москва); д.г.н. Трейвиш А.И.
(Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н.,
доц. Часовский В.И. (Калининград); д.г.н., проф.
Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск,
ул. Пржевальского, д. 4
Смоленский государственный университет
E-mail: region_issled@mail.ru
Цена свободная

Дата выхода 30.03.2023

Формат 70x108^{1/16}, Гарнитура «Times»
Тираж 125 экз.

Отпечатано:

Типография «Белый ветер»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru

ISSN 1994-5280 16+

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в феврале 2001 года

Выходит 1 раз в квартал

№ 1 (79), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1, 2023¹**УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ**

Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Балабан М.О., Гао Л.
Сжимающиеся города в России в постсоветский период 4

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Кузнецова О.В.
Новые закономерности в современной динамике
социально-экономического развития регионов России 19

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.
Налогово-бюджетная дифференциация регионов России:
масштабы и динамика 31

*Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю.,
Медведникова Д.М., Чуженькова В.А.*
Особенности применения кредитных инструментов
«инфраструктурного меню» и их возможное влияние
на бюджетную ситуацию в регионах России 42

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ткачева Т.А., Супрунчук И.П.
Социально-медийное пространство Северного Кавказа:
структура и внутрорегиональные особенности 56

Романов М.С., Скачков В.С.
Оценка перспектив развития мировых финансовых центров
Латинской Америки 74

Акулёнок С.В.
Социальный капитал в зарубежной Европе:
территориальная дифференциация и влияние
на социально-экономическое развитие регионов и стран 86

Лапина Е.М.
Рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга
и Ленинградской области во время пандемии COVID-19 98

¹ Выпускающий редактор номера – Шувалов В.Е.

CONTENTS

№ 1, 2023¹**URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY**

Kirillov P.L., Makhrova A.G., Balaban M.O., Gao Liang
Shrinking cities in post-Soviet Russia 4

REGIONAL DEVELOPMENT

Kuznetsova O.V.
New patterns of modern socio-economic development
of Russian regions 19

Zubarevich N.V., Safronov S.G.
Regional inequality and its changes: budget projection 31

*Abdullaev A.M., Zemlyanskii D.Yu.,
Medvednikova D.M., Chuzhenkova V.A.*
Features of «infrastructure menu» credit instruments
and their potential impact on budget situation in Russian regions 42

REGIONAL ANALYSIS

Tkacheva T.A., Suprunchuk I.P.
Social media space of the Northern Caucasus:
structure and intra-regional features 56

Romanov M.S., Skachkov V.S.
Evaluating prospect development
of global financial centers in Latin America 74

Akulenok S.V.
Social capital in foreign Europe: territorial differentiation
and impact on socio-economic development
of regions and countries 86

Lapshina E.M.
Suburban real estate market of St. Petersburg
and Leningrad Oblast during the COVID-19 pandemic 98

¹ Issue editor – *Shuvalov V.E.*

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 911.375.9

СЖИМАЮЩИЕСЯ ГОРОДА В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2023 П.Л. Кириллов^{1*}, А.Г. Махрова^{1**}, М.О. Балабан^{1***}, Л. Гао^{2****}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

²Пекинский транспортный университет Цзяотун, Школа системных наук,
Пекин, Китай

* e-mail: linard@mail.ru

** e-mail: almah@mail.ru

*** e-mail: mimbal@mail.ru

**** e-mail: lianggao@bjtu.edu.cn

Цель статьи состоит в оценке масштабов и динамики сжатия российских городов в стране и ее регионах в постсоветский период. Анализ городского сжатия, проведенный на основе показателя среднегодового индекса убыли населения по данным переписей населения, показал, что этими процессами (как минимум в течение одного из межпереписных периодов) в общей сложности было охвачено более половины российских городов. При этом менее чем в трети центрах среднегодовое сокращение людности по итогам всего периода в целом превысило 1%. В 1989–2002 гг. число сжимающихся городов было довольно небольшим (менее четверти), в течение последующих межпереписных периодов оно существенно выросло, составив к 2021 г. более трети всех городов страны. Анализ пространственного распространения феномена урбанистического сжатия показал, что эти процессы происходили на разных стадиях как за счет ресурсных городов северных и восточных территорий страны, так и центров староосвоенных регионов, прежде всего Нечерноземья. Большинство сжимающихся городов представлено малыми центрами людностью менее 50 тыс. чел. При общем негативном характере динамики людности наблюдается разнонаправленность и изменчивость трендов сжатия российских городов. Особенности прохождения сжатия в течение каждого из трех межпереписных периодов и чередования фаз депопуляции легли в основу выделения шести типов траекторий сжатия городов.

Ключевые слова: Российская Федерация, постсоветский период, депопуляция населения, сжимающиеся города, масштабы и траектории сжатия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-1

Введение и постановка проблемы. Процесс сжатия городов – одно из актуальных направлений урбанистических исследований последних десятилетий, под которым понимается устойчивая депопуляция населенного пункта, свидетельствующая не только о деформации возрастной структуры из-за старения и оттока населения, но и о сокращении занятости, доходов местного бюджета, деградации социальной инфраструктуры и рыночных услуг, а также о низком качестве городской среды.

При всей обширности подходов к определению факторов, влияющих на сжатие го-

родского пространства, главной чертой этого процесса является депопуляция. Важно подчеркнуть, что маркером «сжимающегося» города служит снижение численности его населения в течение довольно продолжительного отрезка времени либо быстрое сокращение населения за короткий период.

Исследование феномена снижения численности населения и сопряженного с ним пространственного сжатия отдельных городов и их крупных групп особенно интересно на фоне продолжающихся глобальных процессов. Однако обобщение тенденций сжатия городов по миру в целом и его макро-

регионам затруднительно из-за несинхронности и различий в интенсивности процессов городской убыли. Важным аспектом сжатия городов является пульсирующий характер этого процесса, когда сокращение численности населения может происходить периодически или иметь ступенчатый характер. Наиболее яркие примеры этого процесса наблюдались в регионах масштабной деиндустриализации, например, в пределах «ржавого пояса» и других промышленных районов США, старопромышленных регионов развитых стран Западной Европы, а также в ряде городов Латинской Америки и даже в Китае. Однако наиболее выраженным сжатие городов было на территориях с кардинальной структурной перестройкой экономики в Восточной Европе, где три четверти городов показывают убыль населения [23].

Проблема сжатия городов все чаще оказывается на повестке дня и в современной России, хотя остается слабо изученной пространственно-временная динамика этого процесса, а сам термин еще не нашел своего отражения в нормативно-правовом поле. Цель данного исследования – анализ процесса сжатия российских городов в течение постсоветского периода. Как шло сжатие городов в стране в последние три десятилетия? Сколько в России сжимающихся городов и где они сконцентрированы? Сжатие ускоряется, происходит стабилизация или замедление? Какова численность населения, проживающего в сжимающихся городах, и его динамика? Каковы траектории сжатия? Ответам на эти и другие вопросы посвящена данная статья, с чем связана ее новизна.

Обзор ранее выполненных исследований. Нарастающая депопуляция регионов и городов, которая стала рассматриваться как «новая норма» их развития, привели к появлению в 1970-х гг. целого научного направления по изучению процессов сжатия городов, которое стало быстро расширяться в 1990–2000-е гг. Особенно активно эти исследования проводились в Европе, прежде всего в Германии, в которой после воссоединения из-за дисбаланса в уровне развития и заработной платы между разными частями страны началось масштабное сжатие восточногерман-

ских городов. В 2006 г. была опубликована знаковая работа, выполненная под руководством Ф. Освальта, в которой была сделана первая попытка изучения этого явления в мировом масштабе [21]. В 2000–2010-е гг. произошла институционализация этой области исследований, а также появились центры по изучению процессов сжатия городов [3].

Углубление и диверсификация исследовательских задач в этой сфере привели к формированию нескольких ключевых подходов к исследованию феномена сжатия городов, которые могут сочетаться и дополнять друг друга. Первый подход, который условно можно назвать «инвентаризационным», наиболее актуален для настоящего исследования. Преимущественно он применяется в обзорных и обобщающих исследованиях, призванных показать охват городов процессами сжатия [20; 26]. Задачи, возникающие в рамках этого подхода, носят преимущественно классификационный характер – в основном он оперирует критерием динамики численности населения для вычленения группы сжимающихся и убывающих городов и призван отделить их от растущих и стабильных. На современном этапе исследования этого типа дополнились новыми принципами и критериями выявления сжимающихся центров [14; 24]. При этом масштабы сравнительных исследований существенно ограничены из-за разности подходов к пониманию сущности и критериев выделения, что обуславливает несоизмеримость различных типов городов, приводя к методологическим «ловушкам» пороговых определений городского сжатия [12].

В рамках второго, или феноменологического, подхода исследования внимание, как правило, акцентируют на рассмотрении факторов и последствий сжатия городов, включая утрату градообразующих функций, трансформацию застройки и избыток инфраструктуры (социальной, транспортной, инженерной) из-за дисбаланса между спросом и предложением¹. Такие работы подробнее анализируют отдельные кейсы, реже проводят обобщения на уровне промышленных регионов, как, например, в упомянутой публикации [21]. Протекание процессов сжатия городов привело к формированию исследовательского интереса к его послед-

¹ Последнее направление часто выделяется в отдельную ветвь исследований [14; 15; 17].

ствиям с учетом факторов «новой» экономики, глобализации, старения населения в условиях второго демографического перехода, безопасной среды и качества жизни [22]. На основе систематизации экономических и демографических предпосылок этого явления начала формироваться общая теория сжатия городов, объединяющая причины, формы проявления и динамику процесса [15]. При этом из-за существенных региональных различий и высокой динамичности процесса сжатия концептуальная модель должна учитывать конкретный исторический контекст, а формирование единого универсального подхода для всех городов («one-that-fits-all») практически невозможно [15].

В настоящее время можно говорить о формировании еще одного аспекта изучения сжимающихся городов – конструктивного. Исследовательские работы этого направления преимущественно нацелены на выработку подходов к управлению сжатием городов. Они не ограничиваются констатацией сжатия, а направлены на поиск возможных мер сохранения или переспециализации сжимающихся городов путем разработки и реализации для них мер стратегического планирования [16; 19; 25 и др.].

В России изучению проблем сжатия посвящено сравнительно небольшое число работ, хотя российские ученые принимали участие в хрестоматийном исследовании сжимающихся городов Ф. Освальда, а Иваново наряду с Детройтом, Манчестером, Ливерпулем, Галле и Лейпцигом рассматривался в качестве одного из ключевых примеров². До недавнего времени статьи российских авторов чаще всего анализировали сжатие через призму социальных или градостроительных проблем на примере отдельных городов [2; 4; 8; 10]. При этом существует большое число работ, в которых тема сжатия рассматривается попутно [1; 5; 6 и др.]. Одно из первых исследований, в котором была предпринята попытка анализа сжимающихся городов в России, было проведено К. Коттино [13]. Следующие две работы по изучению сжатия российских городов были опубликованы уже в 2022 г. в монографии, посвященной анализу этих процессов на примере постсоциалистических стран [18].

Материалы и методика исследования.

К настоящему времени в практике исследования негативной динамики городов сложился достаточно широкий круг методов, среди которых преобладают прямые (статистические) оценки сжатия, прежде всего по численности и миграции населения, а также, хотя и реже, по экономическим показателям. Следует отметить, что хотя традиционно подчеркивается длительный характер периода сжатия, превышающий период жизни одного поколения, т.е. не менее 20 лет, в ряде работ рассматривается и более короткий временной интервал (2 или 5 лет) при условии трансформации экономики в условиях структурного кризиса. Кроме того, нет устоявшегося подхода и к количественным критериям сжатия: это может быть просто убыль населения города в течение определенного периода времени или конкретные значения средних темпов убыли, среди которых преобладает порог сокращения населения ежегодно в среднем от 1%. В практике ряда стран устанавливается и минимальное значение численности населения муниципального образования от 10 тыс. чел. [9; 16; 25].

Настоящее исследование во многом преследует задачи оценки масштабов и «инвентаризации» городов с негативной динамикой в стране и ее регионах. В этой связи, несмотря на разнообразие форм проявления сжатия городского пространства, в данной работе решено воспользоваться универсальным статистическим индикатором сжатия городов – динамикой численности населения, а в качестве ключевого выбран показатель среднегодового индекса роста (убыли) населения.

Несмотря на то, что города с быстро сокращающимся населением появились в России уже в 1970-х – 1980-х гг., массовым это явление стало в постсоветский период. Именно этим обусловлено то, что в данной работе процесс сжатия российских городов рассматривается в течение последних трех десятилетий, т.е. массив наблюдений охватывает основной период депопуляции.

При расчете показателей динамики были использованы данные о численности постоянного населения городов по итогам последней Всесоюзной (1989³) и трех Всерос-

² Подробнее в монографии А.И. Трейвиша «Город, район, страна и мир» [7].

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Т. 1. Ч. 1. Табл. 3. Численность наличного населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений и сел-райцентров.

сийских переписей населения (2002⁴, 2010⁵ и 2020⁶ гг.), причем фактически из-за пандемии COVID-19 последняя перепись была проведена в октябре–ноябре 2021 г. Таким образом, анализ был проведен в целом за постсоветский период, т.е. за 1989–2021 гг., а также в течение трех межпереписных интервалов (1989–2002, 2002–2010, 2010–2021 гг.), что позволило детальнее остановиться на динамике этого процесса.

Для выявления основных пространственных и иерархических (для городов разных групп людности) закономерностей сжатия городов необходимо формализовать критерии их отнесения к определенным группам, ведь формально статус сжимающихся городов строго не закреплен. В данной работе, как и в ряде других исследований, к сжимающимся городам были отнесены центры, которые теряли ежегодно в среднем 1% и более (с округлением до 0,1) своего населения. Кроме того, для фонового сопоставления и оценки потенциала сжатия в будущем, были выделены еще и убывающие города, т.е. центры с отрицательной динамикой численности населения.

При этом в выборку были включены все населенные пункты, обладавшие официальным статусом города на момент проведения переписи. Для оценки динамических изменений численности были использованы «непостоянные» множества городов – в выборку за отдельные периоды включались населенные пункты, обладающие статусом города как на начало, так и на конец соответствующего периода. Города в составе городов федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга) в рассматриваемую совокупность не включались, каждый из этих регионов рассматривался как единое целое.

Территориальный охват ограничен регионами, в пределах которых проводились все четыре переписи населения, что соответ-

ствует границам РСФСР в составе Советского Союза в момент его дезинтеграции. При анализе динамики численности населения городов следует принимать во внимание, что учет численности населения мог производиться в разных административных границах. Например, в рамках переписи населения 1989 г. в составе ряда городов учитывалось население отдельных закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), большинство из которых только с 1996 г. стали «самостоятельными» городами.

С учетом принятых ограничений число городов, учтенных как за весь постсоветский период, так и за каждый из межпереписных периодов, было меньше их общего количества в стране, составляя от 1 014 до 1 095 центров.

Сравнение оценок, сделанных авторами данной статьи, с результатами ранее выполненных работ, позволяет определить влияние разных подходов и методик на оценку числа сжимающихся городов в РФ и их динамику (табл. 1). Максимальное количество сжимающихся городов на территории РФ (774) было выделено Е. Батуновой и М. Гунько, которые, продолжив свои исследования стратегий планирования и управления сжимающимися городами, отнесли к этой категории все центры с убылью населения в течение 1989–2017 гг. [11]⁷. Аналогичный подход к пониманию и выделению сжимающихся центров применен К. Коттино [13], а меньшее количество городов этого типа обусловлено, прежде всего, тем, что автор использовал базу данных «Мультистат» Росстата, которая охватывала далеко не все города страны.

Меньше всего подобных центров выделено К. Аверкиевой и В. Ефремовой, которые, как и авторы данной работы, к сжимающимся отнесли города, в которых убыль населения идет со скоростью от 1% в год. При этом разница в оценках связана с введением дополнительных критериев, прежде всего, мини-

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 1. Численность и размещение населения. Табл. 4. Численность населения России, субъектов Российской Федерации в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более чел.

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения. Табл. 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3 000 чел. и более.

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 1. Численность и размещение населения. Табл. 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3 000 чел. и более.

⁷ При этом на стадии отбора 18 городов-ключей авторы использовали в качестве одного из дополнительных критериев и убыль населения свыше 1% в год [11].

Таблица 1. Оценки числа сжимающихся городов в РФ, ед.

Оценки разных авторов	Временные периоды, гг.				
	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021	1989–2017
К. Коттино	514	589			
Е. Батунова, М. Гунько					774
К. Аверкиева, В. Ефремова	175	262	215*		
Оценка авторов	245	391	399	290	

* Рассчитано за 2010–2019 гг.

Составлено по оценкам авторов и данным: [9; 11; 13].

мального порога людности в 10 тыс. чел, что отсекает большое число центров [10]⁸. Представляется, что хотя многие авторы считают, что понятие сжатия, которое может иметь материальную и в том числе пространственную проекцию, не в полной мере применимо к малым городам, недоучет этой группы городов может быть критичным для России, в которой значительная часть городского пространства страны представлена именно ими.

Важно также отметить, что для исследования иерархической неравномерности процессов сжатия в данной статье использована модифицированная классификация городов по численности населения, основанная на действующем своде правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»⁹. В соответствии с ними были использованы следующие категории людности городов, включая ряд предложенных авторами подкатегорий: крупнейшие города (свыше 1 млн чел.); крупные города (от 250 тыс. до 1 млн чел.), в том числе подкатегории с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел. и от 250 до 500 тыс. чел.; большие города (от 100 до 250 тыс. чел.); средние города (от 50 до 100 тыс. чел.); малые города (до 50 тыс. чел.) с выделением трех подкатегорий (от 20 до 50 тыс. чел., от 10 до 20 тыс. чел. и до 10 тыс. чел.).

Полученные результаты.

Динамика числа сжимающихся городов.

Опираясь на численность населения городов, зафиксированную по результатам последней Всесоюзной и трех Всероссийских переписей населения, можно констатировать, что в течение более чем тридцатилетнего периода

различные механизмы и факторы процесса сжатия проявлялись по-разному.

В течение 1989–2002 гг., охвативших в основном 1990-е гг., когда маховик естественной убыли населения только начинал раскручиваться, и города подпитывались мигрантами из республик бывшего Советского Союза, число сжимающихся центров было довольно небольшим (245), а их удельный вес составил менее четверти от всех городов страны. При этом процесс депопуляции населения был выражен намного сильнее, охватив свыше 700 центров или более 2/3 всех городов. В отдельных случаях сжатие городов, особенно крупных, происходило формально в результате административного обособления их частей, прежде всего ЗАТО, большая часть из которых в 1996 г. обрела статус самостоятельных городов.

В 2002–2010 гг. убыль населения резко ускорилась, затронув почти 3/4 городов (свыше 800 центров). Динамика сжатия отразилась в наибольших демографических потерях, при этом к концу периода свой вклад внесли и процессы административного преобразования городов. Продолжился иерархический переток населения из малых городов в крупные и из периферийных в центральные. Кроме того, именно в течение этого периода проявились и потери, связанные с началом реформ местного самоуправления (как, например, в Республике Ингушетия). На динамике численности населения отдельных городов отразились существенные административные преобразования, когда в отдельных регионах укрупнение городов при формировании городских округов позволило «статистически спрятать» депопу-

⁸ Кроме городов людностью менее 10 тыс. чел. к сжимающимся не отнесены ЗАТО и города Московского и Санкт-Петербургского столичных регионов, хотя учтены центры, в которых убыль населения превышала 20 тыс. человек на протяжении более десяти лет [10].

⁹ Свод правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016)» (<https://docs.cntd.ru/document/456054209>).

ляцию отдельных центров. При этом число сжимающихся городов выросло до 391, составив больше трети от их общего числа.

С 2010 по 2021 г. при некотором смягчении негативных демографических тенденций основной вклад в убывающую динамику городов стало вносить перераспределение населения за счет миграционных перетоков, сохранивших как пространственную (северо-восток – юго-запад), так и иерархическую составляющие. В 2010-е гг. количество и доля как убывающих, так и сжимающихся городов изменились незначительно, сохраняя свои высокие значения (табл. 2).

В целом в течение постсоветского периода почти 3/4 российских городов испытали депопуляцию (табл. 3), а в 24 центрах численность населения сократилась в два и более раз. В ряде регионов убыль населения охватила все города, включая их столицы, чему

способствовали миграционный отток из районов с суровыми климатическими условиями, сокращение производства или закрытие добывающих предприятий, ориентация на старую неэффективную обрабатывающую промышленность, периферийное положение между крупными городскими агломерациями (особенно между двумя столицами). В общей сложности процессами сжатия (как минимум в течение одного из межпереписных периодов) в общей сложности были охвачены почти 600 российских городов. При этом состав группы сжимающихся городов в течение постсоветского времени заметно менялся, так как большая часть из них были подвержены сжатию непостоянно, и только в 290 центрах среднегодовое сокращение людности по итогам всего периода превысило 1%.

Пространственная проекция. Пространственная картина сжатия городов

Таблица 2. Динамика убывающих и сжимающихся городов в постсоветский период

Число и удельный вес городов	Межпереписные периоды, гг.			
	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021
Число убывающих городов, ед.	701	806	804	756
Доля убывающих городов, %	68,4	73,5	73,6	74,5
Число сжимающихся городов, ед.	245	391	399	290
Доля сжимающихся городов, %	23,9	35,6	36,5	28,6

Составлено по данным переписей населения.

Таблица 3. Регионы-лидеры по числу сжимающихся городов в межпереписные периоды

Ранг	1989–2002 гг.		2002–2010 гг.		2010–2021 гг.	
	Регион	Число городов	Регион	Число городов	Регион	Число городов
1	Сахалинская область	16	Свердловская область	21	Тверская область	19
2	Свердловская область	14	Пермский край	16	Кировская область	17
3	Мурманская область	11	Кировская область	14	Свердловская область	16
4	Забайкальский край	9	Ивановская область	13	Владимирская область	13
5	Ивановская область	9	Иркутская область	13	Мурманская область	13
6	Иркутская область	9	Челябинская область	13	Ивановская область	12
7	Красноярский край	9	Тверская область	12	Костромская область	12
8	Московская область	9	Псковская область	12	Республика Карелия	11
9	Пермский край	9	Красноярский край	11	Пермский край	11
10	Псковская область	9	Ленинградская область	11	Смоленская область	11
11	Тверская область	9	Мурманская область	11		
12	Челябинская область	9	Нижегородская область	11		

Составлено по данным переписей населения.

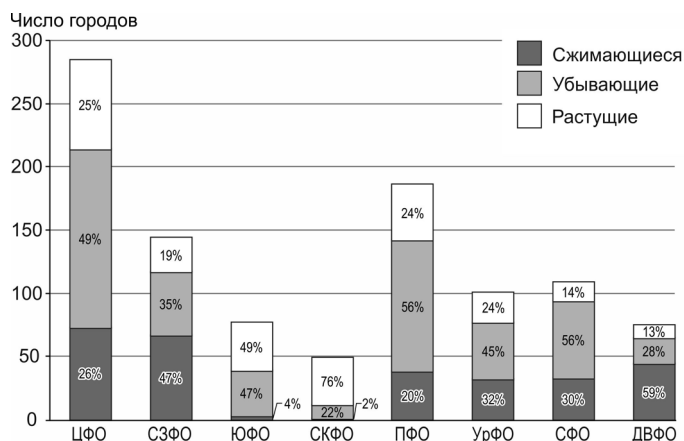

Рис. 1. Распределение городов РФ по динамике численности их населения в разрезе федеральных округов, 1989–2021 гг.

отражает общие географические закономерности депопуляции в пределах двух макрорезонансов расселения – Европейской и Азиатской. Распределение городов европейской России по динамике численности носит широтно-зональный характер: при движении с севера на юг снижается доля сжимающихся городов и возрастает доля растущих (рис. 1, 2). В Северо-Западном округе сжимающиеся города составляют от трети до половины, в Центральном и Приволжском – меньше 20%, а в Южном и Северо-Кавказском округах таких городов практически нет. Крупнейшие «светлые пятна» за пределами Юга России – агломерации Москвы и Петербурга, Татарстан и Башкортостан.

Зона с преобладанием сжимающихся городов охватывает почти весь Северо-Западный округ (кроме Калининградской области и Санкт-Петербурга с агломерацией), северные регионы Центральной России, Кировскую область и север Пермского края. В основном это депрессивные территории с выраженными проблемами социально-экономического развития, ведущими к интенсивному миграционному оттоку и естественной убыли. Кроме того, сжатие городского расселения здесь способствуют неблагоприятные природно-климатические условия и высокая стоимость жизни, слабое развитие транспортной и социальной инфраструктуры, а также малочисленность сельского населения, которое могло бы стать миграционным донором для городской местности. В западной части зоны сказывается и близость к Санкт-Петербургу и Москве, усиленно

вытягивающим население из окружающих регионов. С этим же связано значительное присутствие сжимающихся городов в остальных регионах Центральной России вплоть до северного Черноземья (рис. 2).

В азиатской части страны зональное распределение городов по динамике численности носит субмеридиональный характер и выражено даже лучше, чем в европейской (в том числе из-за меньшей плотности сети городов). В Тюменской области и двух автономных округах почти все города – растущие, на юге Западной Сибири – умеренно убывающие, в Иркутской области и на большей части Дальнего Востока – сжимающиеся. Для востока страны характерны практически те же факторы сокращения численности городов, что и для Северо-Запада.

Два экстразональных ареала сжимающихся городов – это Урал и Кузбасс, где расположены целые кусты депрессивных поселений. Многие из них представлены моногородами со специализацией на добывающей промышленности, металлургии и машиностроении, которые столкнулись с серьезнейшим экономическим упадком и безработицей в 1990-х гг.

Ускорение процесса сжатия российских городов происходило при существенных изменениях в их размещении, что хорошо отражает динамика регионов-лидеров по их количеству. В 1990-е гг., как результат политики советского периода по выравниванию пространственных различий, когда было создано много новых городов в разных частях страны, при отрыве трех регионов

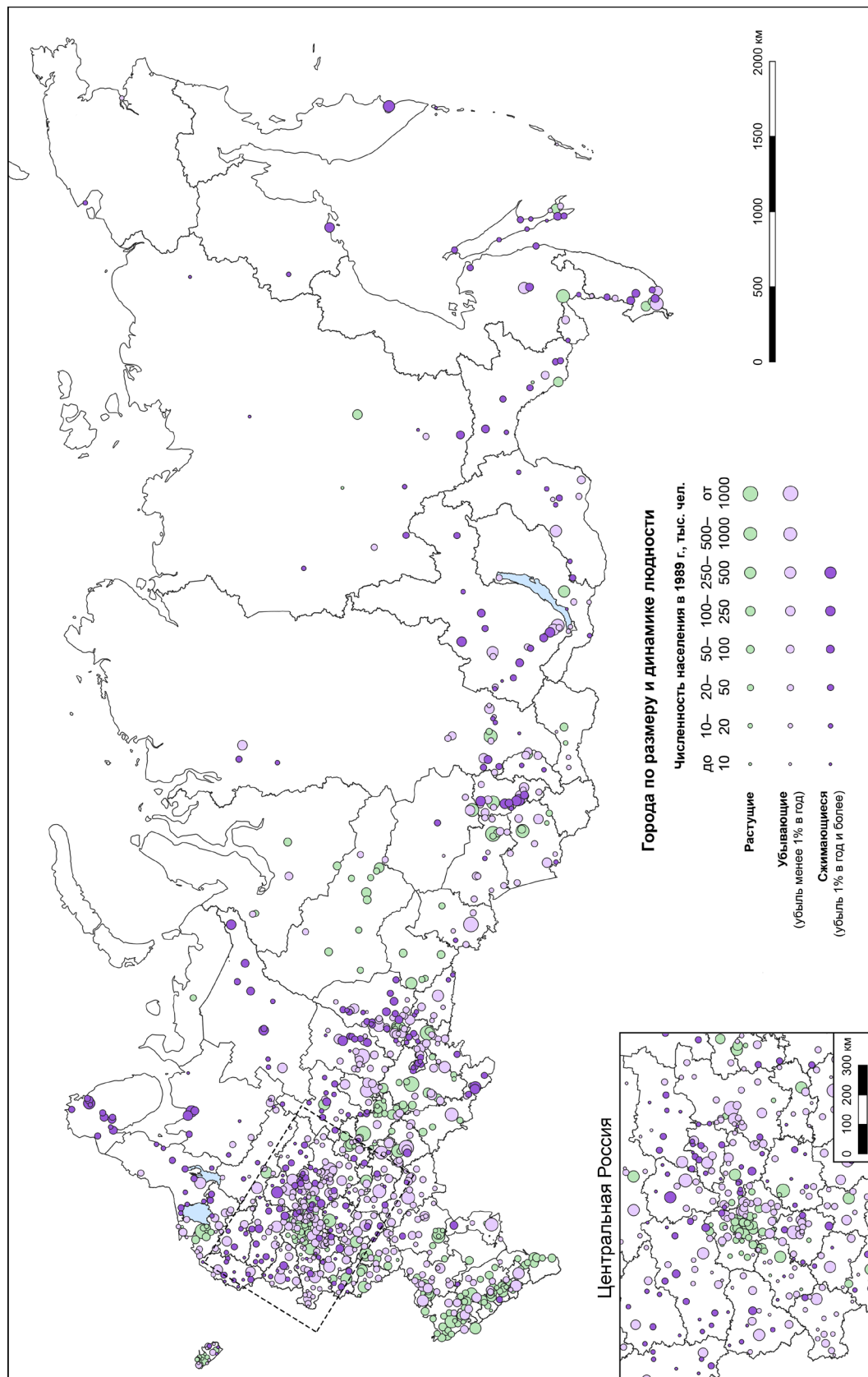

Рис. 2. Города РФ по динамике численности населения, 1989–2021 гг.

(Сахалинская, Свердловская, Мурманская области) различия по количеству сжимающихся городов между остальными территориями были не очень выражены. В значительной степени они определялись тем, как их экономика смогла начать адаптироваться к рынку (табл. 3).

Таким образом, в 2000-е гг. на фоне заметных изменений в составе регионов-лидеров увеличился масштаб сжатия, а к началу 2020-х гг. сложилась «новая» география сжатия, представленная северными, ресурсными и староосвоенными территориями.

Вследствие смены основных факторов динамики населения в течение постсоветского периода сжатие городов шло по территории страны волнообразно. Так, если в 1990-е гг. лидерами спада были преимущественно города Севера и Дальнего Востока, то уже в первом десятилетии XXI в. их стали пополнять города Сибири. В течение последнего межпереписного периода к ним добавились города Севера Европейской части страны и депопулирующего Нечерноземья (Кировская, Псковская, Ивановская и другие области). К этому времени наиболее отдаленные сибирские и дальневосточные города заметно исчерпали потенциал сжатия, а центры Европейской провинции сохранили темпы депопуляции, характерные для них еще с советского времени.

Особенно много сжимающихся городов сконцентрировано на периферии Московского столичного региона в соседних областях, как результат стягивания населения в крупнейшую агломерацию страны. Естественно, что в числе регионов-лидеров по числу убывающих городов нет уже ни Московской, ни Ленинградской областей, значительная

часть территории которых представляют собой пригородные зоны.

Сжимающийся город: большой, средний или малый? В целом большие и крупные города меньше подвержены сжатию, чем малые и средние (рис. 3), а абсолютное большинство сжимающихся городов представлено малыми центрами людностью менее 50 тыс. чел. За прошедшие тридцать лет их число выросло в 1,7 раза, а удельный вес в общем количестве сжимающихся городов превысил 87%. Большая часть таких населенных пунктов – это моногорода, настоящие или бывшие, само существование которых во многом продолжает определяться состоянием их градообразующего предприятия. К 2021 г. больше всего сжимающихся поселений находится в группе полусредних городов людностью от 20 до 50 тыс. чел. (136), хотя в динамике особенно быстро увеличивали свое представительство сверхмалые поселения, что происходит за счет движения городов вниз по иерархической шкале людности (рис. 3). Эти центры с численностью населения менее 10 тыс. чел. увеличили свое количество в 2,2 раза (83 поселения), полагаясь за счет населенных пунктов с активной естественной убылью.

Число сжимающихся центров среди средних, больших и крупных городов по мере роста группы людности уменьшается. Еще более зримым проявлением поляризации сжатия городов служит то, что среди полумиллионников и миллионников нет ни одного сжимающегося центра ни за один из рассматриваемых периодов.

Иерархическая структура охвата городов процессами депопуляции имеет также отчетливую пространственную проекцию.

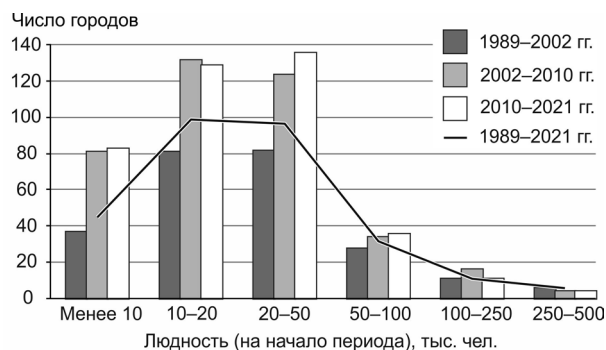

Рис. 3. Динамика числа сжимающихся городов по группам людности, ед.

Наибольшие масштабы депопуляции показывают северные и восточные города страны за счет резонанса климатических, демографических, экономических факторов сжатия городов в местах наибольшего проявления каждого из них (рис. 4).

В восточных районах страны наиболее выражены проявления закономерности охвата процессами сжатия небольших городов, де-факто уже приведшие к трансформации урбанистической структуры отдельных регионов. На Дальнем Востоке к сжимающимся относятся не менее 2/3 каждой из категорий городов численностью населения до 100 тыс. чел. и до 1/4 городов более крупных когорт.

На Севере Европейской части страны и в Сибири склонность к сжатию также отчетливо прослеживается «снизу», но охватывает различные размерные группы городов менее интенсивно (в среднем до 1/3 не крупных городов). Здесь охват различных когорт городов процессами сжатия более равномерный, с меньшим перекосом в сторону малых городов, что сдерживает перестройку сложившейся урбанистической структуры, в целом отражая большую устойчивость систем расселения.

При этом в условиях наиболее развитых урбанистических структур – в Центральном, Приволжском, Уральском федеральных округах – города подвержены сжатию выборочно, только в самых уязвимых категориях малых и сверхмалых городов. В их пределах отчетливо выделяются иерархические границы сжатия – они практически не выходят на уровень городов 100-тысячников. В пределах демографически более «благополучных» Юга и Северного Кавказа группы малых и сверхмалых городов, если даже и депопулируют быстрее других, но не достигают формальных критериев сжатия.

В целом это хорошо отражает общую незаконченность урбанизации, проявляющуюся по-разному в разных регионах. Так, на Дальнем Востоке сжатие городов шло на фоне общего оттока населения, а в Европейской части в 1990-х гг. – притока.

Несмотря на объективность условий и в большинстве случаев определенную неотвратимость сжатия городов, этот процесс имеет выраженный окрас с негативным социальным эффектом. Доля горожан, проживающих в сжимающихся городах, выросла с 10,4 до 12,9% (с 9,8 до 12,4 млн чел.).

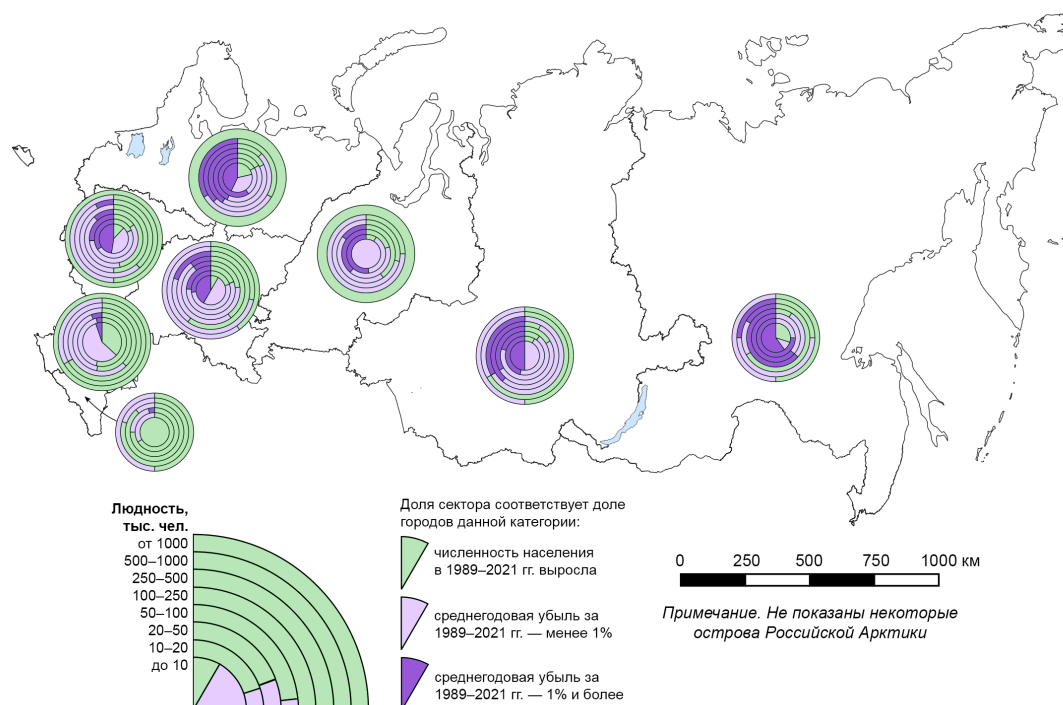

Рис. 4. Структура городов России по динамике численности населения по федеральным округам, 1989–2021 гг.

В целом за постсоветский период охват составил около 11% (10,3 млн чел.). Вместе с тем распределение населения по городам разных категорий людности позволяет выявить наиболее уязвимую для сжатия размерную группу городов: примерно четверть всего населения сжимающихся городов сосредоточена в наиболее многочисленных центрах людностью от 20 до 50 тыс. чел. (рис. 5). Причем эта доля остается практически неизменной в течение всего периода наблюдений, даже несмотря на значительный рост численности населения в городах когорты и перетоки городов между группами.

Суммарная концентрация населения в трех более крупных когортах городов, несмотря на меньшее число городов-представителей, примерно одинакова и почти стабильна в динамике (за исключением крупнейших городов, доля которых в общем населении сжимающихся городов снижается). На каждую из них приходится по 15–20% всего населения, проживающего в сжимающихся городах. Очевидна и устойчивая тенденция «стягивания» потенциала сжатия (за счет сосредоточения численности населения) в когортах городов среднего размера (20–50 и 50–100 тыс. чел.). Это позволяет среди прочего выдвинуть гипотезу о существовании понятия типичной средневзвешенной людности российского сжимающегося города на границе этих когорт – приблизительно у отметки в 50 тыс. человек.

Типология траекторий сжатия городов. Пространственная асинхронность депопуляции российских городов подтверждается отсутствием корреляции темпов убыли населения сжимающихся городов в течение различных периодов наблюдения. По рас-

считываемой выборке из 290 устойчиво сжимающихся городов она крайне низка, а, например, между периодами 1989–2002 и 2010–2021 гг. и вовсе практически нулевая. Такой феномен в сочетании с вариативностью характера динамики численности населения городов послужили основанием для выделения нескольких условных типов траекторий сжатия городов (табл. 4).

Несмотря на общий негативный характер динамики сжимающихся городов, разнонаправленность и изменчивость трендов динамики (по сути – «второй переменной» сжатия) позволяют дифференцированно воспринимать сжимающиеся города как потенциальные объекты различных мер регулирования. Несмотря на условность такого разделения и размытость границ типов (по уровню спада численности населения смежные типы могут быть очень близки друг к другу), анализ состава полученных таким образом групп городов позволяет подойти к обобщению закономерностей «поведения» сжимающихся городских центров в зависимости от их типа, размера, географического положения.

I тип динамики (города ускоряющегося сжатия) характеризуется интенсификацией сжатия в течение последнего десятилетия. К этому, самому многочисленному типу динамики, тяготеет значительное число перманентно кризисных малых и сверхмалых городов, где нарастающие темпы сжатия свидетельствуют о затянувшихся перспективах выхода из депопуляционного пика. Активизация процессов сокращения населения в городах этого типа вызвано ускорившейся негативной динамикой развития малых и средних городов преиму-

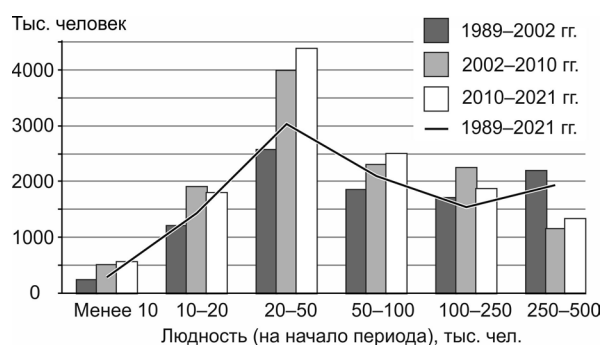

Рис. 5. Динамика численности населения по сжимающимся городам разных групп людности, тыс. чел.

Таблица 4. Типы траекторий сжатия городов России, 1989–2021 гг.

ТИП	Фазы сжатия по периодам*			Число городов
	1989–2002 гг.	2002–2010 гг.	2010–2021 гг.	
I	MIN	MID	MAX	82
II	MID	MIN	MAX	42
III	MAX	MIN	MID	39
IV	MIN	MAX	MID	50
V	MID	MAX	MIN	31
VI	MAX	MID	MIN	46

* MAX – максимальные, MID – средние, MIN – минимальные (в отдельных городах может наблюдаться даже незначительный рост).

щественно Европейской части страны. В ее северных регионах – это Инта, Усинск, Сосногорск, Емва – в Республике Коми, Сортавала, Медвежьегорск и Питкяранта – в Республике Карелия, Каргополь и Онега – в Архангельской области и многие другие, в Нечерноземье – Гдов и Порхов в Псковской области, Окуловка, Малая Вишера и Сольцы – в Новгородской, Нелидово, Западная Двина и Андреаполь – в Тверской, Кологрив, Галич и Мантурово – в Костромской и другие центры, на Урале и в Сибири – свердловские Асбест и Нижняя Тура, челябинские Бакал и Верхний Уфалей и т.д. В них реакция населения на изменения условий жизни запаздывает и растянулась во времени. Зачастую это затрагивает города с некоторым лагом запаздывания начальных стадий социально-экономического спада. В частности, это касается ряда кризисных монопрофильных ресурсных и лесозаготовительных, и даже металлургических (например, Новотроицк, Лысьва) центров.

Траектории II и близкого к нему III типов динамики (различия между ними не существенны, по сути они могут отражать локальные особенности прохождения волн депопуляции) показывают возобновление негативных тенденций сжатия городов после периода смягчения темпов сжатия в «нулевые» годы. В большинстве случаев такая динамика (если она не является следствием статистических погрешностей или административных преобразований) может быть объяснена ускоренным входением городов в кризисный период 1990-х годов и наступлением второй волны депопуляции уже в период 2010–2021 гг. Анализ типопредставителей показывает, что наравне с классическими сжимающимися старопромышленными и угледобывающими центрами к ним

относятся достаточно крупные города, в числе региональные центры (Магадан, многие горно-металлургические города Мурманской области во главе с региональным центром, а также Северодвинск, Киселевск, Ухта, Усолье-Сибирское и др.), где волны естественной убыли в постсоветский период не совпадали с пиками миграционного оттока населения в силу омоложенной в целом возрастной структуры населения.

Траектории IV и V типов также характеризуются сходной между собой динамикой при непостоянстве сжатия в течение всего постсоветского периода. Их общей чертой является прохождение пикового периода депопуляции в течении 2000-х гг. Важно заметить, что снижение численности населения многих городов этой группы было характерно и в течение позднего советского периода, однако в целом оно имело локальное проявление. Состав городов этих групп характеризуется максимальным удельным весом малых и сверхмалых городов, расположенных как в Центре, так и в Восточных районах страны. Четвертый тип динамики проявляется, к примеру, сразу в четырех городах Псковской области (Опочка, Пустошка, Новоскольниковы, Пыталово) и трех центрах Рязанской области (Кораблино, Михайлов, Шацк). Это, как правило, небольшие города, частично сохраняющие экономическую базу за счет преимуществ своего географического положения или локализации новых функций. К пятому типу относятся экономически более основательные центры: например, производственные центры Тульской и Свердловской областей, Сахалина и др. Характерная V-образная динамика в них объясняется затянувшимися в большинстве из них кризисными явлениями, потенциал которых был исчерпан в се-

редине постсоветского периода, после чего в целом города этих типов смогли повторить общенациональные позитивные демографические тенденции. Различия между IV и V типами объясняются в основном скоростью преодоления негативных тенденций.

VI тип динамики характерен для городов с потенциалом выхода из периода интенсивного сжатия или полного его исчерпания. Пик интенсивности сокращения людности пройден в 1990-е гг., в настоящее время идет замедление депопуляции, в отдельных случаях сопровождающееся даже непродолжительными периодами роста. Ядро группы образуют Петропавловск-Камчатский, Воркута, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск – крупные города, где наиболее активная фаза депопуляции уже позади. Шестым типом динамики характеризуются и моногорода с благоприятной конъюнктурой отдельных отраслей их специализации, например, некоторые центры цветной металлургии (Тырныауз, Сусуман, многие города Мурманской области и др.), а также многие средние города Центральной России (например Бологое, Осташков в Тверской области, Южа в Ивановской, Кулебаки в Нижегородской и т.п.). Население этих городов в свое время наиболее быстро и остро отреагировало на изменение условий жизни и качества среды и проблемы занятости, а в последние годы постепенно замедляет темпы спада.

Выводы. Характерный для многих стран мира процесс сжатия городов и обособления группы сжимающихся городов не обошел стороной Россию. Формальный статистический подход к выделению сжимающихся городов (среднегодовая депопуляция на уровне 1%), примененный к совокупности российских городов показал, что по итогам постсоветского периода в целом более четверти всех центров могут быть отнесены к сжимающимся, а периодические процессы сжатия меньшей длительности и интенсивности охватили более половины всех городов.

Процессы сжатия городов служат ярким индикатором трансформации общих пропорций в размещении населения и отдельных систем расселения страны. В наибольшей степени процессам сжатия подвержены восточные и северные города России, в последние годы в число лидеров по тем-

пам сжатия вошли многие центры Нечерноземья. Различия в характере депопуляции городов между западными и восточными регионами страны проявляются не только в ее общем уровне (темпах), но и их последовательности отдельных фаз: на Востоке депопуляция началась раньше и опережала потери населения в Европейской России, частично компенсируя их за счет миграционных перетоков.

Диапазон динамики населения отдельных городов задают региональные демографические тенденции. В результате формируются целые ареалы урбанистического сжатия. В Европейской части России к ним можно отнести практически целиком Республики Коми и Карелию, Мурманскую и Архангельскую области, большие части Псковской и Костромской областей, север Тверской области и др.; на Востоке – Иркутскую и Амурскую области, Забайкалье, Сахалин, периферийные районы Приморья и др.

На внутрирегиональном уровне (особенно в Центральной России и Нечерноземье) отчетливо проявляется как иерархическая, так и географическая дифференциация динамики сжатия городов. Размер города (людность), административный статус, центральное географическое положение или тяготение к зонам влияния других крупных центров, размещение городов на ключевых транспортных коридорах, как правило, выступают основными факторами сопротивляемости городов процессам сжатия.

В основных ареалах депопуляции к сжимающимся относится от трети до двух третей всех городов отдельных категорий людности, что это отражает общую незавершенность урбанизации, которая проявляется по-разному в разных регионах. При этом пик сжатия максимален не в группе сверхмалых городов: он смещен в категории 10–20 и 20–50 тыс. чел., а с учетом совокупных потерь населения за рассматриваемый период – даже в сторону более крупных городов (50–100 тыс. чел.). Анализ совокупности сжимающихся городов позволяет сформировать портрет типичного сжимающегося города России – это 20–50-тысячник, расположенный в одном из районов с не самыми комфортными природными условиями и ставшей «неудачной» в рамках рыночных условий специализацией, как правило, монопрофильной.

Выделенные шесть типов траекторий сжатия показывают, что по сути российские города показывают три типа динамики этого процесса: возрастающая, убывающая и V-образная, различия между которыми связаны не столько с формальными данными, сколько с их причинами. Механизм сжатия для большинства депопулирующих городов проявляется в условиях сочетания экономического (неблагоприятная монопрофильность как фактор миграционного оттока) и демографического (естественная убыль) факторов. Однако если демографический фактор скорее работает в качестве условия сжатия, то экономический проявляется не только в качестве условия отнесения города

к сжимающимся, но и определяет траекторию сжатия городов. Как правило резкое падение градообразующей отрасли приводило к ускоренному переходу к фазе замедления сжатия, а растянутое «увядание» экономической основы городов, напротив, способствовало затягиванию периода восстановления.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках госбюджетной темы НИР географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова № 1.17 «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. Под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефедовой. М.: ОГИ, 2001. 557 с.
2. Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. № 3. С. 121–141.
3. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 86–98.
4. Ефремова В.А. Проявления «сжатия» во внутренней территориальной структуре малых и средних городов Ивановской области // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Т. 1. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2014. С. 152–161.
5. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 69–74.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
7. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. М.: Новый хронограф, 2009. 376 с.
8. Шманкевич Т.Ю. «Сжимающийся» город – новая сегрегация. // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 295–307.
9. Averkieva K., Efremova V. Urban shrinkage in Russia Concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period // Postsocialist Shrinking Cities. London: Routledge, 2022. P. 147–159.
10. Batunova E., Gunko M. Urban shrinkage: an unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities // European Planning Studies. 2018. № 26 (8). P. 1580–1597.
11. Batunova E., Gunko M. Diverse landscape of urban and regional shrinkage in Russia preconditions versus preconceptions in planning and policy // Postsocialist Shrinking Cities. London: Routledge, 2022. P. 160–177.
12. Bernt M. The limits of shrinkage: conceptual pitfalls and alternatives in the discussion of urban population loss // International Journal of Urban and Regional Research. 2016. № 40 (2). P. 441–450.
13. Cottineau C. A Multilevel Portrait of Shrinking Urban Russia [Электр. ресурс] // Espace, Populations, Sociétés. 2016. URL: <https://journals.openedition.org/eps/6123> (дата обращения: 21.02.2023).
14. Haase A., Bernt M., Grossmann K., Mykhnenko V., Rink D. Varieties of shrinkage in European cities // European Urban and Regional Studies. 2016. № 23 (1). P. 86–102.
15. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing urban shrinkage // Environment and Planning A. 2014. № 46. P. 1519–1534.
16. Pallagst K. Shrinking cities in the United States of America // The Future of Shrinking Cities: Problems, Patterns and Strategies of Urban Transformation in a Global Context. Los Angeles: University of California. 2009. P. 81–88.
17. Pallagst K., Mulligan H., Cunningham-Sabot E., Fol S. The shrinking city awakens: perceptions and strategies on the way to revitalisation? // Town Planning Review. 2017. № 88 (1). P. 9–13.
18. Postsocialist Shrinking Cities. Ed. by C.-T. Wu, M. Gunko, T. Stryjakiewicz, K. Zhou, London: Routledge, 2022. 392 p. DOI: 10.4324/9780367815011.
19. Ryan B.D., Gao S. Plan implementation challenges in a shrinking city // J. Am. Plann. Assoc. 2019. № 85. P. 424–444. DOI: 10.1080/01944363.2019.1637769.
20. Rumpel P., Slach O. Shrinking cities in Central Europe // Transitions in Regional Science-Regions. In Transitions: Regional Research in Central Europe. Publisher: Wolter Kluwer, 2014. P. 142–155.
21. Shrinking Cities: International Research. Volume 1. / Ed. by Oswalt P. Hatje Cantz: Verlag, 2005. 735 p.
22. Shrinking Cities. International Perspectives and Policy Implications. Ed. by K. Pallagst, T. Wiechmann, C. Martinez-Fernandez. New York: Routledge, 2013. P. 334. DOI: 10.4324/9780203597255
23. Turok I., Mykhnenko V. The trajectories of European cities, 1960–2005 // Cities. 2007. № 24 (3). P. 165–182.

24. *Weaver R., Bagchi-Sen S., Knight J., Frazier A. E.* Shrinking Cities: Understanding Urban Decline in the United States. New York, NY: Routledge. 2017. 244 p.
25. *Wiechmann T.* Errors expected – aligning urban strategy with demographic uncertainty in shrinking cities // *International Planning Studies*. 2008. №13 (4). P. 431–446.
26. *Wolff M., Wiechmann T.* Urban growth and decline: Europe's shrinking cities in a comparative perspective 1990–2010 // *European Urban and Regional Studies*. 2018. Vol. 25. № 2. P. 122–139.

Статья поступила в редакцию журнала 21 марта 2023 г.

Об авторах:

Кириллов Павел Линардович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Балабан Михаил Олегович – студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Гао Лян – доцент школы системных наук Пекинского транспортного университета Цзяотун, г. Пекин, Китай.

Для цитирования:

Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Балабан М.О., Гао Л. Сжимающиеся города в России в постсоветский период // *Региональные исследования*. 2023. № 1. С. 4–18.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-1

Shrinking cities in post-Soviet Russia

P.L. Kirillov^{1*}, A.G. Makhrova^{1}, M.O. Balaban^{1***}, Liang Gao^{2****}**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

Beijing Jiaotong University, School of Systems Science, Beijing, China

* e-mail: linard@mail.ru

** e-mail: almah@mail.ru

*** e-mail: mimbal@mail.ru

**** e-mail: lianggao@bjtu.edu.cn

The paper is aimed at assessing scale and trends of urban shrinkage in post-Soviet Russia both at national level and by its major regions. Based on the calculation of average annual index of population loss according to population censuses (1989–2021) data, almost half of Russian cities in total have been shrinking for at least one of three intercensal periods. At the same time, in one of three centers the average annual depopulation exceeded 1% at the end of the entire period. In 1989–2002, the number of shrinking cities was not significant (less than a quarter in total), while increasing dramatically in subsequent inter-census periods to over than 1/3 of all urban settlements of the country by 2021. Study of spatial spreading of urban shrinkage phenomenon unveiled that its progress at different stages was mainly contributed either by resource-based cities of the northern and eastern parts of the country, or by urban settlements in old-developed regions, primarily the Non-Chernozom areas. Absolute majority of all shrinking cities (87%) are minor units with a population under 50,000 inhabitants. Taking into account the general unfavourability of depopulation and the instability and variability of trends, six types of urban shrinkage trajectories with various combinations and alternations of depopulation phases were identified based on the sequence of depopulation phases within each of the three intercensal periods.

Keywords: post-Soviet Russia, depopulation, shrinking cities, scale and trajectories of urban shrinkage.

Received 21.03.2023

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 332.05; 911.3

НОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

© 2023 О.В. Кузнецова

*Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия
e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru*

В статье анализируется дифференциация российских регионов по динамике их социально-экономического развития в 2022 г. на основе ряда статистических показателей, прежде всего индексов выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности и промышленного производства (с учетом сложившейся картины межрегиональных различий по динамике и структуре валового регионального продукта в 2020–2021 гг.). Показывается, что на экономическое развитие регионов в 2022 г. заметное влияние оказала ранее не игравшая столь значимой роли зависимость их экономики от иностранного капитала, что впервые за последние годы привело к наибольшей проблемности Северо-Западного федерального округа. В обрабатывающих производствах, как и в 2015 г., наибольшие темпы роста оказались характерны для Южного федерального округа, прежде всего, крупнейших его регионов, а также Центрального. Последний одновременно отличался большими контрастами между отдельными входящими в его состав субъектами Федерации, оказавшимися как среди лидеров, так и аутсайдеров по индексам производства. Реальные денежные доходы населения в 2022 г. слабо зависели от динамики экономических показателей – традиционно значимую роль сыграло перераспределение доходов в рамках государственной социальной политики. Кроме того, как это свойственно кризисным годам, динамика оборота розничной торговли по регионам не определялась реальными денежными доходами населения.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, базовые виды деятельности, промышленность, автопром, розничная торговля, доходы населения, иностранные инвестиции.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-2

Введение и постановка проблемы. Развитие российской экономики в 2022 г. в значительной степени определялось введением масштабных антироссийских санкций, резким общим ухудшением отношений с «западными» странами, и, как результат, новым, уже четвертым экономическим кризисом в течение последних менее чем полутора десятков лет. Этот кризис является внутрироссийским, в некоторой степени схожим с кризисом 2015 г. (хотя тогда влияние антироссийских санкций и ухудшения отношений с «Западом» играло гораздо меньшую роль в экономической динамике), в то время как кризисы 2009 и 2020 гг. были общемировыми. Вполне логично предположить, что картина дифференциации регионов по динамике их социально-экономического развития в 2022 г. отчасти повторяла картину прошлых

лет, отчасти отличалась своей спецификой. Выявление как типичных, так и новых закономерностей регионального развития в прошедшем году – основная цель данной статьи.

Обзор ранее выполненных исследований. Тенденциям и факторам пространственного развития России посвящен огромный пласт научных работ. В 2020-е гг. появилось уже несколько масштабных монографий по этой теме, в том числе по результатам трёх программ фундаментальных исследований Президиума РАН [1], в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН [20], в Институте экономических исследований Дальневосточного отделения РАН [21].

С точки зрения анализа закономерностей развития регионов в кризисные годы особое

значение имеют работы по региональной шокоустойчивости (*regional resilience*) – о соответствующих концептуальных подходах, разрабатывавшихся преимущественно в зарубежной литературе, речь шла в таких публикациях, как, например, [3; 9]; основанный на таких подходах анализ дифференциации российских субъектов Федерации по динамике их развития в «ковидный» кризис приводился в ряде работ: [7; 10; 17]. Целый ряд публикаций посвящен непосредственно оценке и объяснению различий в социально-экономической динамике регионов в кризисные годы: [4; 6; 11; 14; 18]. Если очень кратко обобщить основные и значимые для дальнейшего анализа выводы названных публикаций, то они таковы:

- динамика развития регионов в кризисы в немалой степени определяется структурой их производства, имеет место «региональная проекция отраслевой динамики»; иначе говоря, на регионах негативно сказывается их специализация на наиболее пострадавших в кризис отраслях или, строго говоря, видах экономической деятельности (ВЭД), хотя набор таких ВЭД может от кризиса к кризису отличаться;
- несмотря на различия между кризисами в динамике отдельных отраслей, есть и неизменные закономерности: наиболее значимым падение бывает в автопроме (причем не только в России), в первую очередь по причине заметного сокращения спроса на автомобили как товары длительного пользования; напротив, относительно стабильной ситуация оказывается в производстве товаров повседневного спроса и, соответственно, специализирующихся на них регионах;
- устойчивости регионов в кризисы способствует диверсифицированная структура их экономики (когда негативная динамика в одних ВЭД компенсируется или хотя бы смягчается более благоприятной ситуацией в других ВЭД);
- наряду со структурой экономики регионов на различия между ними по динамике развития в кризисные годы влияют и собственно особенности регионов: традиционные факторы регионального развития (например,

привлекательные рынки сбыта, выгодное географическое положение); попадание в число приоритетных объектов федеральной пространственной политики; запуск крупных инвестиционных проектов, строительство которых началось в докризисный период (преобладание в регионе более современных, модернизированных производств признается одним из факторов региональной шокоустойчивости).

По особенностям развития российских регионов в 2022 г. также есть ряд публикаций, по большей части по данным за первые месяцы года и/или по отдельным составляющим экономики или социальной сферы. Выделим работы по агропромышленному комплексу [19] и региональным бюджетам [5], которые мы в своей статье рассматривать не будем.

Материалы и методы исследования.

Для оценки динамики социально-экономического развития регионов в 2022 г. мы использовали набор оперативно публикуемых Росстатом (спустя один-два месяца после завершения отчетного периода) индексных показателей – в бюллетене «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ», ежемесячных докладах «Социально-экономическое положение России», базе данных ЕМИСС (Единой межведомственной информационно-статистической системе). Это следующие индексы:

- промышленного производства (в целом, по четырем соответствующим разделам ОКВЭД, включая «Добычу полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства», а также по подразделам ОКВЭД);
- производства продукции сельского хозяйства;
- объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»;
- оборота оптовой торговли;
- оборота розничной торговли – в целом и отдельно пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями (далее – розничная торговля продовольствием) и непродовольственными товарами;
- оборота общественного питания (все показатели оборота – в сопоставимых ценах);

- объема платных услуг населению (также в сопоставимых ценах);
- а также реальные денежные доходы населения.

Показатели валового регионального продукта (ВРП), как известно, публикуются с большим временным лагом, в марте 2023 г. были опубликованы данные только за 2021 г. Но в последние годы Росстат стал оперативно публиковать еще один индекс – индекс выпуска товаров и услуг по базовым ВЭД (далее – индекс базовых ВЭД). Базовыми ВЭД называется совокупность ВЭД, входящих в реальный сектор экономики, отражающий производство товаров, их транспортировку и реализацию на рынке, и в состав базовых ВЭД входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; четыре «промышленных» раздела ОКВЭД; строительство; оптовая и розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; деятельность пассажирского и грузового транспорта.

К сожалению, при сопоставлении данных по регионам за 2022 г. и предшествующие годы приходится сталкиваться с серьезными ограничениями в формировании длинных временных рядов – они, как правило, непродолжительные. Самый короткий – по индексу базовых ВЭД, по которому первые данные опубликованы только за 2018 г. Сопоставимые данные по ВРП есть только с 2017 г. (принципиальные изменения в статистике ВРП с переходом на новую методику расчета показателя показаны в [16]). В связи с переходом на ОКВЭД-2 временные ряды по индексам промышленного производства есть только с 2015 г., причем в данном случае Росстат опубликовал данные за 2015–2016 гг. по «старому» и «новому» ОКВЭД (например, в приложении к статсборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022»), и очень хорошо видно, насколько они отличаются. Так, в среднем по России индекс промышленного производства в 2015 г. в первом варианте составлял 96,6%, во втором – 100,2%. Кроме того, поскольку речь идет об индексных показателях, они чувствительны к изменению границ территориальных единиц. С кризиса 2009 г. таких изменений было три: существенное расширение в 2012 г. границ Москвы (хотя оно на соотношении показателей по Москве и Московской области принципиальным образом

не сказалось); включение в 2014 г. Крыма в состав России (что повлекло за собой изменение показателей в среднем по субъектам РФ и Южному федеральному округу – ФО); «перенос» Бурятии и Забайкальского края из Сибирского ФО в Дальневосточный в 2018 г. При этом за предшествующие годы Росстат пересчитал индексы для Сибири и Дальнего Востока в новых их границах отнюдь не по всем показателям (например, по одному из важнейших – реальным денежным доходам населения – нет, хотя по индексам производства сопоставимые данные есть с 2015 г.). Поэтому в данной статье мы анализируем ряды данных за разные годы в той мере, в какой это возможно.

Только с начала 2015 г. есть и первые данные Центрального банка РФ по прямым иностранным инвестициям (ПИИ), учет которых особенно важен в 2022 г., по которому в качестве одного из факторов дифференциации регионов по динамике их социально-экономического развития необходимо учитывать роль иностранного капитала в их экономике. В данном случае, к сожалению, приходится сталкиваться еще и с низким качеством статистики ПИИ – невозможностью разделить подлинно иностранные и де-факто российские инвестиции из офшоров, явным недоучетом Центробанком России (а именно он на сегодняшний день является единственным источником официальных данных по ПИИ) масштабов зарубежных капиталовложений в регионах (подробнее см. [8]). Тем не менее, с определенной долей условности мы проводим оценку роли ПИИ в экономике регионов по соотношению накопленных ПИИ, пересчитанных в рубли по курсу Центробанка России, к публикуемой Росстатом стоимости основных фондов по полной учетной стоимости; все показатели – на конец года.

Еще одним дополнительным к Росстату источником информации данных для нашей статьи является Федеральная налоговая служба (ФНС) – отчет по форме № 5-АМ о налоговой базе и структуре начислений по акцизам на автомобили легковые и мотоциклы (последние опубликованные данные – на 1 января 2022 г.). Данные этого отчета в условиях закрытости информации по линии Росстата об объемах производства продукции по субъектам РФ позволяют составить представление о масштабах автопрома в российских регионах.

Все данные по Архангельской и Тюменской областям приводятся без учета входящих в их состав автономных округов.

Результаты исследования и их обсуждение. Данные по ВРП за 2020–2021 гг. показывают, что большинство российских регионов – 66 из 85 – к концу 2021 г. вернулись к «доковидному» (2019 г.) уровню развития экономики или превысили его (и в их отношении говорить о продолжении восстановительного роста в 2022 г. уже нельзя). Субъектов РФ, где совокупный за два года индекс ВРП не достиг 100%, оказалось 19, причем в 6 из них спад ВРП был и в 2020 г., и в 2021 г. (что при оценках региональной шокоустойчивости логично оценивается как самый худший вариант развития событий): это Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области в Южном ФО, Республика Тыва, Красноярский край и Сахалинская область на востоке страны. В 13 регионах рост 2021 г. не смог компенсировать спада 2020 г. – в северо-западных регионах – Республике Коми, Ненецком АО и Псковской областях, географически близкой к ним Тверской области, в Республике Ингушетия на Северном Кавказе, в Республиках Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия и в Самарской области в Приволжском ФО, Курганской, Тюменской областях и Ханты-Мансийском АО в Уральском ФО, в Томской области.

По индексу базовых видов ВЭД картина за 2020–2021 гг. схожая, но не полностью идентичная. Не вернулись к «доковидному» уровню 18 регионов, спад в экономике на протяжении двух лет был в 8 субъектах РФ: Калининградской области, Республике Калмыкия, Астраханской области, Чувашской Республике, Республиках Алтай и Тыва, Амурской и Сахалинской областях. В названной выше Волгоградской области по базовым ВЭД оба года имел место рост, Красноярский край, наряду с Республиками Коми и Крым, Ингушетией и Карачаево-Черкесией, Оренбургской, Курганской и Кемеровской областями, Ненецким и Ханты-Мансийским АО попадает в число регионов, где рост 2021 г. не компенсировал спад 2020 г.

Расхождения между индексами ВРП и базовых ВЭД заметны и по всему массиву субъектов РФ – коэффициенты корреляции между этими индексами в 2019–2021 гг. составляли 0,51–0,53. Поэтому считать индекс базовых ВЭД полноценной заменой индекса ВРП, конечно, нельзя, но все-таки взаимосвязь между этими показателями выше, нежели между индексами ВРП и промышленного производства. Причина названных расхождений вполне очевидна – сохраняющиеся очень существенные различия между регионами и даже федеральными округами по структуре ВРП (табл. 1 и рис. 1; с некоторым приближением в базовых ВЭД учитываются

Таблица 1. Укрупненная структура ВРП в 2021 г., %

Федеральные округа	Разделы ОКВЭД						
	А – Сельское хозяйство	В+С+D+E – Промышленность	F – Строительство	G – Торговля	H – Транспорт	I+J+K+L+M+N – «Рыночные» услуги	O+P+Q+R+S – «Нерыночные» услуги
Сумма по РФ	4,5	34,7	5,1	14,5	6,5	21,8	12,9
Центральный	3,2	23,4	4,9	17,5	6,1	31,7	13,2
Северо-Западный	2,5	27,5	3,5	25,7	7,4	21,7	11,7
Южный	11,9	20,9	5,4	14,4	9,8	21,4	16,2
Северо-Кавказский	16,1	12,4	10,4	14,6	4,6	17,0	24,9
Приволжский	6,2	42,9	5,1	10,6	5,3	17,5	12,4
Уральский	1,5	63,9	5,6	5,9	5,0	10,4	7,7
Сибирский	5,3	45,1	4,5	9,2	6,6	15,7	13,6
Дальневосточный	5,9	39,5	7,0	8,5	10,0	12,3	16,8

Примечание. В таблице приведены условные / сокращенные названия разделов ОКВЭД. Источник: составлено по данным Росстата.

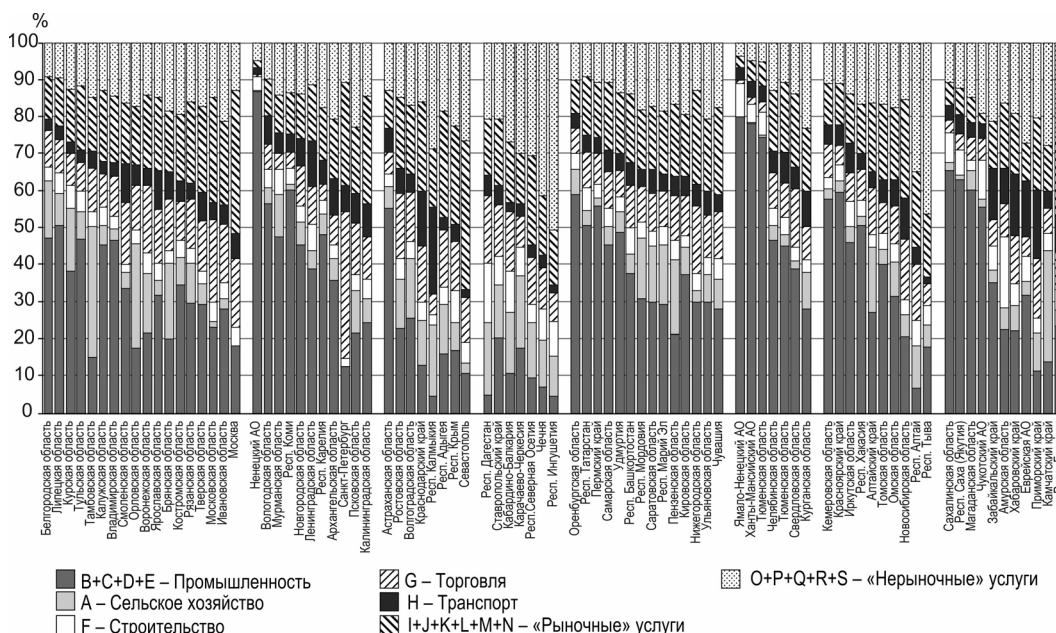

Рис. 1. Укрупненная структура ВРП (по разделам ОКВЭД) по субъектам РФ в 2021 г., %.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

те разделы, которые не входят в «рыночные» и «нерыночные» услуги).

Картина межрегиональных различий по индексам базовых ВЭД, промышленного производства (в целом, по обрабатывающим производствам) в 2022 г. отличалась от картины предшествующих лет, что, впрочем, и ранее наблюдалось в условиях экономической

нестабильности. Важнейшая особенность 2022 г. – потеря лидирующих позиций Центром и Северо-Западом (табл. 2). При сравнительно небольших темпах падения ВРП в 2020 г. Центральный и Северо-Западный ФО стали лидерами по его росту в 2021 г., что в конечном итоге привело и к самым высоким показателям ВРП по итогам двух лет.

Таблица 2. Динамика ВРП и выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности

Федеральные округа	Индекс ВРП, %		Индекс базовых ВЭД, %				Роль иностранного капитала*, на конец 2021 г., %	
	2020 к 2019	2021 к 2020	2019	2020	2021	2022		
Среднее по РФ	97,8	107,3	104,9	98,1	105,9	103,9	98,7	11,3
Центральный	99,2	109,4	108,5	103,2	117,2	121,0	99,5	16,1
Северо-Западный	98,0	112,5	110,3	99,7	108,5	108,2	98,1	12,0
Южный	98,5	104,5	102,9	100,8	107,4	108,3	103,5	1,5
Северо-Кавказский	99,8	104,9	104,7	96,4	107,3	103,4	102,4	0,5
Приволжский	97,0	103,4	100,3	100,7	106,0	106,7	102,5	1,5
Уральский	95,2	106,4	101,3	99,8	106,0	105,8	99,7	9,6
Сибирский	96,6	103,4	99,9	98,3	106,0	104,2	101,7	5,6
Дальневосточный	98,1	106,5	104,5	101,8	105,6	107,5	101,6	32,8

* Отношение накопленных прямых иностранных инвестиций к стоимости основных фондов.

Источник: составлено по данным Росстата и Центробанка России.

Напротив, Сибирский ФО лишь приблизился к уровню 2019 г. (в региональной структуре его ВРП доля называвшегося выше среди проблемных регионов Красноярского края в 2019–2020 г. составляла около 30%; Республики Алтай и Тыва значимого вклада в динамику по округу в целом не давали – их суммарная доля около 1,5%). В 2022 г. значения индекса базовых ВЭД по Центральному и Северо-Западному ФО оказались наименьшими, спад отмечался и в Уральском ФО. Самое динамичное развитие в 2022 г. оказалось характерно для Южного ФО, за ним следуют с примерно равными показателями Северо-Кавказский и Приволжский, далее Сибирский и Дальневосточный ФО.

Логично предположить, что такая ситуация может объясняться повышенной ролью иностранного капитала в экономике Центра и Северо-Запада. Выше уже говорилось о недостатках статистики ПИИ, но в целом получающаяся картина межрегиональной дифференциации по соотношению накопленных ПИИ и стоимости основных фондов соответствует имеющимся представлениям о размещении в стране зарубежных компаний. Ранее уже делались попытки оценить роль ПИИ в развитии регионов [13], но при этом значимого влияния ПИИ не обнаруживалось. Наши расчеты тоже не выявляют связи между ролью ПИИ в экономике регионов и показателями их динамики в предшествующие годы, тогда как в 2022 г. такая связь, пусть и слабая, стала прослеживаться (с индексом промышленного производства коэффициент корреляции составил $-0,4$). В разрезе федеральных округов исключением из правила выглядит Дальневосточный ФО, но это может быть связано с рядом причин. Во-первых, очень высокое значение показателя роли ПИИ по федеральному округу в целом связано с проектами СРП на Сахалине, хотя и без учета Сахалинской области показатель по Дальнему Востоку составляет 10,1%. Во-вторых, в распределении ПИИ из разных стран по регионам страны определенную роль играет «эффект соседства», поэтому, если не учитывать СРП на Сахалине, в структуре ПИИ на Дальнем Востоке повышенную роль играет капитал из соседних стран, в том числе Китая. В-третьих, в условиях переориентации российских внешнеэкономических связей «на восток» выросла загрузка дальневосточных портов

и всей транспортно-логистической системы (к сожалению, отдельных оперативных показателей по транспорту, в отличие от других секторов экономики, нет).

Примечательно также то, что в динамике промышленности картина межрегиональных различий с 2015 г. год от года менялась, но 2022 г. схож именно с 2015 г., когда также имело место ухудшение отношений с «западными» странами (коэффициент корреляции между индексами обрабатывающих производств в 2015 г. и 2022 г. составил 0,45). Но в 2015 г. влияние этого фактора было гораздо менее масштабным и не сказалось столь ощутимо на изменении пропорций регионального развития в стране. В 2022 г. влияние изменившихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий было более многоплановым: это и проблемы поставки комплектующих, и закрытие предприятий иностранных компаний, и снижение активности на транспорте и в торговле. Проблемы производственного сектора Северо-Запада уже анализировались [22], к этому можно добавить, что по статистике Санкт-Петербург в 2021 г. стал лидером по доле торговли (разделу G ОКВЭД) в ВРП – 39,7%, заметно опередив следующих за ним Московскую область (22,2%), Москву (18,4%) и еще ряд близких к ней по значениям показателя субъектов РФ. Дело, скорее всего, в погрешностях статистики (завышающей реальную роль торговли в экономике города), но роль Санкт-Петербурга как российского «хаба» на Балтике нельзя отрицать.

Спад в промышленности и оптовой торговле (впрочем, далеко не самый масштабный среди федеральных округов) на Северо-Западе не был компенсирован, как в целом ряде других макрорегионов, ростом в строительстве и сельском хозяйстве (во втором во многом в силу далеко не самых благоприятных агроклиматических условий) (табл. 3). Показатели динамики в строительстве не отличаются стабильностью ни по отдельным регионам, ни в части межрегиональных различий. При этом в последние два года вклад строительства в формирование дифференциации регионов по индексу базовых ВЭД был заметным: коэффициенты корреляции 0,49 в 2021 г. и 0,56 в 2022 г. Это неудивительно, учитывая, что в рамках федеральной политики (в том числе антикризисной ее составляющей) на строительство, особенно инфраструктурное, делается большой акцент.

Таблица 3. Индексы по отдельным видам деятельности, 2022 г. в % к 2021 г.

Федеральные округа	Сельское хозяйство	Промышленность			Строительство	Оборот оптовой торговли
		Всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства		
Среднее по РФ	110,2	99,4	100,8	98,7	105,2	85,5
Центральный	108,0	103,1	93,1	104,4	112,0	87,3
Северо-Западный	100,7	99,1	104,8	98,0	89,5	97,2
Южный	110,7	102,5	95,6	105,7	100,5	102,5
Северо-Кавказский	101,7	102,7	98,1	103,1	104,4	98,6
Приволжский	120,1	100,4	102,6	100,4	111,0	91,3
Уральский	116,8	99,4	100,2	99,3	92,4	96,3
Сибирский	103,1	100,5	99,3	102,8	108,4	89,7
Дальневосточный	111,3	95,2	94,2	98,0	107,9	100,4

Источник: составлено по данным Росстата.

По динамике промышленного производства картина межрегиональных различий по сравнению с базовыми ВЭД имеет свои особенности (табл. 3 и рис. 2). В данном случае вновь, как и в кризис 2020 г., видно сохраняющееся, несмотря на меры федеральной политики, отставание Дальнего Востока в развитии обрабатывающих производств, хотя уже и не столь кардинальное, как в «ковидный» год (тогда индекс на Дальнем Востоке составил 92,1%, а в следующей за ним Сибири – 98,9%). Показатель 2022 г. на Дальнем Востоке был таким же, как на Северо-Западе, но на общем индексе промышленного производства макрорегиона негативно сказался спад в нефтегазовом секторе Сахалинской области (на 26,5%).

В обрабатывающей промышленности на динамике межрегиональных различий не мог не сказаться рост оборонного производства, но статистические данные по нему отсутствуют, а география такого производства довольно широкая.

Лидером по росту обрабатывающей промышленности стал Южный ФО, причем на первых местах были не отстававшие предыдущие два года субъекты РФ, а два крупнейших региона округа – Ростовская (8-е место в стране с показателем в 110,5%) и Волгоградская области. Примечательно, что Южный ФО еще больше выделялся на фоне других макрорегионов и в 2015 г. – индекс обрабатывающих производств составил 126,9%, а по Ростовской области – 163,8%.

В качестве гипотезы можно предположить, что производственный сектор Южного ФО оба раза получал дополнительный импульс для своего развития с вхождением в состав России новых субъектов Федерации (за счет поставок в них продукции). В любом случае позитивная динамика обрабатывающей промышленности как по Южному ФО в целом, так и по Ростовской области определялась ростом по разным видам производства (включая оборонные).

На втором месте по индексу обрабатывающих производств Центральный ФО, хотя по отдельным его субъектам Федерации ситуация сильно разнится: ровно в половине (девяти) регионах имел место рост обрабатывающей промышленности, в половине – спад. Значимый рост имел место в Москве с индексом в 110,2%, что в значительной степени и определило общий по округу показатель. В данном случае вновь можно говорить о преимуществах крупнейших городов (в Санкт-Петербурге, несмотря на все сложности, тоже был немалый рост в обработке – на 5,1%). Прежде всего, благодаря диверсифицированной структуре экономики спад в одних отраслях (прежде всего, автопроме) был компенсирован позитивной динамикой по другим видам деятельности. В определенной степени позитивную роль продолжил играть большой рынок сбыта (в Санкт-Петербурге рост в пищевой промышленности достиг 23,1%). Для крупнейших городов характерны также сложные

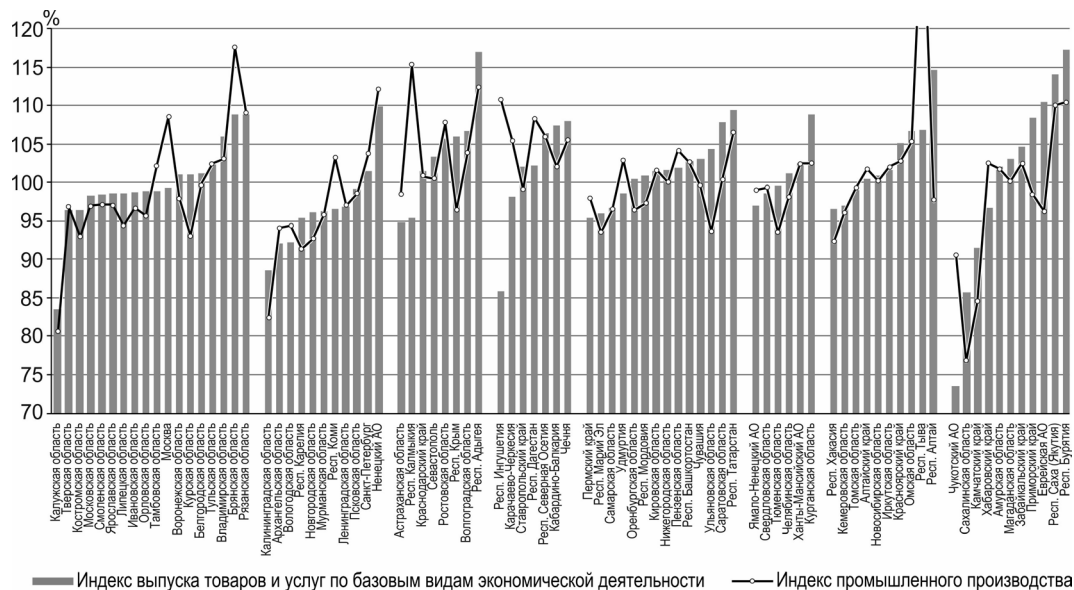

Рис. 2. Динамика основных экономических показателей по субъектам РФ, 2022 г. в % к 2021 г.

Примечание. Индекс промышленного производства по Республике Тыва – 137,1%.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

производства (включая оборонные), особо значимые в современных реалиях. На общем показателе по Москве позитивно сказался и рост в нефтепереработке – на 13,1%.

В целом в России в 2022 г. оказалось 20 субъектов РФ, где индекс обрабатывающих производств превысил 105%. Большинство из них – регионы с очень небольшой ролью обрабатывающей промышленности в экономике, всегда отличающиеся значительными отклонениями индексов от среднего, причем в обе стороны. Так, лидером оказалась Сахалинская область с показателем в 122,7%: здесь доля обрабатывающих производств в 2021 г. составляла 3,9% ВРП¹, тогда как в среднем по регионам – 17,2%. Чего нельзя сказать про Брянскую область (16,4%), занявшую второе место с показателем в 120,1%. Помимо уже называвшихся выше субъектов РФ с развитой обрабатывающей промышленностью (две «столицы», Ростовская и Волгоградская области), в двадцатку лидеров попали еще один регион Центра – Рязанская область (109,2%), Республика Татарстан (108,2%), Омская и Пензенская области, Красноярский край. Всего с ростом обрабатывающей промышленности в 2022 г. было 39 субъектов РФ.

¹ В структуре обрабатывающих производств в Сахалинской области доминирует пищевая промышленность, в основном рыбная.

В Брянской области вклад в экономический рост обеспечили разные отрасли (как связанные, так и не связанные с гособоронзаказом). Особенно заметным рост оказался с учетом изначально невысокого уровня экономического развития области: по итогам 2021 г. по ВРП на душу населения она опережала в Центральном ФО только Ивановскую и Костромскую области (в этих двух регионах в 2022 г. был спад в обрабатывающей промышленности, причем во второй – более чем на 10%). Еще более чем на 10% производство сократилась в дальневосточных Камчатском крае и Чукотском АО, но это вновь примеры регионов с низким уровнем развития обработки, а также в Калужской и Калининградской области (сокращение почти на 20%), в Республике Карелия (на 11,5%).

Калужская и Калининградская области являются иллюстрациями негативной роли специализации региона на автопроме. В целом фактор отраслевой структуры промышленности в 2022 г. играл определенную роль в объяснении межрегиональных различий по динамике производства, но, в отличие от предыдущих лет, не столь очевидную из-за различий между регионами в их внешне-

экономических связей (в странах происхождения иностранных инвесторов, географии экспортно-импортных операций, особенностях приграничных связей). И пример того же автопрома это наглядно демонстрирует (табл. 4).

На объемах производства легковых автомобилей сказался еще «ковидный» кризис: в 2020 г. их было произведено 1262 тыс. шт. против 1525 тыс. в 2019 г.; восстановление в 2021 г. было далеко не полным – до 1365 шт. Но в 2022 г. было произведено уже только 450 тыс. автомобилей. Однако за три года – 2019–2021, по которым есть данные по количеству подакцизных автомобилей от ФНС, их производство в Тульской области выросло более чем в 12 раз, в Московской области – в 1,3 раза. В Ульяновской области осталось примерно на том же уровне, в остальных регионах сократилось, наиболее заметно – в Самарской области (на 25%). В результате, по данным Росстата, за эти же три года доля Центрального ФО в производстве легковых автомобилей выросла с 19,7% в 2019 г. до 21,9% в 2021 г., Северо-Западного – с 38,7% до 39,9%, тогда как доля Приволжского ФО сократилась с 39,1%

до 35,8% (оставшиеся 2,1–2,2% приходится на Дальневосточный ФО, 0,2–0,3% – на Северо-Кавказский)².

В 2022 г. значения индекса по виду деятельности «производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов» по отдельным регионам отличались в 10 раз, варьируя от 9,8% в Санкт-Петербурге до 98,3% в Тульской области. Совершенно очевидная причина сложившихся различий – страновая принадлежность работающих в регионах компаний. Относительно благополучная ситуация в Тульской области обеспечена производством китайских *Haval*; регионы с отечественным автопромом также пострадали в меньшей степени.

Различия между регионами по характеристикам социальной сферы представлены в таблице 5 и на рисунке 3. Между реальными денежными доходами населения и экономической динамикой в регионах зависимость традиционно слабая (что было показано в [12]), в кризисы роль централизованного перераспределения доходов еще больше возрастает. Кроме того, утрачивается и присутствующая в стабильные годы связь между реальными денежными доходами населения и динамикой розничного товарооборота, что

Таблица 4. Ситуация в автомобильной промышленности

Субъекты РФ	Количество подакцизных автомобилей и мотоциклов		Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов		
	Тыс. шт.	Доля в РФ, %	Доля в обрабатывающих производствах, %		Индекс производства, %
	2021 г.	2021 г.	2021 г.	2022 г.	2022 к 2021
РФ	1313	100,0	5,7	3,2	55,3
Калужская область	148	11,3	31,6	10,3	25,6
Московская область	86	6,6	1,7	1,1	74,8
Тульская область	36	2,7	5,1	5,7	98,3
г. Москва	90	6,9	2,0	0,8	30,5
Калининградская обл.	177	13,5	46,5	20,9	31,6
г. Санкт-Петербург	270	20,6	17,3	3,5	9,8
Удмуртская Республика	114	8,7	4,4	1,1	25,7
Нижегородская область	54	4,1	24,3	16,8	57,3
Самарская область	286	21,8	29,7	18,8	61,9
Ульяновская область	17	1,3	28,4	25,3	81,5
Приморский край	29	2,2	20,6	4,2	18,8

Источник: составлено по данным Росстата и ФНС.

² По сравнению с данными Росстата, в данных ФНС количестве подакцизных автомобилей завышается на 5–6 п.п. в Центральном ФО и на столько же занижается в Северо-Западном.

Таблица 5. Динамика социальных показателей, 2022 г. в % к 2021 г.

Федеральные округа	Реальные денежные доходы населения	Оборот розничной торговли			Оборот общественного питания	Объем платных услуг населению
		Всего	Продовольствием	Непродовольственными товарами		
Среднее по РФ	98,6	93,3	98,5	88,9	104,7	103,6
Центральный	98,3	90,5	97,5	84,4	99,4	104,9
Северо-Западный	97,5	91,8	101,5	84,8	107,0	103,2
Южный	99,3	96,5	99,6	93,7	105,2	102,4
Северо-Кавказский	98,1	98,5	98,8	98,2	100,9	103,9
Приволжский	98,2	95,4	100,1	91,6	104,0	103,3
Уральский	100,2	93,9	95,8	92,3	121,2	102,1
Сибирский	98,7	97,3	101,2	94,1	110,0	106,2
Дальневосточный	97,8	98,1	98,8	97,4	107,3	98,9

Источник: составлено по данным Росстата.

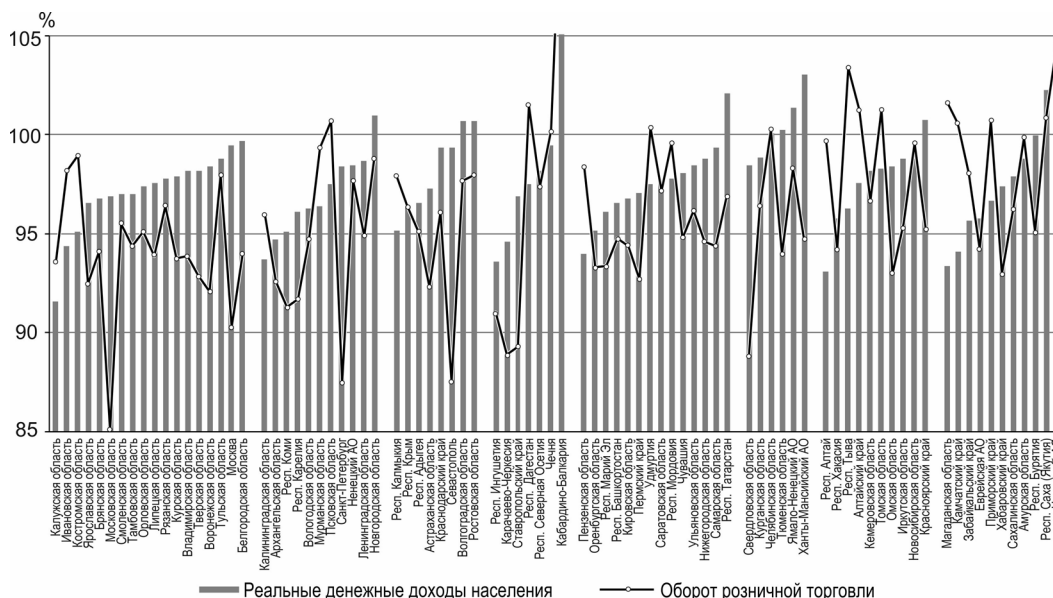

Рис. 3. Реальные денежные доходы населения и оборот розничной торговли по субъектам РФ, 2022 г. в % к 2021 г.

Примечание: по Кабардино-Балкарской Республике: реальные денежные доходы населения – 105,6%, оборот розничной торговли – 113,8%.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

связано с особенностями потребительского поведения населения в кризис (это было показано на примере Вологодской области [2]), по стране в целом в социологическом исследовании по средним слоям населения [15]). Так, если коэффициент корреляции между реальными денежными доходами и оборо-

том розничной торговли в регионах в 2021 г. составлял 0,76, то в 2022 г. он сократился до крайне слабого в 0,27. Аналогично и с показателями отдельно по розничной торговле продовольственными и непродовольственными товарами, хотя темпы спада по ним ожидаемо заметно различались (соответству-

ющие индексы составили 98,5% и 88,9%). Возможно, на динамике розничной торговли в 2022 г., особенно продовольствием, еще продолжали сказываться последствия пандемии, поскольку в 2022 г. продолжился рост оборота общественного питания (который все равно к уровню 2019 г. еще не вернулся)³. Сокращение оборота розничной торговли непродовольственными товарами было связано и с уходом с российского рынка привычных брендов, и с резкими, причем не всегда оправданными, скачками цен.

Выводы. Таким образом, как было показано выше, динамика социально-экономического развития регионов в 2022 г. отличалась как характерными для кризисных лет особенностями, так и новым чертами. К числу первых можно отнести позитивную роль высокой диверсификации экономики и специализацию на производстве товаров повседневного спроса, напротив, негативную роль специализации на автопроме, отсутствие очевидной зависимости реальных денежных доходов населения от экономических показателей, утрату связи между доходами и оборотом розничной торговли.

Основной новацией 2022 г. стала значимая зависимость экономики регионов от особенностей их внешнеэкономических связей: масштабов присутствия иностранного капитала, его страновой принадлежности, географии внешней торговли. В результате впервые за последние годы проявилось отставание Северо-Запада России и, наоборот, отсутствие такового в глубинных регионах страны. Наметилось также возрастание роли регионов Юга России. Можно обратить внимание и на возросшую роль в общеэкономической динамике, причем уже в течение двух лет, строительства, которое в отдельных регионах смогло смягчить спад в производстве.

Дальнейшие перспективы формирования межрегиональных различий по социально-экономической динамике зависят от общего развития ситуации в экономике, подробно рассмотренной в [23]. Вместе с тем вполне логично предположить, что тренды сдвига экономики в сторону восточных и южных регионов страны с высокой долей вероятности сохранятся, особенно если будет соответствующая поддержка со стороны федеральных органов власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. Науч. ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Тов-во научн. изданий КМК, 2020. 365 с.
2. Дементьева И.Н. Потребительское поведение населения региона и особенности его адаптации к экономическим условиям кризиса 2014–2015 гг. // Вопросы территориального развития. 2018. № 3. С. 1–21. DOI: 10.15838/tdi.2018.3.43.3
3. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
4. Зубаревич Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 23–31.
5. Зубаревич Н.В., Землянский Д.Ю. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2023. № 3. С. 47–55.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1
7. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64
8. Кузнецов А.В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 3. С. 30–44. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-2
9. Кузнецова О.В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. 2022. № 2. С. 33–57. DOI: 10.15372/REG20220202
10. Кузнецова О.В. Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 76–87. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7
11. Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г. // Федерализм. 2021. № 3. С. 5–28. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-3-5-28
12. Малкина М.Ю. Вклад различных источников в межрегиональное неравенство доходов населения России // Региональная экономика и социология. 2017. № 4. С. 126–150. DOI: 10.15372/REG20170406

³ Имеется в виду перераспределение спроса населения между розничной торговлей и общепитом при переходе на удаленный режим работы или выходе из него.

13. *Малкина М.Ю.* Влияние прямых иностранных инвестиций на различия регионов РФ по уровню производства и динамику межрегионального неравенства // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 59–80. DOI: 10.14530/se.2017.4.059-080
14. *Малкина М.Ю.* Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–124. DOI: 10.14530/se.2022.1.101-124
15. *Мареева С.В.* Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // *Журнал институциональных исследований*. 2017. Т. 9. № 1. С. 88–104. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.088-104.
16. *Михеева Н.Н.* «Новые» региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 3. С. 78–88. DOI: 10.47711/0868-6351-192-78-88.
17. *Михеева Н.Н.* Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 1. С. 116–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118
18. *Михеева Н.Н.* Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 2. С. 56–79. DOI: 10.15372/REG20190203
19. *Нефедова Т.Г.* Геоэкономические изменения агрокомплекса России в новых геополитических условиях // *Региональные исследования*. 2022. № 2. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-2-1
20. *Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты.* Под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 502 с.
21. *Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы.* Отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 328 с.
22. *Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В.* Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // *Проблемы развития территории*. 2022. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
23. *Широв А.А.* Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 2. С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.

Статья поступила в редакцию журнала 22 марта 2023 г.

Об авторе:

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Кузнецова О.В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // *Региональные исследования*. 2023. № 1. С. 19–30. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-2

New patterns of modern socio-economic development of Russian regions

O.V. Kuznetsova

*Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: kuznetsova_olga@mail.ru*

The article analyzes the differentiation of Russian regions according to the dynamics of their socio-economic development in 2022 on the basis of a number of statistical indicators, primarily indices of output of goods and services by basic types of economic activity and industrial production (taking into account the current picture of interregional differences in the dynamics and structure of gross regional product in 2020-2021). It is shown that the economic development of the regions in 2022 was significantly influenced by the dependence of their economy on foreign capital, which previously did not play such a significant role, which for the first time in recent years led to the greatest problems of the North-Western Federal District. In manufacturing, as in 2015, the highest growth rates were characteristic of the Southern Federal District, primarily its largest regions, as well as the Central One. The latter one at the same time was distinguished by great contrasts between individual regions, which turned out to be among the leaders and outsiders in terms of production indices. The real monetary incomes of the population in 2022 were weakly dependent on the dynamics of economic indicators – traditionally, a significant role was played by the redistribution of income within the framework of state social policy. In addition, as is typical of the crisis years, the dynamics of retail trade turnover by region was not determined by the real monetary incomes of the population.

Keywords: gross regional product, basic activities, industrial production, automotive industry, retail trade, personal income, foreign investment.

Received 22.03.2023

НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА

© 2023 Н.В. Зубаревич^{1,2*}, С.Г. Сафронов^{1**}

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт социального анализа и прогнозирования, Москва, Россия*

* e-mail: nzubarevich@gmail.com

** e-mail: saffff@mail.ru

Измерение бюджетной дифференциации регионов за 2006–2022 гг. выявило сложную и неоднородную картину. Произошел сдвиг распределения налогов между уровнями бюджетной системы в пользу федерального бюджета. Однако снижение налоговой базы более развитых регионов не привело к заметному сокращению неравенства по доходам бюджетов. Нет общей тенденции в динамике по разным налогам: по налогу на прибыль дифференциация регионов немного сократилась, а по НДФЛ, налогам на имущество и на малый бизнес выросла. Это следствие комплекса факторов, действующих разнонаправлено. Влияние кризисов на поступления налогов в бюджеты регионов неоднозначно. В кризисы 2009, 2015, 2020 и 2022 гг. динамика неравенства различалась по разным видам налогов. Выравнивающий эффект трансфертов был значительным только в кризисы 2009 и 2020 гг. благодаря резкому росту их объемов. Дифференциация регионов максимальна по налогам, поступающим в федеральный бюджет, значительно меньше по доходам бюджетов регионов и относительно невелика по расходам бюджетов на образование и социальную политику. Неравенство регионов по душевым расходам бюджетов регионов остается очень высоким, несмотря на некоторое смягчение за 15 последних лет за счет сокращения отставания менее развитых регионов. Сокращение отставания по душевым расходам от среднего показателя по субъектам РФ более заметно для регионов Дальнего Востока, Северного Кавказа и большинства областей Центра.

Ключевые слова: бюджеты регионов России, региональное неравенство, доходы и расходы бюджетов, распределение налогов по уровням бюджетной системы.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3

Введение и постановка проблемы.

Сильнейшие различия налоговой базы регионов России в наибольшей степени обусловлены уровнем развития и структурой экономики регионов, а также институциональными особенностями российской бюджетной системы. Эта проблема давно известна и рассмотрена во многих публикациях. Неравенство чаще всего оценивают по душевой бюджетной обеспеченности, соотношению налогов, поступающих на разные уровни бюджетной системы, структуре доходов и расходов бюджетов регионов, доле трансфертов в доходах и др.

Межбюджетные отношения центра и регионов с попыткой оценить баланс финансовых потоков были рассмотрены в монографии под редакцией А.М. Лаврова [20], эта книга издана давно и с тех пор таких комплексных работ не публиковалось. Современная оценка неравенства регионов в формировании доходов федерального

бюджета проводилась с использованием математических моделей [17]. Автор пришел к парадоксальному выводу: увеличение объемов перераспределения за счет централизации налоговых доходов в федеральный бюджет не сокращало, а усиливало неравенство регионов. Анализ финансовых потоков между арктическими регионами и федеральным бюджетом привел к спорному выводу о том, что арктические регионы в целом финансово устойчивы [19]. Оценка политики выравнивания с помощью трансфертов регионам показала, что масштабное перераспределение подрывает стимулы к развитию [4]. При этом для регионов со средней и более высокой бюджетной обеспеченностью выделение трансфертов имело стабилизационный эффект (обратную связь динамики их налоговых доходов и трансфертов), а высокодотационным регионам трансферты выделялись без учета динамики их налоговых доходов [2].

Анализ влияния межбюджетных трансфертов на бюджетную обеспеченность регионов Азиатской части России в кризисных условиях показал сложности однозначной оценки [13].

В мониторинговых исследованиях, проводимых РАНХиГС и НИУ ВШЭ, рассматривалась динамика доходов и расходов бюджетов регионов [5; 6; 11; 21]. Анализировались отдельные виды налогов и их динамика в условиях кризисов в отдельных федеральных округах или типах регионов [9; 18; 22]. Отдельно рассматривались бюджеты высокودотационных регионов [16]. Наиболее широко представлены публикации с анализом бюджетов регионов, входящих в тот или иной федеральный округ [3; 10]. В ряде публикаций рассмотрены изменения доходов и расходов бюджетов регионов в кризисы [1; 12; 14].

Несмотря на большое количество публикаций по бюджетной тематике, в них не удалось найти количественных оценок дифференциации регионов по широкому кругу параметров за длительный период времени. Сформулируем основные вопросы. Какое неравенство сильнее: по налогам, поступающим с территории регионов в федеральный бюджет или в консолидированный бюджет субъекта РФ? Какие виды налогов, доходов и расходов бюджетов регионов отличаются наибольшей региональной дифференциацией и менялась ли она со временем в сторону смягчения или роста? В какой мере на динамику неравенства регионов по налоговым поступлениям и доходам бюджетов влияет макроэкономическая ситуация (периоды роста или кризиса)? Влияют ли на дифференциацию доходов и расходов бюджетов регионов институциональные факторы (изменения законодательства, нормативов, особые приоритеты федеральных властей в распределении трансфертов и др.)?

Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть широкий круг налоговых и бюджетных показателей за длительный период, захватывающий и годы экономического роста, и все экономические кризисы 2000-х годов. Более полное представление о масштабах и динамике налогово-бюджетной дифференциации регионов дает исследование по следующим направлениям:

- соотношению налогов, поступающих в федеральный бюджет и в консолидированные бюджеты регионов;
- доле ведущих регионов в налогах, поступающих в федеральный бюджет, и ее изменениям;
- региональной дифференциации по разным видам налогов и ее динамике;
- дифференциации по доходам бюджетов регионов, в том числе налоговым и неналоговым, а также трансфертам (безвозмездным поступлениям);
- региональным различиям по объему расходов бюджетов, в том числе по основным направлениям (на национальную экономику, ЖКХ и социальные цели)
- дифференциации душевых расходов бюджетов с корректировкой на региональные различия в стоимости бюджетных услуг.

Источники данных и используемые методы исследования. В работе используется статистика Федеральной налоговой службы по поступлениям налогов и сборов с территорий за 2006–2022 гг., данные Федерального казначейства по исполнению консолидированных бюджетов регионов за 2008–2022 гг.¹, данные Росстата по распределению налогов и сборов по уровням бюджетной системы за 2006–2022 гг.

Для оценки степени дифференциации российских регионов по объемам основных налогов, доходам и расходам консолидированных бюджетов использовался коэффициент (индекс) Джини. Благодаря относительной простоте интерпретации он широко применяется в исследованиях неравенства разного типа и учитывает особенности всех частей функции распределения по доходам. Как показал предыдущий опыт исследований авторов статьи, этот коэффициент позволяет довольно точно измерить и наглядно показать сдвиги в распределении по тому или иному индикатору и наиболее пригоден для оценки неравенства и его динамики.

Расчеты коэффициента Джини производились на основе абсолютных данных по объемам налогов, доходов и расходов в рублях. В качестве соизмерителя для расчета коэффициента Джини использовалась числен-

¹ Данные об исполнении консолидированных бюджетов регионов за 2022 г. получены из системы «Электронный бюджет».

ность населения регионов. Определенную сложность представляла оценка тех налогов (НДС), по которым происходит возврат ранее уплаченных в федеральный бюджет средств: в этом случае при расчетах использовались лишь положительные значения налоговых поступлений в соответствии с методикой расчета коэффициента Джини. Это несущественно искажает результаты измерения неравенства, поскольку регионов с большими отрицательными значениями НДС немного. Расчет коэффициента Джини по расходам бюджетов проводился без учета разной стоимости бюджетных услуг в регионах, чтобы не усложнять интерпретацию полученных результатов и обеспечить их сопоставимость с дифференциацией регионов по доходам бюджета. Только душевые расходы бюджетов корректировались на индекс бюджетных расходов (ИБР), чтобы сравнивать регионы с разной стоимостью бюджетных услуг.

Возникающий при оценке неравенства вопрос о градуировке шкалы коэффициента Джини применительно к региональному неравенству остается открытым. Эмпирические исследования неравенства населения по доходам выявили граничные значения коэффициента Джини (0,3–0,4), определяющие уровень, с которого неравенство начинает оказывать негативное воздействие на дальнейшее социально-экономическое развитие [7; 15; 23]. Эти граничные значения вряд ли напрямую применимы к региональному

неравенству. Тем не менее, рассчитанные для данной статьи значения коэффициента Джини по большинству параметров укладываются в указанный коридор.

Результаты исследования.

Соотношение налогов, поступающих в федеральный бюджет и в консолидированные бюджеты регионов. На распределение налогов по уровням бюджетной системы наиболее существенно влияют два фактора. Первый – мировые цены на нефть, от которых существенным образом зависят доходы федерального бюджета, концентрирующего нефтяную ренту. В случае их снижения (кризисы 2009, 2015–2016 и 2020 гг.) автоматически возрастает доля налогов, поступающих в бюджеты регионов. Это видно при сравнении с предыдущими годами, наиболее заметное изменение произошло в 2009 г. (рис. 1). Вторым фактором – институциональный, это усиление централизации налоговых доходов с конца 2010-х гг. В пользу федерального бюджета менялись пропорции распределения некоторых акцизов, а с 2017 г. – и налога на прибыль (его доля, зачисляемая в федеральный бюджет, выросла с 2 до 3 п.п.). С 2021 г. в федеральный бюджет поступает часть налога на доходы физических лиц (НДФЛ), которая выплачивается по повышенной ставке 15%. В результате пропорция между поступлениями налогов и сборов в федеральный бюджет и бюджеты регионов,

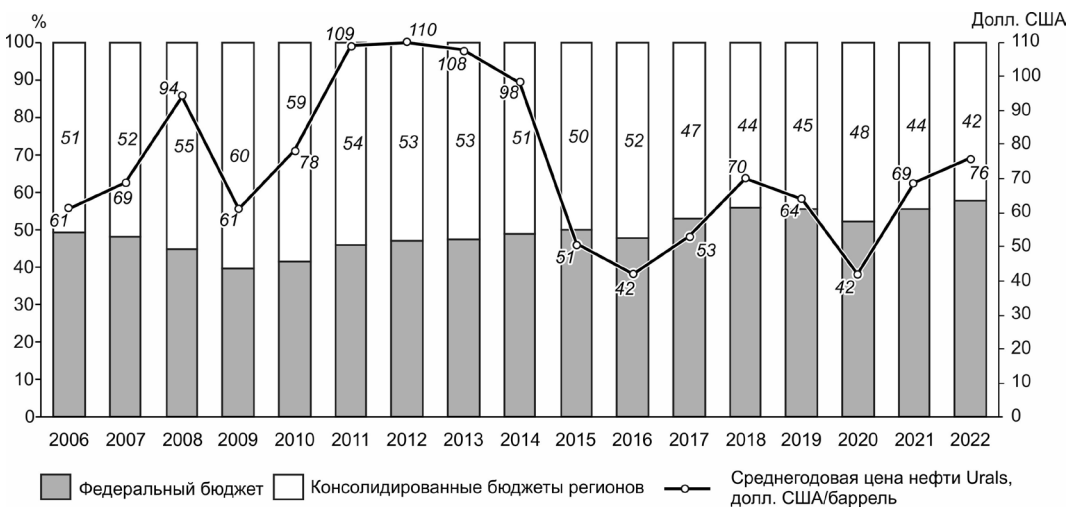

Рис. 1. Распределение налогов и сборов, поступающих в федеральный бюджет и в консолидированные бюджеты регионов (%), и среднегодовая цена нефти Urals (долл./барр.).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 1. Доля регионов во всех поступлениях налогов и сборов в федеральный бюджет, % (показаны 12 регионов с максимальной долей в 2021–2022 гг.)

Регионы	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ХМАО	26,7	20,9	25,8	24,4	18,0	23,6	22,1
ЯНАО	9,2	9,4	10,2	10,5	9,1	10,2	10,9
г. Москва	14,4	15,5	12,1	12,5	16,7	11,8	9,1
г. Санкт-Петербург	5,3	7,3	5,8	5,8	8,8	4,3	1,9
Московская область	3,5	4,1	3,0	3,7	4,4	3,7	3,4
Республика Татарстан	3,6	3,5	4,4	4,4	3,8	4,9	4,2
Самарская область	2,6	2,5	2,7	3,0	2,8	3,5	3,3
Оренбургская область	2,3	2,1	2,5	2,6	2,1	3,0	3,1
Пермский край	2,0	1,9	2,2	2,1	1,9	2,7	3,0
Красноярский край	0,2	0,3	3,3	3,4	3,4	2,6	2,5
Иркутская область	0,0	0,0	2,3	2,2	2,0	2,4	9,0
Республика Саха (Якутия)	2,1	2,0	1,0	1,0	0,8	1,5	2,0
Все 12 регионов	72,0*	69,5*	75,1	75,4	73,9	74,1	74,5

* при замене Красноярского края и Иркутской области на Республику Башкортостан и Ленинградскую область суммарная доля 12 регионов во всех поступлениях налогов и сборов в федеральный бюджет достигает 73–75% в 2014 г. и 2016 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

составлявшая в середине 2000-х годов 50:50, изменилась в 2022 г. на 58:42 в пользу федерального бюджета. Изменения сильнее затронули более развитые регионы с высокой налоговой базой и должны были привести к смягчению межрегионального неравенства из-за сокращения их налоговой базы (выравнивание «сверху»).

Территориальная концентрация налогов, поступающих в федеральный бюджет.

По вкладу в налоговые доходы федерального бюджета тройка лидеров остается неизменной – это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО и г. Москва. Они обеспечивают 42–50% всех поступлений налогов в федеральный бюджет благодаря нефтегазовой ренте (налог на добычу полезных ископаемых – НДС), а также поступлениям налога на добавленную стоимость (НДС) от крупнейшего рынка столичной агломерации (табл. 1). Совокупно на 12 субъектов с максимальной долей поступлений налогов в федеральный бюджет приходится 72–75% всех налогов и сборов. Состав этой «дюжины» менялся: в 2014–2016 гг. более значительной была доля Республики Башкортостан (1,7%) и Ленинградской области

(1,6–1,9%), но со второй половины 2010-х годов существенно выросли поступления НДС в Красноярском крае и Иркутской области вследствие быстрого роста добычи нефти в этих регионах, хотя в последней резкий рост в 2022 г. не вполне объясним.

Дифференциация по налогам. Неравенство регионов наиболее велико по поступлениям налогов в федеральный бюджет, это следствие изъятия нефтегазовой ренты (рис. 2А). До 2015 г. оно было относительно стабильным, смягчения неравенства происходили только в кризис 2015–2016 гг. и в ковидный кризис 2020 г., когда падали мировые цены на основные виды российского экспорта сырья и полуфабрикатов. Существенный рост неравенства в 2021–2022 гг. может быть связан со значительным ростом мировых цен, что привело к росту поступлений налогов от регионов экспортной промышленности, особенно со специализацией на металлургии и производстве минеральных удобрений, а в 2022 г. – и со специализацией на добыче нефти, газа и угля.

По основным налогам, поступающим в федеральный бюджет с территории регионов, максимальны различия по НДС.

Небольшое сокращение с середины 2010-х гг. обусловлено ростом добычи нефти на новых месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока, а в начале 2020-х годов – скорее всего, снижением добычи на более старых месторождениях Западной Сибири и Европейской части страны в рамках сделки ОПЕК+.

Региональные различия поступлений НДС росли до 2008 г. из-за опережающего развития торговых сетей в двух крупнейших агломерациях страны, а с 2010-х гг. заметно их сокращение. С большой вероятностью это следствие развития торговых сетей в регионах и, как следствие, «обеления» розничной торговли. Существенное снижение неравенства по НДС в кризисы 2015–2016 гг. и 2020 г. обусловлено сильным спадом розничной торговли, которая концентрируется в крупных городах.

Сопоставимую региональную дифференциацию имеет налог на прибыль организаций, но она более волатильна, чем НДС. В конце периода экономического роста 2000-х гг. различия были максимальными, с 2008 г. они снижались вплоть до кризиса 2015 г. При этом динамика в разные кризисы не совпадает: в 2009–2010 гг. региональные различия сокращались, а в 2015 и 2020 гг. росли. Это объясняется особенностями кризисов: в 2009 г. спад промышленности был очень сильным (на 11%), что привело к резкому снижению поступлений налога на прибыль во всех индустриальных регионах и смягчению региональных различий, а в последующие кризисы

промышленный спад был небольшим и затронул только отдельные отрасли, что привело к росту региональных различий.

Различия поступлений *всех налогов в консолидированные бюджеты регионов* значительно меньше, они немного смягчились в кризис 2009 г. и затем оставались примерно на одном уровне с небольшим ростом в начале 2020-х гг. (рис. 2Б). Сглаживающий эффект давали поступления НДС как самого стабильного налога. Медленный рост региональных различий по поступлениям НДС начался с 2014 г. вследствие выполнения зарплатных указов президента, по которым заработную плату работников социальной сферы требовалось повысить до средней по региону. Сработал арифметический эффект: средняя зарплата в федеральных городах и в северных регионах выше, к ней «подтягивались» бюджетники, следствием стал рост неравенства поступлений НДС между регионами с высокой и относительно низкой зарплатой. В 2021–2022 гг. рост неравенства объясняется разной динамикой доходов и заработной платы по регионам. Более 60% доходов населения составляет заработная плата, с которой выплачивается НДС. По данным Росстата, в 2021 г. при среднем росте реальных доходов населения на 3,4% намного быстрее росли доходы в Москве и Санкт-Петербурге (на 8,5%), в Московской области (на 7%), а в Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах средние темпы роста доходов не превышали 1–2%. В кризис 2022 г.

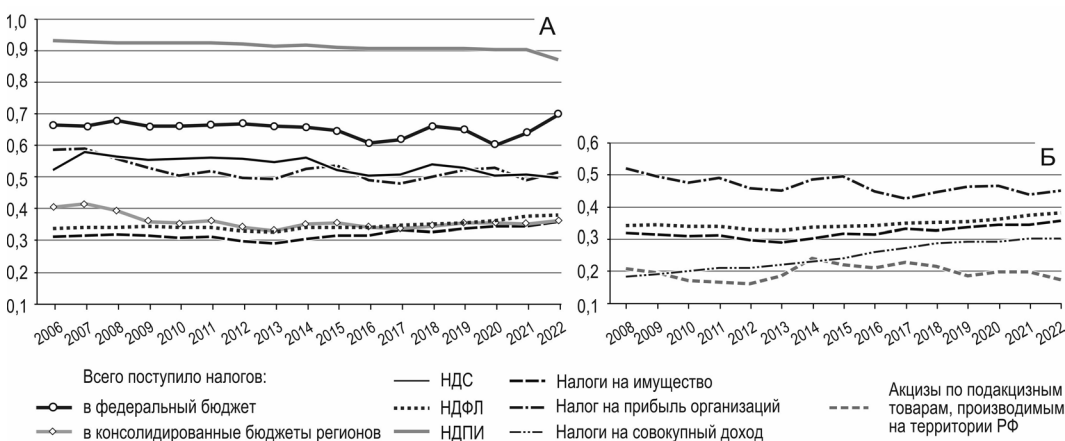

Рис. 2. Коэффициент Джини в 2006–2022 гг. для неравенства по налогам: А – поступающим с территории регионов в бюджеты всех уровней, Б – поступающим в консолидированные бюджеты регионов.

Источник: рассчитано по данным ФНС и Федерального казначейства.

спад доходов населения Москвы и ведущих регионов добычи нефти и газа был минимальным (или его не было) по сравнению со средним спадом по стране (–1,4%). Именно эти различия привели к росту регионального неравенства поступлений НДФЛ в 2020-х гг.

Дифференциация поступлений *налогов на имущество* (в основном это имущество организаций) минимальна, но с 2013 г. она также стала расти. Это может быть связано с переоценкой основных фондов, более заметно повысившей налоговую базу для крупных экспортных компаний (нефтегазовых, металлургических), а также вводом в крупных городах новых объектов торговли (гипермаркетов с высокой стоимостью зданий), что способствовало росту региональных различий.

В налогах на *совокупный доход* до 90% составляют поступления по специальным налоговым режимам для малого бизнеса. Региональные различия в 2000-х годах были минимальными, но после кризиса 2009 г. росли вплоть до ковидного кризиса 2020 г. и почти сравнялись с неравенством по налогам на имущество. Устойчивый рост региональных различий можно объяснить тем, что, несмотря на проблемные институциональные условия для развития малого бизнеса, он более жизнеспособен в крупнейших городах благодаря концентрации платежеспособного спроса. Влияние кризисов было заметно только в ковидный 2020 г., поскольку более жесткие локдауны вводились в крупнейших городах, что негативно повлияло на деятельность малого бизнеса, почти половина которого занята торговлей.

Дифференциация поступлений *акцизов* в бюджеты регионов минимальна, а ее динамика в наибольшей степени зависит от институциональных изменений (изменения ставок распределения акцизов между федеральным бюджетом и бюджетами регионов, нормативов перераспределения акцизов по регионам и др.) и поэтому крайне нестабильна.

Влияние федеральной помощи на неравенство по доходам бюджетов. Расчеты подтверждают, что без федеральной поддержки регионов в виде безвозмездных поступлений (трансфертов) неравенство доходов их бюджетов было бы намного сильнее, особенно в 2020-х гг. Это показывает соотношение коэффициента Джини по всем дохо-

дам консолидированных бюджетов регионов и по их налоговым и неналоговым доходам (без учета трансфертов) (рис. 3А). Дифференциация регионов по всем доходам, а также по налоговым и неналоговым доходам менялась слабо, устойчивого тренда не было. Влияние макроэкономических условий на налоговые и неналоговые доходы было заметно только в кризис 2009–2010 гг., когда дифференциация снижалась из-за сильного падения поступлений налога на прибыль в более развитых регионах. В последующие кризисы дифференциация росла или оставалась стабильной.

Выравнивающий эффект более заметен по всем доходам бюджетов регионов благодаря трансфертам. Особенно он значителен в кризисы 2009 и 2020 гг., когда трансферты регионам выросли соответственно на 29% и 52%. Напротив, в 2013–2018 гг. объем трансфертов оставался стабильным или рос очень медленно, что привело к росту дифференциации регионов по всем доходам их бюджетов. После смягчения неравенства в ковидный 2020 г. оно вновь стало расти в 2021–2022 гг., поскольку трансферты увеличились незначительно. Таким образом, смягчение или рост неравенства доходов бюджетов регионов в значительной степени определяется динамикой трансфертов, а не только динамикой их налоговых и неналоговых доходов.

Дифференциация регионов по объему получаемых трансфертов крайне нестабильна. На динамику влияют институциональный, макроэкономический и пандемийный факторы. Выравнивающее влияние трансфертов в кризисные периоды было разным. В кризис 2009 г. сильнее помогали промышленным регионам со значительным спадом промышленного производства и доходов бюджетов, в кризис 2015 г. более значительную помощь получили средне- и слаборазвитые регионы, эти меры смягчили неравенство. В ковидный кризис 2020 г. объем трансфертов был резко увеличен всем регионам, кроме Москвы, но выравнивающего эффекта не было, как и во второй половине 2010-х гг. Во многом это следствие ослабления выравнивающей функции трансфертов. Так, доля дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в структуре трансфертов сократилась с 27–29% в начале 2010-х годов до 20% в 2022 г., а доля субсидий, которые стали выделяться в первую очередь на реализацию националь-

ных проектов, выросла с 30–31% до 43%. Еще одна причина – нестабильность трансфертов, значительные изменения по годам выделенных разным регионам средств, что также влияет на неравенство.

Дифференциация по расходам бюджетов. Различия по *всем расходам* сократились в кризис 2009 г. и были относительно стабильными в последующие годы, за исключением небольшого роста во второй половине 2010-х гг. (рис. 3Б). Самым высоким неравенством отличаются *расходы на ЖКХ*, что связано с повышенной долей этих расходов в северных регионах, где значительная часть расходов на ЖКХ субсидируется из бюджета. Нестабильную динамику неравенства расходов по этой статье можно объяснить только в виде гипотез: в кризис 2009 г. северные регионы сильнее на них сэкономили, поэтому неравенство сокращалось; в 2010-х гг. оно росло из-за того, что в большинстве регионов, кроме северных, все более значительная часть жилищно-коммунальных услуг оплачивалась населением, поэтому расходы бюджета сокращались; с 2019 г. начали реализовываться нацпроекты, в том числе по модернизации инфраструктуры ЖКХ и благоустройству, на них всем регионам были выделены значительные федеральные средства в виде субсидий, благодаря этим трансфертам дифференциация существенно сократилась.

Различия расходов на *национальную экономику* более стабильны по сравнению с расходами на ЖКХ. Они сокращались в кризис 2009–2010 гг. из-за снижения доходов бюджетов более развитых регионов, а также с 2019 по 2022 г. по той же причине, что и для ЖКХ – из-за роста субсидий регионам на реализацию национальных проектов в сфере дорожного строительства и транспорта. Сокращение различий в 2013 г. объяснить сложнее, скорее всего, оно обусловлено снижением расходов на эти цели в регионах с большим объемом бюджета (Республика Татарстан, Краснодарский край, Тюменская область с автономными округами – на 11–27%), а также медленным их ростом в Санкт-Петербурге и Москве (на 5–8% по сравнению с 2012 г.).

Среди социальных расходов выше региональные различия по расходам на *здравоохранение*. При анализе динамики следует учитывать влияние институциональных факторов. В 2017–2018 гг. расходы бюджетов регионов на выплату страховых взносов за неработающее население в Фонд обязательного медицинского страхования были перенесены из раздела «Здравоохранение» в раздел «Социальная политика», причем часть регионов делала этот перенос в 2017 г, а часть – в 2018 г., резкий рост региональных различий обусловлен именно этим фактором. Эффект переноса виден и в расходах на социальную политику (социальную защиту населения)

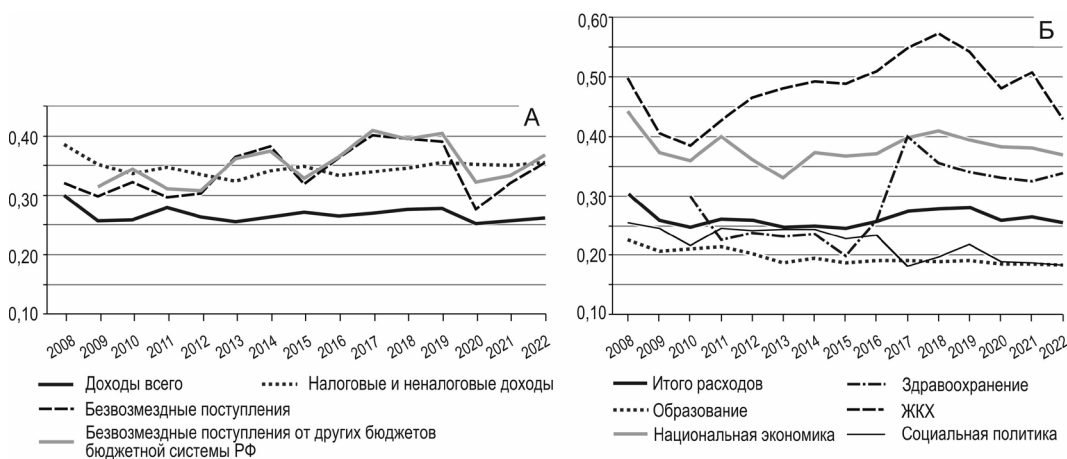

Рис. 3. Коэффициент Джини для неравенства регионов в 2008–2022 гг.:
А – по доходам консолидированных бюджетов регионов и отдельно по трансфертам,
Б – по расходам консолидированных бюджетов регионов.

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

в 2017–2018 гг. После изъятия страховых взносов на неработающее население из расходов на здравоохранение региональные различия по финансированию этой сферы выросли, т.к. у регионов с высокой бюджетной обеспеченностью возможности больше. При этом коэффициент Джини, рассчитанный для расходов бюджетов регионов на здравоохранение, не отражает в полной мере региональные различия в финансировании системы здравоохранения. Из бюджетов регионов в основном финансируется содержание медицинских учреждений, а заработную плату медицинских работников и лекарства с 2011 г. оплачивает внебюджетный Фонд обязательного медицинского страхования, доля которого во всех расходах на здравоохранение в регионах выросла с 24% до 56% в 2022 г. Из-за влияния вышеперечисленных институциональных факторов можно сравнивать региональные различия только за последние годы, в ковидный кризис 2020–2021 гг. они немного сократились благодаря резкому росту трансфертов и расходов бюджетов всех регионов на здравоохранение.

По двум другим видам социальных расходов региональные различия минимальны, и они сокращались: по расходам на образование сокращение было наиболее устойчивым, а по расходам на социальную политику – нестабильным, за исключением ковидных 2020-х гг., когда всем регионам добавили трансферты на социальную поддержку населения.

Неравенство по душевым расходам бюджетов. Неравенство по душевым расходам консолидированных бюджетов регионов измерялось с корректировкой на индекс бюджетных расходов (ИБР), который учитывает различия стоимости бюджетных услуг в регионах. Расчеты показывают, что только в 15 регионах скорректированные душевые расходы в 2022 г. были выше средних по стране (рис. 4). В их числе два крупнейших федеральных города и Московская область, ведущие нефтегазодобывающие регионы (Тюменская область с автономными округами, Сахалинская область и Ненецкий АО), Республика Татарстан и Белгородская область (отчасти за счет низких цен), а также два высокودотационных субъекта, пользующихся особым вниманием федеральных властей – Республика Крым и г. Севастополь.

В 2008 г. таким же особым вниманием пользовалась и Чеченская Республика. «Отрыв» лидеров 2008 г. от остальных регионов к 2022 г. сократился, менее существенно – Москвы, очень сильно – Ханты-Мансийского АО и Тюменской области из-за усилившегося изъятия нефтяной ренты. В то же время увеличился «отрыв» душевых бюджетных расходов Ямало-Ненецкого АО и Сахалинской области. Тем не менее, группа лидеров оставалась относительно стабильной.

Среди регионов с душевыми бюджетными расходами ниже средних почти 2/3 сократили отставание (рис. 3). Произошло выравнивание «снизу», хотя этот тренд не всеобщий. Он более заметен в регионах Дальнего Востока, Северного Кавказа и в большинстве областей Центра, в наименьшей степени – в регионах Приволжского и Уральского федеральных округов, где нет высокودотационных субъектов. Различия душевых бюджетных расходов регионов с максимальными и минимальными значениями сократились с 6,5 раз в 2008 г. до 4 раз в 2022 г., однако неравенство все еще очень велико.

Выводы. Проведенный анализ позволяет выделить ряд тенденций в бюджетном неравенстве регионов:

С 2010-х гг. пропорция распределения налогов и сборов между уровнями бюджетной системы сдвигается в пользу федерального бюджета, особенно в последние годы, что приводит к смягчению различий в доходах бюджетов регионов из-за снижения налоговой базы более развитых субъектов РФ.

Самая большая дифференциация регионов – в поступлениях налогов и сборов в федеральный бюджет. Смягчение неравенства происходило только в кризис 2015–2016 гг. и в ковидный кризис 2020 г., когда падали мировые цены на нефть.

Вклад трех ведущих регионов (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО и г. Москва) в поступлениях налогов и сборов в федеральный бюджет составляет почти половину его налоговых доходов. Суммарная доля «дюжины» регионов с максимальными отчислениями налогов в федеральный бюджет велика и стабильна (почти 3/4). «Кормильцы» федерального бюджета почти не меняются, частичные изменения в их составе связаны с развитием нефтедобычи в восточных регионах страны.

на здравоохранение, а в расходах на образование и социальную политику различия не так велики, и они сокращались.

Неравенство регионов по душевым расходам, скорректированным на ИБР, за 15 лет сократилось, основной тренд – выравнивание «снизу», за счет сокращения отставания от среднего показателя по стране в 2/3 средне- и менее развитых регионах. Выравнивание более заметно на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в большинстве областей Центра.

Многокомпонентное измерение налоговой и бюджетной дифференциации регионов за длительный период времени выявило сложную и неоднородную картину, которая не позволяет утверждать, что неравенство в целом сократилось или выросло. Обобщенно можно дать только оценку масштабов различий: по налогам, поступающим в федеральный бюджет, они максимальны,

по доходам бюджетов регионов значительно меньше, по некоторым видам расходов на социальные цели относительно невелики, а по душевым расходам бюджетов регионов остаются очень высоким даже после некоторого выравнивания.

Финансирование. Введение, части 1–2 и 5–6 раздела «Результаты и их обсуждение» подготовлены Н.В. Зубаревич в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Части 3–4 раздела «Результаты и их обсуждение» подготовлены С.Г. Сафроновым в рамках госбюджетной темы НИР географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова № 1.17 «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.Е., Комарницкая А.Н. Оценка зависимости бюджетов регионов от наиболее подверженных воздействию кризиса отраслей // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 9 (111). С. 47–50.
2. Божечкова А.В., Мамедов А.А., Синельников-Мурылев С.Г., Турунцева М.Ю. Стабилизационные свойства трансфертов, выделяемых регионам России из федерального бюджета // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 61–83.
3. Веприкова Е.Б., Новицкий А.А., Шевченко И.А. Собственные доходы бюджетов в регионах Дальнего Востока: проблемы и возможности // Власть и управление на востоке России. 2022. № 4 (101). С. 32–44.
4. Дерюгин А.Н. Выравнивание регионов: сохраняются ли стимулы к развитию? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 170–191.
5. Дерюгин А.Н. Бюджеты регионов в 2018 году: лучшие итоги десятилетия // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 3. С. 56–62.
6. Дерюгин А.Н. Региональные бюджеты в 2021 г.: сформирована подушка безопасности // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 3. С. 52–55.
7. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. С. 69–80.
8. Ермакова Е.А., Троянская М.А. Зависимость региональных бюджетов от федеральных налогов // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 36. С. 26–35.
9. Журавлева Т. Лидирующие позиции налога на доходы физических лиц в доходах бюджетов регионов ЦФО и изменение их значимости в условиях кризиса // Финансовая жизнь. 2016. № 2. С. 17–21.
10. Захарчук Е.А., Трифонова П.С. Консолидированные бюджеты регионов Уральского федерального округа: тренды развития // Вестн. евразийской науки. 2022. Т. 14. № 5. С. 1–16.
11. Землянский Д.Ю., Климанов В.В. Консенсус-прогноз состояния консолидированных бюджетов регионов на 2022 г. // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 4. С. 53–58.
12. Зубаревич Н.В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. С. 208–217.
13. Коломак Е.А., Сумская Т.В. Роль федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации и ее азиатской части // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 30–42.
14. Лыкова Л.Н. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2020 г.: возможности выполнения обязательств в условиях кризиса // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 207–220.
15. Милек О.В., Шмерлинг Д.С. Дифференциация доходов населения: к возможности социально-экономической интерпретации показателей // XIV Апрельская междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества. М: НИУ ВШЭ, 2014. С. 184–192.
16. Мильчаков М.В. Высокодотационные регионы России: условия формирования бюджетов и механизмов государственной поддержки // Финансовый журнал. 2017. № 1 (35). С. 22–38.
17. Мохнаткина Л.Б. Оценка неравенства регионов в формировании доходов федерального бюджета на основе критерия Парето // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 4. С. 1377–1392.
18. Сериков С.Г., Чупракова К.Е. Оценка структуры и динамики поступлений НДС в федеральный бюджет на примере регионов Дальневосточного федерального округа // Сибирская финансовая школа. 2018. № 5. С. 52–56.

19. Табата Шиниширо. Финансовые потоки между арктическими регионами и федеральным бюджетом // Регион: экономика и социология. 2019. № 3 (103). С. 3–25.
20. Федеральный бюджет и регионы: опыт анализа финансовых потоков. Науч. ред. А.М. Лавров. М: МАКС Пресс, 1999. 194 с.
21. Чернявский А. Рекордные расходы и рост несбалансированности регионов в период пандемии // Комментарии о Государстве и Бизнесе. 2020. № 308. 24 августа. Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/446644357.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).
22. Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Влияние налога на добавленную стоимость и акцизов нефтегазового сектора северного региона России на формирование доходов бюджета // Вестн. Тюменского ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 1. С. 231–255.
23. Poverty and Shared Prosperity 2022: Correcting Course. Washington: World Bank, 2022. 240 p. [Электронный ресурс] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/a33782e6-415e-5699-a9a8-4a50dc4ae3bc> (дата обращения: 21.03.2023).

Статья поступила в редакцию журнала 24 марта 2023 г.

Об авторах:

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 31–41.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3

Regional inequality and its changes: budget projection

N.V. Zubarevich^{1,2*}, S.G. Safronov^{1**}

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

² *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

* e-mail: nzubarevich@gmail.com

** e-mail: safffff@mail.ru

Measurement of regional budget inequality for 2006–2022 revealed a complex and heterogeneous trends. There was a shift in the distribution of taxes between the levels of the budget system in favor of the federal budget. The reduction in the tax base of more developed regions did not lead to a noticeable mitigation of inequality in budget revenues. There is no general trend in the dynamics of inequality for various taxes: for profit tax it slightly decreased, while for personal income tax, property taxes and small business taxes it increased. This is a consequence of a complex of factors acting in different directions. The impact of crises on regional budgets tax revenues is ambiguous. During the crises of 2009, 2015, 2020 and 2022 Inequality dynamics varied across different types of taxes. The leveling effect of transfers was more significant only during the crises of 2009 and 2020 due to the sharp increase in their volumes. The level of regional inequality is maximum in terms of taxes received by the federal budget, much less in regional budget revenues, and relatively small in terms of budget expenditures on education and social policy. Inequality between regions in terms of per capita expenditures of regional budgets remains very high, despite some softening over 15 years. The leveling “from below” is more noticeable, due to the reduction of the backlog of less developed regions from the average level. The leveling is more noticeable in the Far East, the North Caucasus and in the regions of the Center.

Keywords: budgets of Russian regions, regional inequality, revenues and expenditures of budgets, distribution of taxes by levels of the budget system.

Received 24.03.2023

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «ИНФРАСТРУКТУРНОГО МЕНЮ» И ИХ ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА БЮДЖЕТНУЮ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНАХ РОССИИ

© 2023 А.М. Абдуллаев^{1,2*}, Д.Ю. Землянский^{1,3**},
Д.М. Медведникова^{1,3***}, В.А. Чуженькова^{1****}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Институт прикладных экономических исследований,

Центр пространственного анализа и региональной диагностики, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

* e-mail: abdullaev-am@ranepa.ru

** e-mail: zemlyanskiy-dy@ranepa.ru

*** e-mail: medvednikova-dm@ranepa.ru

**** e-mail: chuzhenkova-va@ranepa.ru

В статье представлен анализ нормативно-правового регулирования и распределения по регионам средств, выделяемых в рамках инструментов «инфраструктурного меню» – дополнительных мер государственной поддержки развития инфраструктуры в регионах России, реализуемых с 2021 г. Детально рассмотрены два инструмента – реструктуризация бюджетных кредитов регионам и предоставление субъектам Российской Федерации инфраструктурных бюджетных кредитов. Акцент сделан на анализе принципов предоставления поддержки и распределения средств по регионам, а также возможных аспектах потенциального влияния инструментов на бюджетную ситуацию в регионах. Выявлено, что регламентированные правила реализации анализируемых инструментов слабо учитывают реальные потребности регионов в средствах на развитие инфраструктуры. Вдобавок отложенный характер начала погашения основной части бюджетных кредитов (с 2025 г.) и заложенные в нормативную базу ограничения регионам по ведению долговой политики создают долгосрочные риски бюджетной устойчивости для большинства субъектов РФ из-за резкого увеличения затрат на обслуживание долга и вероятного недополучения доходов от реализуемых проектов. В статье показано, что наиболее значимую роль механизмы «инфраструктурного меню» могут сыграть только для сравнительно населенных, но менее развитых территорий, у которых ранее не было достаточного объема бюджетных средств для реализации крупных инфраструктурных проектов – Ростовской и Владимирской областей, Республики Дагестан, Алтайского края и др.

Ключевые слова: бюджетные кредиты, бюджеты субъектов РФ, региональные бюджеты, инфраструктурное меню, развитие инфраструктуры, региональное развитие.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4

Введение и постановка проблемы. В октябре 2021 г. Правительством Российской Федерации был утвержден перечень из 42 инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. [26]. Большая часть инициатив, которые направлены на социально-экономическое развитие городов и регионов, относится к направлению «Новый ритм строительства». Важнейшими из них являются: «Города больших возможностей и возрождение ма-

лых форм расселения», «Национальная система пространственных данных», «Мобильный город» и «Инфраструктурное меню». Инициативы частично пересекаются между собой, при этом объем финансирования первых трёх перечисленных инициатив (в сумме 259,6 млрд руб.) невелик в сравнении с финансированием, заявленным на реализацию инструментов «Инфраструктурного меню» – 2,23 трлн руб. (их перечень представлен на рис. 1). При усло-

вии полного освоения выделенных средств, реализация данных инструментов увеличит расходы бюджетов субъектов РФ на 17% от уровня 2020 г. при предоставлении средств одномоментно, либо, при сравнительно равномерном распределении средств по годам, прирост расходов составит около 4% ежегодно на период до 2025 г.¹

Эти инструменты выступают как дополнительные ресурсы к уже действующим мерам национальных и федеральных проектов, государственных программ, федеральных целевых программ и призваны способствовать улучшению финансового обеспечения реализации крупных инфраструктурных проектов в регионах России. Важнейшим отличием этих мер от уже действовавших становится возвратный характер предоставляемых средств (в сравнении с межбюджетными трансфертами, предоставляемыми по национальным проектам и госпрограммам).

Обзор ранее выполненных исследований. Предоставление бюджетных кредитов регионам России в течение последних десятилетий зарекомендовало себя в качестве эффективного инструмента межбюджетной политики и привлекает большое внимание российских исследователей из сферы экономики и финансов. Данный долговой инструмент широко проанализирован с точки

зрения совершенства юридического закрепления в федеральном законодательстве [6; 10], а также на предмет влияния на бюджетную ситуацию в субъектах РФ в разные годы [2; 7; 11]. Отдельная группа научных публикаций по данной тематике направлена на оценку инструмента реструктуризации государственного долга регионов по бюджетным кредитам – эти работы вышли после 2017 г., когда были приняты основные правила проведения подобной реструктуризации [1; 4].

В то же время новые кредитные инструменты «Инфраструктурного меню» пока остаются слабо изученными в научной литературе, что во многом обусловлено относительно недавним их появлением. Среди немногочисленных работ с общим обзором мер – статьи С.И. Шабельниковой (Совет Федерации) [12] и Д.И. Городецкого (МГИМО) [3]. Если оценка таких мер «Инфраструктурного меню», как инфраструктурные кредиты ВЭБ.РФ [5; 13] и инфраструктурные облигации [8; 9], уже была представлена в небольшом числе работ 2021–2022 годов, то особенности реализации мер, касающихся бюджетных кредитов регионам (их реструктуризации или инфраструктурных кредитов), пока ещё не были освещены в научных изданиях.

В связи с этим задача данной статьи – провести анализ оснований для предостав-

Рис. 1. Предельные объемы финансирования по инструментам «Инфраструктурного меню» до 2025 г., млрд руб.

Источник: составлено по данным инфографики [26].

¹ Оценить реальное распределение средств по годам не представляется возможным из-за отсутствия открытой информации по отдельным проектам.

ления поддержки и принципов распределения средств между регионами, а также возможных последствий для устойчивости бюджетов субъектов РФ при использовании таких инструментов «Инфраструктурного меню», как (1) реструктуризация бюджетных кредитов регионам и (2) выдача им инфраструктурных бюджетных кредитов как наиболее ресурсоёмких инструментов дополнительной поддержки регионов. Ключевым параметром анализа последствий становится оценка изменений уровня долговой нагрузки на региональные бюджеты (соотношение объема долга к сумме налоговых и неналоговых доходов).

Материалы и методика исследования.

Для оценки потенциального влияния перечисленных кредитных инструментов «Инфраструктурного меню» на бюджетную ситуацию в регионах были проанализированы нормативно-правовые акты (далее – НПА), регламентирующие правила предоставления регионам данных инструментов, а также НПА, устанавливающие перечни и лимиты средств для субъектов РФ. Полученные данные о лимитах средств по указанным инструментам и одобренным объемам поддержки были соотнесены с данными о доходах региональных бюджетов (данные Федерального Казначейства РФ) и государственном долге субъектов (данные Министерства финансов РФ России).

Далее рассмотрим по порядку влияние мер реструктуризации бюджетных кредитов регионам и инфраструктурных бюджетных кредитов на бюджетную ситуацию в регионах в перспективе ближайших лет.

Полученные результаты.

Реструктуризация бюджетных кредитов субъектов РФ. В начале 2021 г., в связи ухудшением бюджетной ситуации в большинстве регионов страны из-за последствий пандемии коронавируса 2020 г. и дополнительных расходов на соответствующие антикризисные мероприятия, Правительство РФ предоставило субъектам РФ возможность реструктуризировать бюджетные кредиты, выданные из федерального бюджета на противодействие распространению COVID-19 со сроком погашения до 1 июля 2021 г., с пролонгацией сроков возврата средств до 2029 г. Соответствующим Постановлением

Правительства РФ [23] были утверждены правила реструктуризации и списания задолженности по таким кредитам.

На момент принятия данного Постановления в 2021 г. воспользоваться инструментом могли 72 субъекта РФ. Ввиду установленных правил, он оказался недоступен 13 регионам, которые не реструктуризировали кредиты в 2017 г. или имели высокий уровень бюджетной обеспеченности в 2014–2017 гг. [19] (это города федерального значения Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, ХМАО, ЯНАО, Сахалинская, Ростовская, Тюменская области, Республики Марий Эл, Саха (Якутия), Камчатский и Приморский края, НАО). Общий объем высвобождаемых средств при реструктуризации кредитов в 2021 г. мог составить до 628,6 млрд руб. на период до 2024 г.

Уже в 2022 г. [22], в условиях ожидаемого ухудшения состояния региональных финансов в связи с усилением санкционного давления на РФ (хотя на момент подготовки статьи заметного ухудшения бюджетной ситуации в регионах не произошло [14]), федеральным Правительством были приняты дополнительные меры по реструктуризации бюджетных кредитов. Таким образом, по состоянию на 2022 г.:

- для регионов устанавливается три периода погашения задолженности по реструктуризируемому кредиту с разными условиями: в 2022 г. регионы освобождаются от погашения, в 2023–2024 гг. регион ежегодно должен возвращать 5% задолженности, в 2025–2029 гг. – ежегодно равные доли от оставшейся суммы задолженности (в любой из периодов предусмотрена возможность досрочного погашения задолженности). При этом дополнительно регионами ежегодно должно быть уплачено в федеральный бюджет 0,1% задолженности в качестве платы за предоставление рассрочки бюджетного займа.
- реструктуризация бюджетного кредита региону может быть предоставлена только при соблюдении им нескольких условий:
- в 2021–2024 гг. регион направит высвобождаемые вследствие данной реструктуризации бюджетные средства (разницу между плановой суммой на погашение кредита и новой с учетом

реструктуризации) на реализацию инфраструктурных проектов;

- в 2022–2029 г. дефицит бюджета региона не будет превышать 10% от утверждённых налоговых и неналоговых доходов бюджета (с рядом дополнительных условий)²;
- кроме того, регион должен обеспечить сохранение в период 2022–2029 г. долговой нагрузки на уровне, не превышающем 50%, а также уровня долговой нагрузки по рыночным заимствованиям – не более 35%.

Последнее требование по установлению таких пороговых значений параметров долговой устойчивости жёстко ограничивает возможность реструктуризировать бюджетные кредиты субъектам РФ, которые имеют пограничные с установленными значениями долговой нагрузки.

Изначально в 2021 г. регионы могли направить средства только на бюджетные инвестиции. В результате мера была слабо востребована из-за дефицита проработанных проектов и необходимости значительных дополнительных расходов со стороны субъектов РФ и муниципальных образований на технологическое присоединение. В 2022 г. ограничения были сняты и была предоставлена дополнительная возможность расходовать средства на проектирование и технологическое присоединение к сетям инженерно-технического обеспечения.

По состоянию на середину апреля 2022 г. мерой воспользовались 66 субъектов РФ для того, чтобы в сумме реализовать 449 проектов общей стоимостью 216 млрд руб. до конца 2024 г. [28]. В том числе порядка 67 млрд руб. должны быть направлены на проекты транспортной инфраструктуры, 65 млрд руб. – проекты коммунальной инфраструктуры, и около 57 млрд руб. – проекты в сфере энергетической и другой инженерной инфраструктуры [27]. В сентябре 2022 г. сообщалось, что количество отобранных проектов ещё увеличилось, их суммарная стоимость с апреля выросла с 216 до 270 млрд руб. [17].

Действующие правила реструктуризации бюджетных кредитов регионам обуславлива-

ют ряд проблем и ограничений использования данной меры субъектами РФ.

Во-первых, инструментом не может воспользоваться ряд регионов, у которых из-за сравнительно благоприятной бюджетной ситуации отсутствовали бюджетные кредиты, однако в ближайшие годы бюджетное положение может ухудшиться, особенно вследствие влияния санкций (например, Сахалинская область [15]).

Во-вторых, исходя из анализа НПА, выявлено, что данная мера скорее направлена на улучшение долговой ситуации в регионах, а не на ускоренное решение инфраструктурных проблем. Доступ к мере получают не регионы, испытывающие инфраструктурные проблемы, а субъекты, накопившие значительный объем долговых обязательств перед федеральным бюджетом в предыдущие периоды.

В-третьих, регионы, воспользовавшиеся данной мерой, могут испытать значительные проблемы в 2023 г. в результате возможного ухудшения бюджетной ситуации на фоне санкционного давления со стороны недружественных стран. В случае, если налоговые и неналоговые доходы бюджетов сократятся, даже при стабилизации текущего объема государственного долга уровень долговой нагрузки у таких регионов вырастет, что приведет к невыполнению правил реструктуризации. Если же Правительством РФ будут приняты решения по изменению нормативно-правовой базы и освобождению регионов от обязательств по снижению долговой нагрузки, необходимо будет ставить вопрос о целесообразности применения данного механизма как такового.

В-четвертых, дополнения 2022 г. создают риски для последующего возврата вложенных средств. Проектирование может не дать результата, проект может не быть реализован, соответственно, дополнительные отчисления налогов могут быть не сформированы, что только ухудшит ситуацию с финансами в регионах. В такой ситуации должны возникнуть дополнительные требования к качеству управления в регионах, а также контролю проектируемых объектов и отбору тех, которые действительно смогут быть реализованы в дальнейшем.

² К таким источникам относятся поступления от: продажи акций и иных форм участия в капитале; реализации государственных запасов драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в собственности субъекта РФ; бюджетных кредитов, предоставляемых из федерального бюджета бюджету субъекта РФ на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов; снижения остатков средств на счетах по учету средств бюджета субъекта РФ, в том числе средств Резервного фонда субъекта РФ; разницы между средствами, получаемыми от возврата средств с банковских депозитов, и средствами, размещаемыми на банковских депозитах.

Инфраструктурные бюджетные кредиты. Ещё одним инструментом «Инфраструктурного меню», призванным оказать поддержку регионам при финансировании инфраструктурных проектов, стало предоставление субъектам РФ из федерального бюджета бюджетных инфраструктурных кредитов по процентной ставке 3% годовых сроком на 15 лет.

Правила их предоставления были утверждены в июле 2021 г. [21]. В соответствии с ними бюджетный кредит предоставляется субъекту РФ на цели финансового обеспечения реализации инфраструктурных проектов, которые должны удовлетворять двум основным требованиям:

- реализация проекта должна осуществляться с привлечением средств внебюджетных источников в объёме не меньше суммы финансирования инфраструктурного проекта за счет средств бюджетного кредита (при этом в качестве внебюджетных средств могут рассматриваться как средства на реализацию самого инфраструктурного проекта, так и средства на реализацию связанных с ним инвестиционных проектов);
- объём налоговых и неналоговых поступлений в консолидированный бюджет субъекта РФ от реализации инфраструктурного проекта и (или) инвестиционных проектов за период, составляющий 15 лет, должен превысить объём средств, направленных субъектом РФ на погашение и обслуживание бюджетного кредита из федерального бюджета.

Каждый из проектов отбирается решением Правительственной комиссии по региональному развитию [24] в соответствии с перечисленными выше критериями и с использованием специально разработанной методики [18]. Отбор проектов может осуществляться двумя путями: 1) общефедеральный двухэтапный отбор проектов в рамках распределения лимита федеральных средств на выдачу регионам бюджетных инфраструктурных кредитов, 2) отбор на конкурсной основе вне лимита.

Погашение кредита регион должен осуществлять ежегодно равными долями начиная с третьего года предоставления кредита.

Первоначально Федеральное Правительство планировало выделить на реализацию данного инструмента 500 млрд руб., однако, в связи с высокой востребованностью со стороны регионов, было решено увеличить сумму сначала вдвое (первые 500 млрд руб. бюджетных кредитов выдать на проекты 2022–2023 гг., вторые – на проекты 2024–2025 гг.) [16], а в конце 2022 г. принято решение добавить средств на данные кредиты ещё в размере 250 млрд руб. [25] (итого в сумме за 2022–2025 гг. планируется выдать кредитов на 1 250 млрд руб.).

В начале августа 2022 г. отбор проектов по первым двум лимитам был завершён. Известны результаты распределения бюджетных кредитов только первого транша в 500 млрд руб. Лимит средств в рамках первого этапа для каждого региона был установлен пропорционально его численности населения с корректировкой на уровень долговой нагрузки (так, чтобы долговая нагрузка субъекта в случае выдачи ему бюджетного кредита не превысила 100% от уровня налоговых и неналоговых доходов его бюджета). Значения лимитов, установленных для каждого субъекта, можно увидеть на картодиаграмме (табл. 1, рис. 2). Неиспользованные остатки по лимитам были дополнительно распределены на конкурсной основе. Условия, по которым распределялись остальные 750 млрд руб., в открытых источниках не разглашаются, поэтому в статье приводится анализ распределения только первого транша кредитов.

Разработанная федеральным Правительством методика распределения лимитов так же, как и правила реструктуризации бюджетных кредитов, демонстрирует недооценку федеральными властями при принятии решений текущей динамики социально-экономического развития регионов и их реальных потребностей в средствах на развитие инфраструктуры. Численность населения региона и потребность в инфраструктуре безусловно коррелируют друг с другом (чем больше жителей, тем больше потребность), однако эта взаимосвязь может не быть линейной. В России она заметно нарушается в условиях сложившейся системы расселения и существенного удорожания расходов в пределах слабо освоенных территорий, в том числе в зоне Крайнего Севера и приравненных к нему районах. В частности, на примере

Таблица 1. Первые и последние 10 субъектов РФ по объёму выданных лимитов на предоставление бюджетных инфраструктурных кредитов на 2022–2023 гг.

Первые 10 субъектов РФ по объёму выданных лимитов			Последние 10 субъектов РФ по объёму выданных лимитов		
Место	Субъект РФ	Лимит, млрд руб.	Место	Субъект РФ	Лимит, млрд руб.
1	г. Москва	81,2	76	Карачаево-Черкесская Республика	0,9
2	Московская область	25,3	77	Республика Алтай	0,8
3	г. Санкт-Петербург	24,2	78	Удмуртская Республика	0,8
4	Краснодарский край	18,3	79	Магаданская область	0,6
5	Ростовская область	15,4	80	Республика Калмыкия	0,4
6	Республика Башкортостан	14,8	81	Еврейская автономная область	0,4
7	Свердловская область	11,9	82	Чукотский автономный округ	0,3
8	Челябинская область	11,5	83	Ненецкий автономный округ	0,2
9	Республика Дагестан	10,5	84	Республика Хакасия	0,2
10	Республика Татарстан	10,4	85	Республика Мордовия	0

Составлено авторами на основе данных Минэкономразвития России, представленных на круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ по теме «Проектное управление в субъектах РФ» 04 октября 2021 г.

Рис. 2. Лимиты по предоставлению бюджетных инфраструктурных кредитов субъектам РФ на 2022–2023 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе данных Минэкономразвития России, представленных на круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ по теме «Проектное управление в субъектах РФ» 04 октября 2021 г.

регионов с сопоставимой численностью населения – Мурманской области (665,2 тыс. чел. на 01.01.2022 г.) и Республики Марий Эл (676,4 тыс. чел.) – можно увидеть, что объём бюджетных расходов на реализацию одного и того же мероприятия будет в среднем в 1,5 раза больше³ в Мурманской области, чем в Республике Марий Эл. Более того, даже регионы освоенной зоны и крупнейшие агломерации страны, на развитие инфраструктуры которых в первую очередь направлена рассматриваемая мера, характеризуются разным объёмом накопленных инфраструктурных проблем, препятствующих ускорению их экономического роста, однако эти различия в установленной методике распределения лимитов также никак не учитываются.

В результате распределения лимитов на инфраструктурные кредиты пропорционально численности населения, закономерно большие по абсолютным значениям суммы лимитов получили те субъекты РФ, в составе которых есть крупные города. Более 16% всей распределяемой суммы лимитов пришлось на Москву, а на две столичных агло-

мерации (Москва с Московской областью, Санкт-Петербург с Ленинградской областью) – больше четверти всей суммы. По 10 и более млрд руб. лимитов также получили такие регионы как Краснодарский край, Ростовская область, Республики Башкортостан и Татарстан, Свердловская и Челябинская области, Красноярский край, однако для этих регионов роль инструмента может быть достаточно значимой. Доля лимита в расходах регионального бюджета на национальную экономику в этих регионах составила порядка 20–30% (при условии предоставления одним траншем). В то же время для Москвы, несмотря на значительный объём, средства в рамках лимита не будут значимы и обеспечат вклад в расходы на национальную экономику в масштабах всего 9%.

Одновременно с этим для 10 регионов установлен лимит менее 1 млрд руб. Пять субъектов РФ с самыми маленькими суммами (Республики Хакасия и Калмыкия, Ненецкий и Чукотский АО, Еврейская АО) вместе могли претендовать только на 0,3% от общего объёма государственной поддержки (табл. 1).

Рис. 3. Соотношение лимита бюджетного кредита с расходами консолидированного бюджета на национальную экономику в субъектах РФ по итогам 2020 г., %.

Источники: составлено авторами на основе данных Минэкономразвития России, представленных на круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ по теме «Проектное управление в субъектах РФ» 04 октября 2021 г., и данных о расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ Федерального казначейства.

³ Оценка проведена на основе соотношения значений индекса бюджетных расходов Минфина России на 2023 г. по соответствующим регионам [29].

Значимую роль инструмент может сыграть, прежде всего, для сравнительно населенных, но менее развитых территорий, у которых ранее не было достаточного объема бюджетных средств для реализации крупных инфраструктурных проектов. Во Владимирской, Ростовской областях при условии использования лимита, расходы на национальную экономику могут вырасти на 15–20% в год, в Республике Дагестан – на 20–35%, в Алтайском крае – на 10–15% (рис. 3). Однако для удалённых регионов страны со слабой инфраструктурной обеспеченностью реализация меры не сможет позволить существенно улучшить ситуацию.

Вопросы вызывает и используемая Правительственной комиссией методика отбора проектов. В соответствии с ней проводится оценка прямых и косвенных (с учетом влияния на смежные отрасли) социально-экономических эффектов от реализации инфраструктурных проектов. Кроме того, оцениваются и эффекты от связанных с инфраструктурными инвестиционных проектов. Для каждого вида инфраструктуры рассчитываются разные показатели социально-экономических эффектов для различных стадий реализации проекта (подробно см. в документе методики [18]).

Результатом оценки эффектов считаются показатели прироста добавленной стоимости и дополнительных поступлений налогов. При этом эффекты от прироста добавленной стоимости и дополнительные налоговые поступления суммируются при итоговой оценке, что вызывает значительные методические вопросы, так как часть налоговых эффектов уже может быть включена в эффекты от добавленной стоимости.

Анализ рекомендованных параметров для оценки проектов показывает, что основной упор сделан на анализ валовых натуральных и стоимостных показателей. Значимость валовых показателей в масштабах каждого региона не оценивается (исключение – оценка транспортных проектов), хотя могла бы быть оценена, например, посредством измерения обеспеченности населения жильем (вместо ввода жилья), обеспеченности населения видами инфраструктуры (вместо ввода объектов), обеспеченности населения местами в больничных учреждениях (вместо общего числа койко-мест) и др.

Вдобавок все составляющие оценки социально-экономических эффектов фактически не учитывают рисков достижения результатов мероприятий по проектам. Так, не учитываются возможные изменения стоимости и условий реализации проектов, риски недополучения коммерческого эффекта от реализации проектов. В частности, показатели для оценки эффектов от жилищного строительства не учитывают реальную потребность в жилье в регионе. Даже построенное жилье может быть не востребовано или недостаточно востребовано, что может привести к снижению цен на жилую недвижимость и, соответственно, недополучению заявленных эффектов.

Кроме того, многие показатели, используемые в методике, опираются на нормативные оценки и не учитывают реальной рыночной конъюнктуры. Например, показатель прироста добавленной стоимости для проектов инфраструктуры жилой недвижимости рассчитывается как разница рыночной стоимости жилья (оценённой по нормативной стоимости квадратного метра, формируемой Минстроем России) и расчетной себестоимости вводимого жилья (опять же по методике Минстроя). При этом в условиях 2022 г. себестоимость строительства жилья значительно возросла, а цены на жилье могут не вырасти аналогичными темпами, что снова создает риски недостижения заявленных эффектов от проекта.

По данным Минстроя России [20], по состоянию на март 2022 г. в рамках лимита 500 млрд руб. на 2022–2023 гг. было одобрено 230 заявок на реализацию проектов за счет механизма бюджетных инфраструктурных кредитов в 81 субъекте (в том числе в рамках лимита – 482,6 млрд руб., остальные – по итогам конкурса (см. рис. 3).

В рамках же всего объема лимитов, выделенного до 2025 г., одобрено 960 проектов в 83 регионах (во всех субъектах РФ, кроме Республики Мордовия и Ненецкого АО) [16].

По состоянию на начало августа 2022 г. из всего объема выделенных кредитов до регионов было доведено 100 млрд руб., из которых освоено 68,3 млрд руб. Большая часть проектов 2022–2023 гг. направлена на модернизацию инженерной инфра-

Рис. 4. Структура совокупной стоимости всех проектов, одобренных регионам на получение бюджетных инфраструктурных кредитов в рамках 500 млрд руб., выделенных на 2022–2023 гг., по типам проектов.

Источник: составлено по данным Минстроя России.

структуры (38% от общей стоимости), развитие дорожной инфраструктуры (24%) и развитие общественного транспорта (рис. 4). Практически все они прямо или косвенно привязаны к показателям увеличения объемов жилищного строительства. Ещё 6% одобренных средств должны быть направлены на реализацию объектов социальной инфраструктуры (наиболее рискованных по возврату средств за счет создаваемых эффектов). Лишь 4% в сумме непосредственно направлены на развитие инфраструктуры для нужд бизнеса – 3% на развитие индустриальных парков и 1% на развитие туристской инфраструктуры.

В текущих условиях 2022 г. наличие регионов бюджетных инфраструктурных кредитов по уже одобренным заявкам сопряжено с определенными рисками. Прежде всего, возможно резкое удорожание реализации проектов капитального строительства – предоставленных средств по кредитам может не хватить на запланированные мероприятия. Высока вероятность дополнительных расходов региональных бюджетов на покрытие этого удорожания. Также возможно осложнение долговой ситуации в регионах на фоне необходимости брать заимствования на покрытие текущего дефицита. По отдельным проектам могут возникать сложности с привлечением внебюджетного финансирования в связи с кризисным положением отечественных и уходом ряда зарубежных инвесторов. Усиливаются и риски недополучения

налоговых поступлений от проектов из-за возможного сокращения спроса на жилье, к строительству которого привязана большая часть заявленных регионами инфраструктурных объектов.

Согласно поправкам, внесённым в Бюджетный кодекс РФ в июне 2021 г. [30], инфраструктурные бюджетные кредиты не учитываются в объёме госдолга субъектов РФ, но в реальности эти средства всё же являются заёмными и должны быть возвращены регионами в федеральную казну. Ввиду этого, по мнению авторов статьи, оценивать потенциальные риски для бюджетного и долгового положения регионов России следует, считая инфраструктурные бюджетные кредиты частью их госдолга. В этом случае регионы, которые получают наибольшие суммы бюджетных инфраструктурных кредитов (более 8 млрд руб.), характеризуются в целом пониженным уровнем долговой нагрузки, и риски увеличения уровня долга для них не так велики. Среди больших по численности населения регионов, которые приближаются к рисковому значению по госдолгу – Нижегородская область, в которой после получения кредита уровень долга превысит 40% от налоговых и неналоговых доходов. В случае, если регион продолжит занимать (например, на покрытие дефицита бюджета), значение долговой нагрузки может превысить отметку в 50%, что ограничит региону доступ к инструменту реструктуризации бюджетных кредитов.

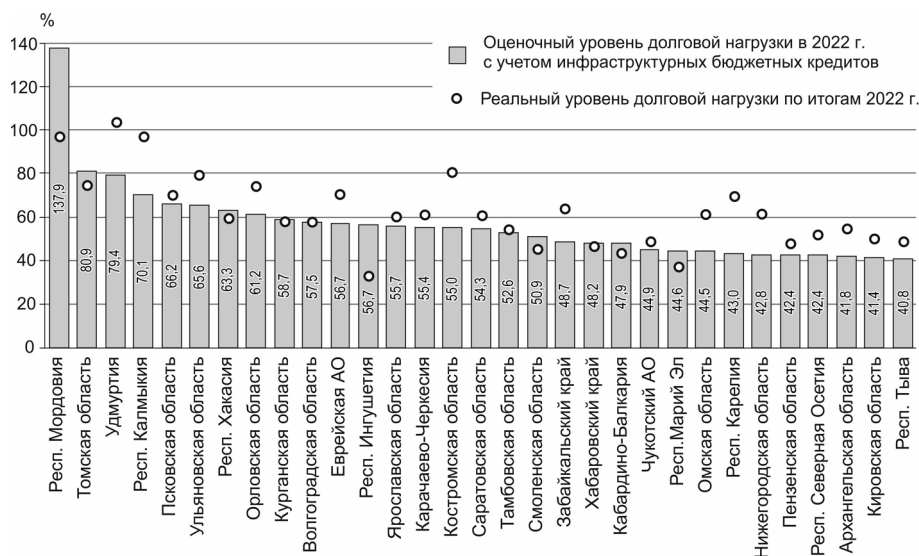

Рис. 5. Реальный и оценочный уровень долговой нагрузки (отношения долга к налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета) в субъектах РФ с учетом инфраструктурных бюджетных кредитов в 2022 г. (при допущении, что данные кредиты учитывались бы в объеме госдолга регионов), %.

Примечание: показаны только субъекты РФ, в которых оценочный уровень долговой нагрузки с учётом инфраструктурных бюджетных кредитов превышает 40%. Оценочный уровень долговой нагрузки с учётом инфраструктурных бюджетных кредитов рассчитывался как сумма государственного долга субъекта РФ по состоянию на 01.01.2022 и объёма выданных субъекту лимитов на инфраструктурные бюджетные кредиты, делённая на объём налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ по итогам 2021 г.

Источники: составлено авторами на основе данных Минстроя России, озвученных на совещании в Совете Федерации Федерального Собрания РФ; данных Федерального казначейства по налоговым и неналоговым доходам субъектов РФ; данных Минфина России по параметрам государственного долга субъектов РФ.

В особо рискованной зоне находятся регионы, которые получают средние или небольшие по объёму кредиты, но уже имеют повышенный уровень долговой нагрузки. После получения кредита порог долговой нагрузки в 50% будет превышен в Волгоградской, Саратовской, Ярославской, Тамбовской, Ульяновской, Курганской, Томской, Псковской, Костромской областях, а также в республиках Удмуртия, Калмыкия, Хакасия, Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике и Еврейской АО (рис. 5).

Высокий риск имеют также ряд субъектов, в которых после получения кредита долговая нагрузка не превысит 50%, но неблагоприятные факторы могут привести к существенному снижению собственных доходов бюджетов. Среди таких – Смоленская, Архангельская, Пензенская, Омская области, Хабаровский край, Чукотский АО, Республики Северная Осетия, Тыва, Кабардино-Балкарская Республика, Забайкальский край.

В наибольшем выигрыше от реализации мер оказываются крупные по численности населения регионы с низким текущим уровнем долговой нагрузки, в которых бюджетный инфраструктурный кредит не даст серьезных негативных изменений для долговой ситуации (например, Челябинская, Мурманская, Воронежская области, Алтайский, Пермский, Красноярский края, Ленинградская область и др.).

Выводы. По результатам анализа выявлено, что инструмент реструктуризации инфраструктурных бюджетных кредитов скорее направлен на решение долговых проблем субъектов Российской Федерации. Принципы и объёмы предоставления меры государственной поддержки были определены в зависимости от параметров государственного долга регионов, без учета реальной потребности в развитии инфраструктуры. Кроме того, в условиях достаточно сложной

нормативно-правовой базы механизм оказался умеренно востребован.

Бюджетные инфраструктурные кредиты, которые заявлялись как инструмент развития агломераций, в результате оказались доступны всем субъектам Российской Федерации. Определение лимитов по бюджетным инфраструктурным кредитам было проведено исходя из численности населения субъектов и текущего уровня долговой нагрузки, а не наличия в составе регионов крупных агломераций и реальных потребностей территорий в средствах на развитие инфраструктуры. В результате выделенные суммы для большинства регионов оказались малы для того, чтобы кардинально изменить финансирование инфраструктурного развития. Этот механизм может сыграть значимую роль для сравнительно населенных, но менее развитых территорий, у которых ранее не было достаточного объема бюджетных средств для реализации крупных инфраструктурных проектов. Среди таких – Ростовская и Владимирская области, Республика Дагестан, Алтайский край.

При этом полномасштабное использование инструмента может активизировать риски превышения уровня долговой нагрузки в 50% для Нижегородской, Волгоградской, Саратовской, Ярославской, Тамбовской, Ульяновской, Курганской, Томской, Псковской, Костромской областей, Республик Удмуртия, Калмыкия, Хакасия, Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике и Еврейской АО.

Принцип распределения возможностей по использованию бюджетных инфраструктурных кредитов и реструктуризации бюджетных кредитов, основанный на предыдущей кредитной истории субъектов, может оказаться деструктивным для последующего регионального развития и стимулировать регионы активизировать заимствования, а также реализовывать в рамках этих кредитных инструментов проекты с расчетом на последующее списание долга, а не его возврат, что ещё более усугубит состояние региональных и федерального бюджетов в и так непростое время кризиса бюджетных финансов.

Рассмотренные инструменты «Инфраструктурного меню» для регионов России объединяет важная особенность: отложенный характер начала погашения основной

части заимствования – начиная с 2025 г. В совокупности с достаточно жёсткими ограничениями по уровню долговой нагрузки и ведению долговой политики при использовании регионами рассматриваемых кредитных инструментов это создаёт ряд существенных рисков бюджетного положения субъектов РФ на перспективу ближайшего десятилетия, среди них:

- риски увеличения расходов субъектов РФ на обслуживание государственного долга с 2023 г и резкого увеличения с 2025 г.;
- риски невыполнения обязательств по стабилизации долговой ситуации из-за возможного сокращения налоговых и неналоговых доходов (особенно в 2023 г. на фоне санкционного давления со стороны недружественных стран);
- риски неполучения дополнительных налоговых и неналоговых доходов в силу обстоятельств, необходимых для возврата средств бюджетных кредитов, не связанных непосредственно с деятельностью региональных органов власти (изменения планов инвесторов, ограничения доступности финансово-кредитных ресурсов для внебюджетных инвестиций, удорожание проектов, падение реальных доходов населения и спроса внутри страны в результате действий недружественных стран) и др.

Хотя инструменты «инфраструктурного меню» становятся для регионов одним из немногих средств реализации инициатив, не «навязанных» федеральным Правительством в рамках национальных проектов или федеральных программ, из-за перечисленных особенностей и ограничений вероятность получения значительных эффектов для инфраструктурного развития страны от реализации данных инструментов существенно снижается.

Среди возможных рекомендаций по преодолению указанных проблем можно предложить:

1) Учет уровня развития инфраструктуры и/или наличия инфраструктурных проблем при распределении второго транша бюджетных инфраструктурных кредитов (на период 2024–2025 гг.);

2) Снятие ограничений по недопущению роста уровня государственного долга при

пользовании механизмом реструктуризации бюджетных кредитов – в связи с тем, что уровень долга может вырасти из-за сокращения налоговых и неналоговых доходов в кризисный период;

3) Проведение дополнительных стресс-тестов для оценки вероятности удорожания

проектов и получения налоговых и неналоговых доходов от конкретных проектов субъектов Российской Федерации.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белостоцкий А.А.* Программа реструктуризации государственного долга субъектов РФ: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития. Под ред. В.И. Герасимова. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 430–433.
2. *Бирюков А.Г.* О практике предоставления бюджетных кредитов бюджетам субъектов Российской Федерации // Власть. 2012. № 1. С. 12–21.
3. *Городецкий Д.И.* Инструменты поддержки инфраструктурных проектов в условиях глобальной борьбы с пандемией COVID-19 // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 4. С. 57–67. DOI: 10.24833/2073-8420-2021-4-61-57-67
4. *Колодяжная А.Ю.* Реструктуризация как способ снижения государственного долга субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях. Под ред. Ю.Г. Мишучковой. Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2018. С. 157–163.
5. *Кузнецов Н.В.* Подходы к оценке эффективности деятельности государственных корпораций России (на примере ГК «ВЭБ. РФ») // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7. С. 1393–1396. DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.254
6. *Ложечко А.С.* Государственные кредиты Российской Федерации: проблемы теории и практики // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 3 (771). С. 522–536. DOI: 10.24891/фс.24.3.522
7. *Мамедов А., Фомина Е.* Бюджетные кредиты и дотации регионам в 2015 г. // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 3. С. 93–100.
8. *Мнацаканян А.Г., Саргсян С.А.* Проблемы и перспективы использования инфраструктурных облигаций для финансирования проектов в Российской Федерации // Финансовый бизнес. 2021. № 1. С. 40–43.
9. *Плескачев Ю.А., Пономарев Ю.Ю., Ростислав К.В.* Развитие инфраструктурных облигаций в России: требуется проработка нормативной базы и инструментов повышения привлекательности для инвесторов // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 5. С. 40–51.
10. *Покачалова Е.В., Швецова И.В.* Бюджетный кредит как институт бюджетного права // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2021. № 5 (142). С. 234–242. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-5-234-242
11. *Сергиенко Н.С., Суслыкова О.Н.* Бюджетные кредиты для обеспечения текущей сбалансированности территориальных бюджетов // Финансы и управление. 2017. № 1. С. 47–59. DOI: 10.7256/2409-7802.2017.1.17881
12. *Шабельникова С.И.* Проблемы обеспечения сбалансированности бюджетов регионов в условиях санкционного давления // Федерализм. 2022. Т. 27. № 2. С. 31–45. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-2-31-45
13. *Шмакова Н.Н.* «Фабрика проектного финансирования» как инструмент популяризации проектного финансирования в РФ // Изв. С.-Петербург. гос. экон. ун-та. 2021. № 2 (128). С. 184–189.
14. *Дерюгин А.Н.* Региональные бюджеты по итогам 7 месяцев 2022 года сохраняют достаточную финансовую устойчивость [Электр. ресурс] // Мониторинг экономической ситуации в России. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/regionalnye-byudzhetny-po-itogam-7-mesyatsev2022-goda-sokhranyayut-dostatochnuyu-finansovuyu-ustoychivost.html> (дата обращения: 10.10.2022).
15. *Козлов Д.* Нефть засахалилась. Уход Ехон парализовал работу проекта «Сахалин–1» // Коммерсантъ. 2022. № 121. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448737> (дата обращения: 20.08.2022).
16. *Крючкова Е.* Триллион ушел в инфраструктуру. Власти завершили распределение бюджетных кредитов регионам // Коммерсантъ. 2022. № 140. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5492841> (дата обращения: 08.09.2022).
17. *Крючкова Е.* «Если инструмент есть, то надо им пользоваться». Заместитель главы Минэкономики Дмитрий Вахруков об инструментах поддержки инвестивности в регионах // Коммерсантъ. 2022. № 164. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5547896> (дата обращения: 08.09.2022).
18. Методика отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов (утв. президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ, протокол от 15.07.2021 № 30). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392064/ (дата обращения: 22.08.2022).
19. Механизм развития инфраструктуры за счет реструктуризации охватит в 2022 году 72 региона // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12575315> (дата обращения: 16.03.2022).

20. Одобрены заявки на предоставление бюджетных кредитов // Минстрой России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/odobreny-zayavki-na-predostavlenie-infrastrukturykh-byudzhetykh-kreditov/> (дата обращения: 22.08.2022).
21. Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1190 (ред. от 02.04.2022) «Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391652/ (дата обращения: 22.08.2022).
22. Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 976 «Об утверждении Правил проведения в 2022 году реструктуризации обязательств (задолженности) субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418020/ (дата обращения: 22.08.2022).
23. Постановление Правительства РФ от 28.06.2021 № 1029 (ред. от 08.04.2022) «Об утверждении Правил проведения в 2021 году реструктуризации обязательств (задолженности) субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388955/ (дата обращения: 22.08.2022).
24. Правительственная комиссия по региональному развитию // Правительство России. URL: <http://government.ru/department/545/about/> (дата обращения: 26.08.2022).
25. Программу инфраструктурных бюджетных кредитов продлят // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221226/kredit-1841300845.html> (дата обращения: 09.01.2023).
26. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326/ (дата обращения: 20.08.2022).
27. Реструктуризация кредитов регионов позволит к 2029 году закрыть 43% их госдолга // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14377059> (дата обращения: 27.08.2022).
28. Сергей Галкин: федеральная поддержка инвестиционных проектов в регионах позволит создать 17 тысяч рабочих мест в 2022 году // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/sergey_galkin_federalnaya_podderzhka_investitsionnyh_proektov_v_regionah_pozvolit_sozdat_17_tysyach_rabochih_mest_v_2022_godu.html (дата обращения: 27.08.2022).
29. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2023 год. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=301040 (дата обращения: 06.03.2023).
30. Федеральный закон от 28.06.2021 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280034> (дата обращения: 10.01.2023).

Статья поступила в редакцию журнала 20 января 2023 г.

Об авторах:

Абдуллаев Александр Максимович – младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Землянский Дмитрий Юрьевич – кандидат географических наук, директор Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Медведникова Дарина Михайловна – младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Чуженькова Валерия Александровна – научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Для цитирования:

Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю., Медведевикова Д.М., Чуженькова В.А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 42–55.
DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4

Features of «infrastructure menu» credit instruments and their potential impact on budget situation in Russian regions

A.M. Abdullaev^{1,2*}, D.Yu. Zemlyanskii^{1**}, D.M. Medvednikova^{1,3***}, V.A. Chuzhenkova^{1****}

¹ *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute for Applied Economic Research,*

Center for Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Moscow, Russia

² *HSE University, Moscow, Russia*

³ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

* *e-mail: abdullaev-am@ranepa.ru*

** *e-mail: zemlyanskiy-dy@ranepa.ru*

*** *e-mail: medvednikova-dm@ranepa.ru*

**** *e-mail: chuzhenkova-va@ranepa.ru*

The article presents an analysis of the law regulation and regional distribution of funds provided within the framework of the „infrastructure menu“ instruments – additional measures of state support for infrastructure development in the regions of Russia. Two instruments are considered in detail – restructuring of budget loans and the issuance of infrastructure budget loans for regions. The emphasis is placed on the analysis of the principles of providing support and allocation funds by region, as well as on possible aspects of the potential impact of these instruments on the budgetary situation in the subjects of the Russian Federation. It is revealed that the regulated rules for the implementation of the analyzed instruments poorly take into account the real needs of the regions in funds for infrastructure development. The delayed nature of the start of repayment of the main part of budget loans (from 2025) and the restrictions on debt policy laid down in the regulatory framework for the regions create long-term risks of fiscal sustainability for most territories due to a sharp increase in debt servicing costs and probable shortfall of income from ongoing projects against the background of sanctions pressure. The article shows that mechanisms of the „infrastructure menu“ can play the most significant role only for relatively populated, but less developed territories that previously did not have sufficient budget funds for the implementation of large infrastructure projects – the Rostov and Vladimir oblasts, Republic of Dagestan, Altai kray, etc.

Keywords: budget loans, regional budgets, regional budgets, infrastructural menu, infrastructure development, regional development.

Received 20.01.2023

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 911.3

СОЦИАЛЬНО-МЕДИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СТРУКТУРА И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2023 Т.А. Ткачева*, И.П. Супрунчук**

Северо-Кавказский федеральный университет,

Институт наук о Земле, г. Ставрополь, Россия

* e-mail: tatianasurneva@yandex.ru

** e-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru

В статье на примере территорий Северного Кавказа рассмотрена их репрезентация в социальных медиа. Проанализированы современные подходы к использованию данных из социальных медиа в общественно-географических исследованиях. Выделен и сформирован ряд исследовательских терминов и понятий, используемых для анализа образов территорий в соцмедиа. Предложено и обосновано понятие «социально-медийное пространство», определены инструменты и метрики для его внутреннего изучения. С помощью собранных информационно-аналитической системой «Медиалогия» данных, проводилось исследование географии публикаций их авторов, их аудитории на федеральном, региональном и местном уровнях. На основе этого материала определены интенсивность и тональность информационного потока, выделены ведущие региональные центры формирования контента социальных медиа. Проведен географический анализ особенностей формирования информационных сообщений, который позволил выделить территории с преобладанием внешнего или внутреннего образа. На его основе предложены характерные типы структуры информационного потока. Параметризация социально-медийного пространства реализована через показатели концентрации, дифференциации и связности. Проведена типологизация муниципальных образований Северного Кавказа по особенностям развития социально-медийного пространства, выделены информационные центры и информационная периферия. Разработанная методика географического анализа территории в социальных медиа может применяться для других территорий различного уровня. Полученные результаты имеют практическую значимость для территориального брендинга и продвижения территорий в социальных медиа.

Ключевые слова: социально-медийное пространство, Северный Кавказа, социальные медиа, образ территории, имажинальная география.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-5

Введение и постановка проблемы. В современном мире развитие информационных технологий и формирование новой инфокоммуникативной среды являются актуальными и важными процессами. Особое внимание в последнее время заслуживает феномен развития социальных сетей. Он имеет разно-сторонний комплексный характер. С одной стороны, социальные сети уже выступают серьезной экономической силой. В первой десятке крупнейших по стоимости компаний мира как минимум две корпорации (Facebook и Google) имеют и успешно развивают свои социальные сети [34]. По своей капитализации Google (458 млрд долл.) сопоставим

с номинальным годовым ВВП Австрии, а Facebook (227 млрд долл.) с ВВП таких стран как Перу или Греция [34]. С другой стороны, не менее важны социальные, культурные, политические эффекты вхождения в обыденную жизнь человечества социальных медиа. Контент, которым делятся пользователи, является ключевой формой современной жизни общества. Социальные медиа формируют важные представления о жизни территории как для ее жителей, так и для внешнего мира. Поэтому анализ территориальных структур и культуры должен учитывать активность в социальных сетях и их контент [18].

Важным следствием экспансии социальных сетей стало появление «виртуального населения», которое можно представить, как совокупность учетных записей реальных людей. Так, только в России 118 млн чел. используют Интернет [32], а ежемесячными пользователями крупнейшей соцсети «ВКонтакте» являются 72 млн человек [31]. То есть «виртуальное население» России составляет 49–81% от реальной численности. Такая широкая выборка и многообразие сопутствующих данных создают возможности практически проводить «виртуальную перепись населения». Блестящим примером такого исследования в нашей стране является проект «Виртуальное население России» [4; 5], позволяющий выявлять территориальные особенности различных демографических процессов и показателей (возрастно-половой и образовательной структуры населения, миграций и др.)

Естественно, потенциально «слабыми местами» такого подхода выступают репрезентативность и достоверность предоставленной информации в социальных сетях. Однако, также очевиден огромный потенциал методов анализа человеческой деятельности в виртуальной среде, а важной исследовательской задачей становится подбор «оптики» для изучения больших массивов данных. Одновременно дальнейшее усложнение информационной среды и поведения человека в ней ведут к появлению новых реалий и понятий. Ставший уже привычным термин «социальные медиа» понимается как совокупность сайтов, основанных на взаимодействии людей друг с другом [8]. Прежде всего, это социальные сети (Facebook, ВКонтакте), блоги (Livejournal, Blogspot), видеохостинги (Youtube), фотохостинги (Flickr, Instagram) и форумы (drom и др.). Главным ресурсом становится не персонифицированная информация пользователей, а реакции и паттерны поведения людей в социальных медиа. Для анализа и практического использования информации, в первую очередь в маркетинге и рекламе, развиваются информационно-аналитические системы (Медиалогия, Скан Интерфакс, Brand Analytics), которые способны формировать, структурировать и представлять данные в нужных для тех или иных исследований форматах.

Обзор ранее выполненных исследований. Новые методы и горизонты исследования

открываются для общественной географии. Имеется немало примеров, как в отечественной, так и зарубежной, науке успешной интерпретации классической географической проблематики, в контексте использования данных социальных сетей. Ярким примером является проект ученых МГУ «Виртуальное население России», который представляет из себя базу данных по структуре крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте». На сайте проекта собраны массивы данных отражающих структуру социальной сети, представлен интерактивный конструктор карт по этим данным. Конструктор позволяет показывать разные географические, временные, демографические параметры отображаемого набора данных. Написано и опубликовано немало работ, связанных с проектом, или опирающихся на данные сайта «Виртуальное население России» [5].

Другие примеры классических географических исследований с применением данных социальных сетей: изучением миграционных процессов с помощью социальной сети «ВКонтакте» занимались Н.Ю. Замятина и А.Д. Яшунский [6]; ученые Северо-Кавказского Федерального университета, используя данные соцмедиа, исследовали посещаемость курортов Ставропольского края [15]; специфические особенности самоидентификации пользователей социальной сети рассмотрены в работе «Виртуальная урбанизация» [7]. На основе материалов социальной сети «ВКонтакте» изучались проблемы тяготения населения к крупным центрам и активности членов городских сообществ [10; 11].

В зарубежной географии также не мало подобных исследований, например, вопросы структуры и географии активности в социальных сетях и ее зависимость от расстояний рассматривали в своем исследовании венгерские ученые [23]. Различные методы анализа данных социальных сетей использовал в своих исследованиях Л. Манович, в том числе касающиеся проблематики изучения интерактивной культуры [9], неравенства в городских социальных сетях [18], исторических изменений в визуальном искусстве [28]. В статье канадских ученых Ю. Тахтеева, А. Груздя и Б. Уэлмана рассматривается влияние географического расстояния, национальных границ, языка и частоты авиаперелетов на формирование социальных связей в социальной сети Twitter [26].

Американский ученый М. Тоулз исследовал демографические показатели и социальные связи в сети MySprays [27].

Вместе с тем, очевидна необходимость более глубокого теоретического и методологического осмысления результатов прикладных исследований. Логично предположить, что концептуализация виртуальных географических объектов возможна средствами гуманитарной, в частности, имажинальной (или образной, по Д. Замятину), географии [3]. Перспективной видится идея применения традиционных методов территориального анализа к новой гибридной «социально-медийной» реальности.

Материалы и методика исследования.

В рамках изучаемого в данной работе объекта, очевидно, что огромное разнообразие образов, их связей и отношений необходимо структурировать. Авторы предлагают введение такого понятия как «социально-медийное пространство». В этом понятии есть два основных аспекта. Первый состоит в том, что оно выступает частью более глобального и объемного виртуального пространства. Географы начали размышлять о статусе и значении виртуального пространства по сравнению с известным физическим пространством сразу после появления Интернета в середине 1990-х годов. [16]. Концептуально Интернет-пространство можно рассматривать по-разному: как пространственную среду или, наоборот, просто как цифровую систему. Например, израильский географ Аарон Келерман, считает, что с точки зрения своих пользователей, Интернет превратился в пространственно-подобную сущность, которая позволяет своим пользователям выполнять действия, аналогичные тем, которые они выполняют в физическом пространстве, внутри и через нее [19]. Также он трактуется как встроенный с помощью аппаратной инфраструктуры, включая серверы, персональные компьютеры и коммутационное оборудование, в физическое пространство объект [18; 22]. Географические термины (пространство, среда, сеть, узел, центр и т.п.) удачно заимствованы и применены в новообразованной системе.

Предполагается, что социальные сети, как и сети в физическом пространстве, обладают многочисленными качествами и могут способствовать появлению социального

пространства для различных видов деятельности, аналогичного тем, которые предлагаются кафе, парками и другими физическими местами встреч [19]. Физическое и цифровое пространство совместно образуют гибридное пространство, а пространственное содержание цифровых систем рассматривались как наполнение их соответствующими пространственными данными [23]. Для пользователей Интернет стал представлять собой арену, где они могут выполнять действия, которые они традиционно использовали в физическом пространстве [20]. Часто объектами коммуникации в социальных медиа становятся географические объекты различного территориального уровня: государства, субъекты, города, муниципальные районы, сельские поселения и др. При этом это не простое отображение, им приписываются определенные характеристики, значения и смыслы, которые побуждают аудиторию воспринимать эти места особым образом.

Второй аспект состоит в необходимости географического осмысления понятия «социально-медийное пространство». Ведь можно было бы привести утилитарную трактовку, что социально-медийное пространство – часть Интернет-пространства, образованная в результате развития социальных сетей и приобретения ими статуса открытых медиа, но в таком случае отсутствует географическая составляющая. Еще Л.В. Смирягин писал, что все более популярными становятся представления о том, что пространство, в котором действуют человек и общество, им преобразовано не только физически, оно оказывается насыщенным смыслами социальной природы. Человек и общество живут в пространстве, которое они сами и создали в виде некоей второй реальности, и реальность эта меняется в той мере, в какой меняется само общество [12]. В процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система образов, которое определяется развитием культуры. По мере развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются географические образы, в значительной степени дистанцированные по отношению к непосредственным, явно видимым нуждам общества [3].

Учитывая озвученные особенности, авторы предлагают ввести в географический научный оборот понятие «социально-медийное

пространство». Социально-медийное пространство (далее СМП) – это формируемая в процессе взаимодействия людей в социальных медиа часть Интернет-пространства, отражающая и интерпретирующая посредством этого географическое пространство. В его рамках каждый пользователь, производя и потребляя разные виды информации, является актором его создающим. В результате, образуется особое гибридное пространство, сочетающее в себе свойства географического и Интернет-пространства.

П.Я. Бакланов предлагал характеризовать географическое пространство через описание его главных измерений: структуры, связей и границ [1]. Социально-медийное пространство может быть охарактеризовано аналогично географическому через те же измерения.

В данной работе объектом исследования является социально-медийное пространство Северо-Кавказского федерального округа, как особого региона, имеющего ряд специфических черт с точки зрения трансляции и восприятия образа территории в медиапространстве. Ранее проведенные исследования показали, что Северный Кавказ представлен и в СМИ, и в соцмедиа достаточно широко, но при этом анализ репрезентаций территорий Северного Кавказа в медиапространстве выявил преобладание негативной тональности в восприятии над позитивной и общее доминирование отрицательных черт в его образе. Преобладают стереотипизированные и не переосмысленные образы [13]. Возникает необходимость анализа репрезентации СКФО в социальных медиа на уровне муниципальных образований. Их можно сопоставить с частными компаниями разного размера и профиля, тогда как субъекты – с укрупненными отраслевыми объединениями. На муниципальном уровне, возможно выявить и изучить актуальное состояние социально-медийного пространства СКФО и его регионов.

Социальные медиа имеют ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать при использовании данного ресурса для географического анализа. Учитывая это, авторы считают целесообразным проводить сбор информации и форми-

рование базы данных с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия»¹.

Географический анализ социально-медийного пространства СКФО был проведен за один календарный месяц (февраль 2020 г.). Очевидно, что этот период слишком короток для получения исчерпывающих результатов, однако, для апробации методики исследования и получения предварительных данных, его следует считать достаточным.

Для наиболее эффективного и репрезентативного анализа была разработана и протестирована система поисковых запросов, а затем сформирована база данных, включающая в себя различные характеристики исследуемой территории. В базу данных вошли все сообщения² с упоминанием названий муниципальных образований каждого субъекта, входящего в состав СКФО (во всех лингвистических формах). Не включались сообщения, попадающие под категории «спам», «реклама», «рассылка», а также репосты опубликованных ранее сообщений. Итоговая база данных включает в себя 840 тыс. сообщений, опубликованных в социальных медиа за исследуемый период, которые и были проанализированы. База данных представляет из себя сводный документ из 7 таблиц (по числу субъектов СКФО), в которых по каждому муниципальному образованию внесены следующие показатели: название муниципалитета, численность населения, количество сообщений, количество сообщений на 1000 жителей, доля позитива, доля негатива, аудитория, вовлеченность, вовлеченность на 100 тыс. аудитории, доля сообщений за пределами искомого региона, топ слов, популярные темы. А также для уточнения некоторых вопросов авторы пользовались более подробной базой, включающей 89 таблиц по каждому муниципальному образованию, где отражены 18 дополнительных показателей.

Социально-медийное пространство имеет внутреннюю структуру, которую можно охарактеризовать через следующие группы показателей:

1. Показатели концентрации: количество сообщений, общая аудитория, вовлеченность и СМ-Индекс. Под аудиторией понимается число пользователей, увидевших данную

¹ Подробнее об особенностях АИС «Медиалогия» и принципах работы с ней, а также о специфических характеристиках соцмедиа как источника информации, см. предыдущие исследования авторов [11; 12].

² Под сообщением понимаются все публикации и комментарии пользователей.

публикацию. Показатель «вовлеченность» отражает число пользователей так или иначе отреагировавших на сообщение (лайк, репост, комментарий и др.). СМ-Индекс³ показывает, насколько территория захватила внимание аудитории, каков ее «вес» в соцсетях [29].

2. Показатели дифференциации: тональность и тематика сообщений. В нашем исследовании тональность публикаций определялась автоматически с помощью алгоритмов АИС «Медиалогия». При оценке тональности применяются технологии лингвистического анализа по методике, разработанной компанией «Медиалогия» и, учитывается, как мнение автора сообщения по отношению к объекту, так и мнения других комментаторов.

3. Показатель связности: доля сообщений о муниципальном образовании из других регионов.

Исследование социально-медийного пространства СКФО на муниципальном уровне

проводилось с помощью методов систематизации, ранжирования, типологизации, корреляционного и картографического анализа.

Полученные результаты.

Концентрация социально-медийного пространства. Количество сообщений (в том числе относительно численности населения муниципальных образований), а также суммарная аудитория этих сообщений дают представление об общих закономерностях структуры социально-медийного пространства. В СМП Северного Кавказа выделяются крупнейшие информационные центры – большие города СКФО, главным образом столицы субъектов Федерации. Абсолютные лидеры – Ставрополь и Махачкала, лидеры второго порядка – Пятигорск, Нальчик, Владикавказ. Далее – Грозный, Черкесск, Магас и Назрань (рис. 1).

Наблюдается прямая корреляционная зависимость между численностью населения

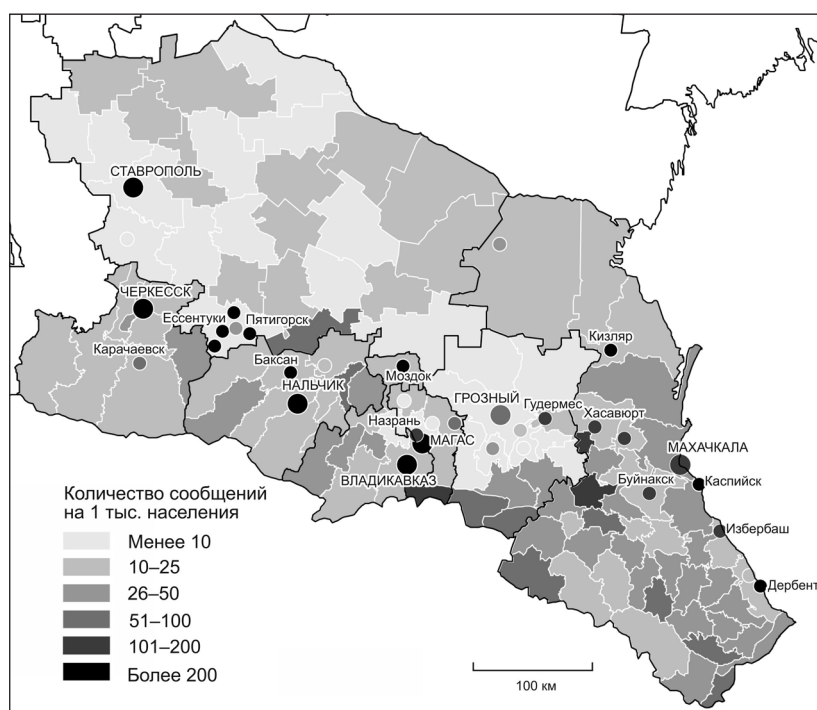

Рис. 1. Количество сообщений о муниципальных образованиях СКФО на 1000 населения. Составлено авторами.

³ СМ-Индекс – интегральный показатель АИС «Медиалогия». Для присвоения цифрового значения, оцениваются все упоминания объекта на всех платформах. Значение СМ-Индекса зависит от аудитории автора или сообщества, которые опубликовали сообщение, аудитории их репостеров, и от значения вовлеченности. Значение СМ-Индекса – от 0 до 1000 пунктов. Значение 1000 присваивается наиболее яркому сообщению у самого влиятельного блогера с большой аудиторией репостеров [24]. За счет своей интегральности СМ-индекс является одним из самых репрезентативных показателей, отражающий «вес» территории в соцмедиа.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции в субъектах СКФО между численностью населения муниципальных образований, абсолютным количеством сообщений и их аудитории

Название субъекта	Количество сообщений	Аудитория
Ставропольский край	0,85	0,84
Республика Дагестан	0,94	0,91
Республика Северная Осетия-Алания	0,94	0,92
Карачаево-Черкесская Республика	0,92	0,91
Кабардино-Балкарская Республика	0,94	0,94
Республика Ингушетия	0,29	0,13
Чеченская Республика	0,76	0,70

Составлено авторами.

и местом муниципального образования в СМП (табл. 1). Из общего ряда закономерности выбивается только Республика Ингушетия, так как большая часть сообщений приходится на столичный Магас, который при этом является самым маленьким городом республики.

По относительному количеству сообщений можно выделить муниципалитеты-аутсайдеры. В первую очередь это периферийные сельские территории Ставропольского края. К ним добавляются сельские районы Чеченской Республики и некоторые районы Республики Северная Осетия, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик. При этом есть достаточное число муниципальных образований, особенно в горной части, сопоставимые с аутсайдерами по численности, экономическому развитию, но имеющие большее «информационное освещение». Большинство таких муниципалитетов находится в Республике Дагестан. Предположительно, к факторам, влияющим на это, могут относиться:

- экономические (развитие туризма и инвестиционные проекты);
- инфраструктурные (качество и площадь интернет-покрытия) [30];
- культурно-исторические и этнические (муниципалитеты, имеющие особую историческую значимость и этническую этимологию названия, например, Карачаевский, Абазинский, Ногайский районы Карачаево-Черкесской Республики);
- происшествия различного характера (например, убийство главы села в Новолакском районе Дагестана 07.02.2021 г. вывело данный муниципалитет на федеральный уровень освещения).

Отметим, что выделение данных факторов носит гипотетический характер, и их степень и механизм влияния требуют в дальнейшем уточнения.

Анализ аудитории сообщений о муниципальных образованиях значительно дополняет общую картину СМП (рис. 2). С одной стороны, подтверждается корреляция между численностью населения МО и его местом в СМП. Лидерами по данному показателю в регионе являются его крупнейшие города – Махачкала, Ставрополь, Пятигорск, Нальчик и Владикавказ (более 1 млрд аудитории каждый). Вообще, среди муниципалитетов с аудиторией от 250 млн присутствуют только города. С другой стороны, отклонения от этой закономерности ставит ряд интересных исследовательских вопросов. Например, город Грозный (3-й по численности населения в СКФО) заметно уступил по аудитории меньшим по численности городам – Нальчику, Владикавказу и Пятигорску.

Для сельских муниципальных образований зависимость аудитории от численности населения прослеживается также неоднозначно. Среди лидеров по аудитории есть, как муниципалитеты с большой численностью населения – Урус-Мартановский (159,5 тыс. чел.) и Дербентский (101,6 тыс. чел.), так и средней – Кизлярский (74,6 тыс. чел.), Ботлихский (59,8 тыс. чел.), и даже малой – Бабаюртовский (48,4 тыс. чел.), Новолакский (35,9 тыс. чел.), Хунзахский (33,3 тыс. чел.). Очевидно, что на уровне сельских муниципальных образований вступают в силу дополнительные факторы, увеличивающие аудиторию. Так, для Урус-Мартановского района значение имеет «эхо войны» – годовщина боя псковских десантников в феврале 2000 г. Кизлярский и Дербентский районы

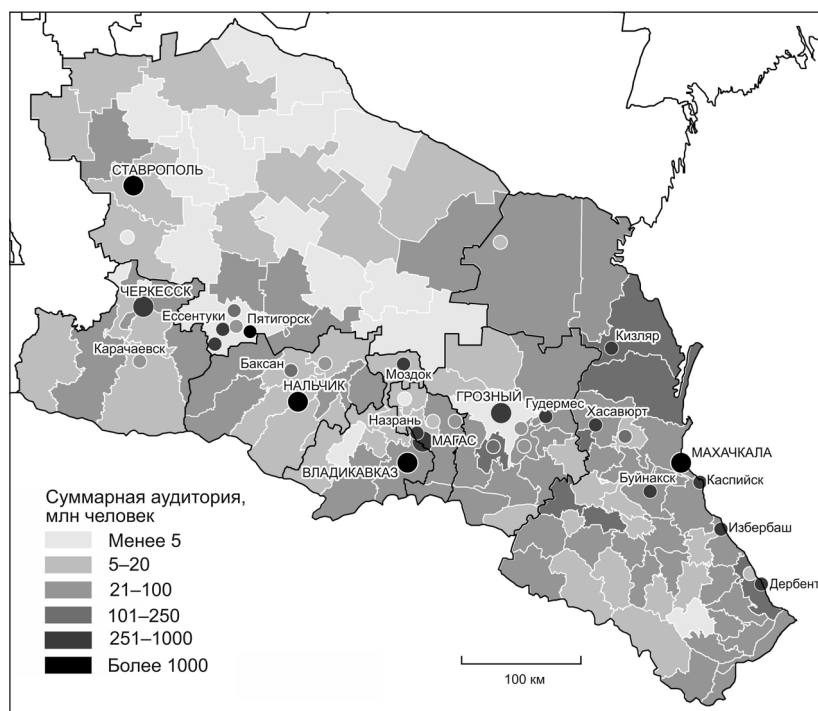

Рис. 2. Суммарная аудитория публикаций о муниципальных образованиях СКФО. Составлено авторами.

испытывают позитивный эффект от довольно мощных брендов своих городов-центров – Кизляра и Дербента. Новолакский район получил большую аудиторию ввиду резонансного убийства главы одного из сел, освещаемого на федеральном уровне.

На примере Бабаюртовского района Республики Дагестан видно, как социально-медийное пространство отражает существующие проблемы расселения и миграции. В равнинной части Дагестана еще с 1970-х гг. стали появляться временные населенные пункты – кутаны. В них размещались жители горных районов на время выпаса скота, покидая их в зимний период. Эти населенные пункты являлись по сути анклавом и входили в состав горных районов республики. На данный момент, в условиях роста численности населения, сокращения обеспеченности земельными ресурсами, кутаны стали фактически нелегальными постоянными населенными пунктами. В результате к официально зарегистрированному населению Бабаюртовского района добавляется около 60 тыс. чел., живущих в 166 незарегистрированных населенных пунктах. Реальная чис-

ленность населения Бабаюртовского района превышает 100 тыс. чел., что и подтверждается достаточно большим показателем суммарной аудитории [33].

Также стоит отметить разнонаправленное действие пригородного положения сельских муниципалитетов на показатель суммарной аудитории. В одних случаях, наличие города значительно «оттягивает» информационный поток на себя, аналогично виртуальной урбанизации, которую исследовали О.Д. Ивлиева и А.Д. Яшунский [7]. Самые яркие примеры: Предгорный район – города Кавказский Минеральных Вод и Грозненский район – город Грозный. В других случаях, город и окружающий его муниципальный район образуют взаимовыгодные «связки», формируя встречные информационные потоки. Например, города Дагестана с районами – Дербент и Дербентский район, Хасавюрт и Хасавюртовский район, Буйнакс и Буйнакский район, Кизляр и Кизлярский район. А в некоторых случаях, фактор пригородного положения никак не реализуется.

В рамках социально-медийного пространства внутри субъектов СКФО наблю-

даются процессы централизации и агломерации. В отличие от социально-экономических процессов, в СМП муниципалитеты достаточно жестко «привязаны» к своим регионам через связи информационных, политических, культурных аккаунтов. Можно выделить несколько типов агломерирования СМП на уровне субъектов Федерации:

Моноцентричная агломерация характерна для Карачаево-Черкесской Республики, где главный центр – город Черкесск. Подцентры-конкуренты отсутствуют, остальные муниципалитеты имеют показатели по количеству сообщений и аудитории ниже среднего окружного уровня.

Двухцентричная агломерация отмечена в Чеченской Республике (Грозный и Гудермес), Кабардино-Балкарской Республике (Нальчик и Баксан), Республике Северная Осетия-Алания (Владикавказ и Моздок), Республике Ингушетии (Магас и Назрань). Здесь по количеству публикаций и суммарной аудитории лидером является столица, но заметную конкуренцию им составляет второй город. Лишь в Республике Ингушетия ситуация отличается тем, что Магас

и Назрань имеют почти одинаковые равные значения. Также двухцентричная агломерация представлена в Ставропольском крае, только главную роль играют не города, а городские агломерации. Суммарно по общим показателям муниципалитеты агломерации КМВ превосходят Ставрополь.

Полицентричная агломерация сформировалась в Республике Дагестан. Главная ее особенность – сложность и многосоставность. Главный центр – город Махачкала, центры второго порядка – Дербент, Каспийск и Хасавюрт. Почти все муниципалитеты имеют уровень выше среднего по округу.

Важными характеристиками концентрации СМП выступают вовлеченность и СМ-индекс. Показатель вовлеченности рассматривается в качестве относительного (на 100 тыс. аудитории), так результаты представляются более репрезентативными. По показателю относительной вовлеченности лидерами являются сельские муниципалитеты Ставропольского края (рис. 3). Можно сделать вывод, что население этих территорий наиболее заинтересовано проблемами и новостями малой родины. Однако, в слу-

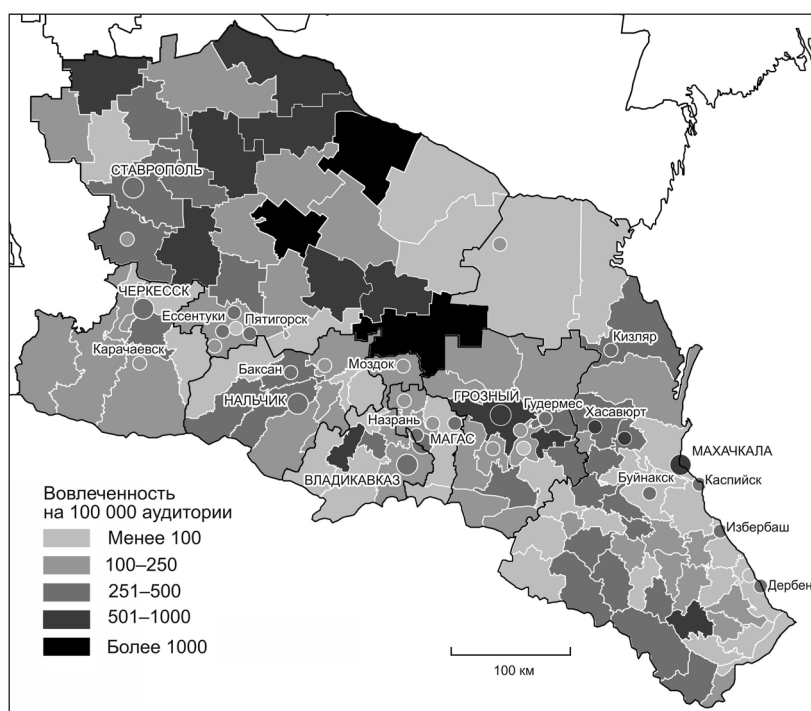

Рис. 3. Показатель относительной вовлеченности на 100 тыс. аудитории публикаций о муниципальных образованиях СКФО.

Составлено авторами.

чае лидерства сельских муниципальных образований Ставропольского края свою роль сыграл эффект «низкой базы». В условиях самой низкой суммарной аудитории в СКФО (менее 1 млн чел.), даже небольшое количество вовлечений дало большой показатель относительной вовлеченности.

Реальные лидеры по показателю вовлеченности города – Грозный, Махачкала и Хасавюрт. При большом объеме аудитории они выделяются и большим числом вовлечений. Сопоставимые с ними по общей аудитории города (Ставрополь, Нальчик, Владикавказ) заметно отстают по вовлеченности.

За исключением Ставропольского края, большинство сельских муниципалитетов с вовлеченностью выше среднего находится в Республике Дагестан. При этом, они чередуются с соседними мало вовлеченными территориями. В Республике Дагестан по показателю вовлеченности установлена географическая детерминанта: равнинная часть республики – менее вовлеченное население, горные районы – более.

В Чеченской Республике явно прослеживается взаимосвязь лидирующих муниципальных образования с популярным в соцмедиа главой региона Р.А. Кадыровым, который в рейтинге цитирования в соцмедиа по итогам 2020 г. занимает одну из лидирующих позиций среди глав регионов, уступая только мэру Москвы С.С. Собянину. Все чеченские лидирующие муниципальные образования так или иначе связаны с региональным лидером: город Грозный и Грозненский район, Курчалоевский район – родина тейпа Беной, к которому принадлежит род Р.А. Кадырова, Гудермес – «вторая столица» республики.

СМ-индекс – показатель, который отражает условную «влиятельность» сообщений о том или ином муниципальном образовании. Можно сказать, что из всех показателей он самый информативный и объективный, благодаря своей интегральности, и отражает реальный «информационный вес» территорий.

Лидеры по СМ-индексу – крупнейшие города СКФО: Махачкала (опережает Ставрополь в 1,5 раза), Ставрополь и Владикавказ. По показателю СМ-индекса в СКФО выделяются 2 региона – Ставропольский край и Республика Дагестан, имеющие несколько муниципалитетов с СМ-индексом более 1 млн, среди которых города Ставро-

поль, Кисловодск, Пятигорск и Махачкала, Каспийск, Дербент. Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская и Чеченская Республики имеют по одной такой территории – столицы. В Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республике таких территорий нет.

Характерен агломерационный эффект – наибольшую влияние имеют муниципальные образования с большими городами в составе или значительной численностью населения. В целом, география СМ-индекса «подсвечивает» своеобразный каркас СМП региона с главными центрами – городами, и периферией – небольшими сельскими муниципалитетами.

По СМ-индексу легко обнаружить «резонансные» муниципальные образования – территории, получившие большое внимание социальных сетей ввиду каких-либо ярких событий. Пример – Новолакский район Республики Дагестан (убийство главы села 07.02.2021) имеет показатель сравнимый с крупными городами СКФО. Наконец, видна область информационной периферии по влиянию – сельские муниципальные образования Ставропольского края, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Чеченской Республик, Республик Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Дагестан. В целом, видны закономерности с основной полосой населения на Северном Кавказе.

При рассмотрении среднего показателя СМ-индекса на 1 сообщение, видно, что муниципальные образования Чеченской Республики и Республики Дагестан более «влиятельны» в социальных медиа, что позволяет сделать вывод о ведении более эффективной информационной политики. Так, в Чеченской Республике, за исключением трех муниципальных образований, все имеют высокий СМ-индекс на 1 сообщение, а в Республике Дагестан – около половины муниципалитетов. На контрасте – большинство муниципальных образований Ставропольского края, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской Республик, Республик Северная Осетия-Алания и Ингушетия имеют низкий средний СМ-индекс.

Для определения уровня развития соцмедиа в СКФО предложен интегральный показатель – СМ-уровень, включающий в себя следующие данные о каждом муниципалитете: количество сообщений, аудитория,

вовлеченность на 100 тыс. сообщений и СМ-индекс. Для каждого муниципалитета был определен рейтинг по каждому показателю, а также суммарный показатель рейтинга, который и отражал уровень развития соцмедиа в муниципалитете (рис. 4).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наибольшее распространение и развитие социальные медиа получили в крупных городах региона. Причем муниципалитеты вокруг городов имеют гораздо более низкий показатель уровня развития, это связано с тем, что информационный потоки тяготеют к крупному центру, тем самым провоцируя отток от ближайшей периферии. Особенно ярко это проявляется во взаимосвязи Ставрополь – Шпаковский муниципальный округ и города-курорты КМВ – Предгорный муниципальный округ. Ставропольский край в целом имеет невысокий показатель за пределами городов, чего не скажешь о Республике Дагестан, где данный показатель ниже среднего всего в 4 муниципалитетах из 51. Остальные республики СКФО имеют неоднородную структуру показателей СМ-уровня, который

в большинстве своем коррелирует с системой расселения региона.

Дифференциация социально-медийного пространства. Для характеристики дифференциации СМП важным показателем является тональность публикаций. Во всех муниципальных образованиях значительно превалирует нейтральная тональность сообщений – более 85%. Представляется вполне логичной такая доля эмоционально неокрашенных сообщений, так как большинство из них носят информативный характер. Однако, для понимания структуры СМП особый интерес представляет анализ именно оставшихся 10–15% позитивных и негативных сообщений. Он может раскрыть составляющие внешнего и внутреннего образа территорий, выявить наличие острых проблем и даже наличие или отсутствие стратегий продвижения муниципалитетов в соцмедиа.

Из всех субъектов Федерации наиболее положительно в социальных медиа выглядят Республика Северная-Осетия–Алания, Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская Республики, здесь более половины муниципальных образований имеют высокий пока-

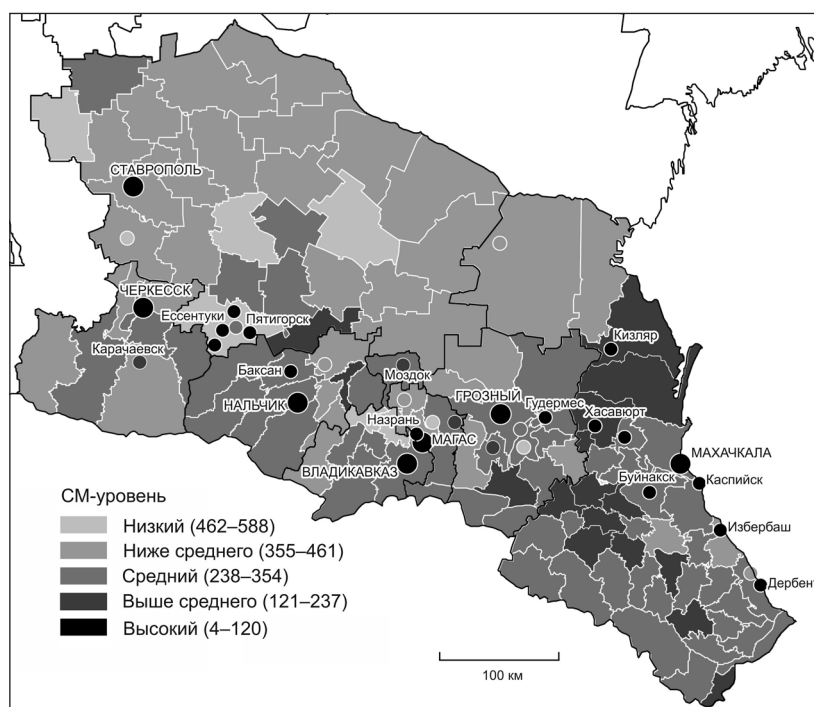

Рис. 4. СМ-уровень в муниципальных образованиях СКФО.
Составлено авторами.

затель позитива. Интересно, что ни один из крупных городов СКФО не может претендовать на звание «центра позитива», тогда как в некоторых сельских муниципальных образованиях, показатели относительно высокие. Важно отметить, что курортные территории, на которые власти регионов часто возлагают надежды при планировании информационной политики, на сегодняшний день отражены в соцмедиа нейтрально. Наименьшая доля положительных публикаций о горных районах Республики Дагестан и Предгорном районе Ставропольского края, здесь показатель близится к 0.

Центрами «негатива» СКФО можно назвать Урус-Мартановский (Чеченская Республика), Ботлихский и Цумадинский (Республика Дагестан), Прохладненский (Кабардино-Балкарская Республика) и Малгобекский (Республика Ингушетия) районы. Именно в этих муниципальных образованиях доля негативно окрашенных публикаций достигает наибольших значений. В целом, очевидна концентрация негатива вокруг Чеченской Республики – 5 муниципалитетов с высокой долей негативных сообщений внутри республики и еще 4 в ее приграничной зоне. В совокупности с Республиками Ингушетия и Дагестан она формирует главный «полнос негативности», многие отрицательные стереотипы и образы транслируются соцмедиа именно на эти территории.

Если составить баланс по долям позитивных и негативных сообщений для каждого муниципалитета, то можно получить более глубокую картину. Можно предположить, что высокопозитивные муниципалитеты (4% и более) ведут имиджевую политику на местном уровне и имеют положительный внешний образ на региональном и федеральном уровне. К примеру, в список таких территорий входят муниципальные образования: Эльбрусский, Чегемский (Кабардино-Балкарская Республика) и Изобильненский (Ставропольский край) связанные с туристическими проектами; Красногвардейский, Кочубеевский (Ставропольский край), Баксанский (Кабардино-Балкарская Республика), Кировский (Республика Северная Осетия – Алания) и Усть-Джегутинский (Карачаево-Черкесская Республика) участвующие в интенсивном развитии сельского хозяйства. Проявляется и этнический фактор – значительное преобладание позитивных

сообщений в Абазинском (Карачаево-Черкесская Республика), Ирафском (Республика Северная Осетия – Алания) и Ахвахском (Республика Дагестан) районах, где компактно проживают небольшие по численности этносы и этнические группы – абазины, дигорцы и ахвахцы, соответственно.

Среди высоконегативных территорий (4% и более) тоже можно проследить связь с конкретными факторами и событиями, определившими такую тональность. Так, безусловное лидерство Урус-Мартановского района (Чеченская Республика) объясняется годовщиной гибели псковских десантников в 2000 г. на его территории. Современную ситуацию в муниципалитете этот никак не отражает, но ежегодная «негативная волна» публикаций об этих событиях определяет внешний образ района. Для Назрановского, Малгобекского (Республика Ингушетия), Прохладненского (Кабардино-Балкарская Республика) и Арзгирского (Ставропольский край) ведущим фактором «негатива» являются проблемы социально-экономического развития. Для Казбековского (Республика Дагестан) и Пригородного (Республика Северная Осетия – Алания) районов важной составляющей негативного образа выступает спорность и приграничность.

Почти для всех городов СКФО показатель преобладающей тональности стремится к нейтральному (от -1,5 до 1,5). Это объясняется в большей степени большим объемом информационного потока, в котором преобладают информационные материалы. При этом, повышенная доля негативных сообщений может быть интерпретирована как показатель проблем развития городов. Так, «негативный баланс» имеют курортные города Железноводск и Пятигорск, обладающие с одной стороны в целом позитивным внешним образом из-за туризма. С другой – внутренние городские проблемы (благоустройство, состояние городской инфраструктуры, социальные проблемы) в соцмедиа даже преобладают. Проблемы городов в условиях активной урбанизации довольно остро отражаются через тональность СМП. Из 10 крупнейших городов округа только Ставрополь, Нальчик, Кисловодск и Дербент имеют преобладающую позитивную тональность. В свою очередь, негативные черты «город-

ского роста) (неконтролируемая застройка, цены на недвижимость, инфраструктурная обеспеченность, благоустройства) начинают поглощать и пригородные муниципалитеты (например, Кумторкалинский район в Махачкалинской городской агломерации).

К показателям дифференциации СМП СКФО относится также рейтинг самых упоминаемых слов и хэштегов в публикациях. Нужно отметить, что в абсолютном большинстве случаев в топ-3 слов входят нейтральные слова и фразы (например, «район», «год», «город», «село» и др.), не позволяющие сделать объективных выводов о различиях в репрезентации муниципалитетов в соцмедиа. Однако, в трех республиках (Республики Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкарская Республика) выявлена интересная закономерность: в топ-3 о каждом из всех муниципальных образований входит название республики и/или региональной столицы. Например, 91% сообщений о муниципальных образованиях Республики Дагестан содержат в себе слово «Дагестан» и 86% слово «Махачкала», а в случае с Республикой Ингушетия, этот показатель стремит-

ся к 100%. Это позволяет сделать вывод, что в этих трех субъектах Федерации наиболее высоко развита региональная идентичность, а также ментальная связь «периферия-центр». Уникальная ситуация в «поле хэштегов» Чеченской Республики – около 50% сообщений маркируются словом «Россия», что говорит об особой связи республики с федеральным центром [14].

Связность социально-медийного пространства. Анализ географического разброса публикаций о муниципалитетах позволил выделить и изучить такой важный параметр СМП как связность. Он показал, что на федеральном уровне показатели разнятся. В пределах округа есть муниципалитеты, о которых крайне мало пишут за пределами субъекта (менее 10% сообщений). А также есть муниципальные образования, до половины публикаций о которых приходится на другие субъекты России (рис. 5).

Анализ географических особенностей распределения сообщений позволил выявить виды территориальной связности. Они определялись на основе выделения ведущих цен-

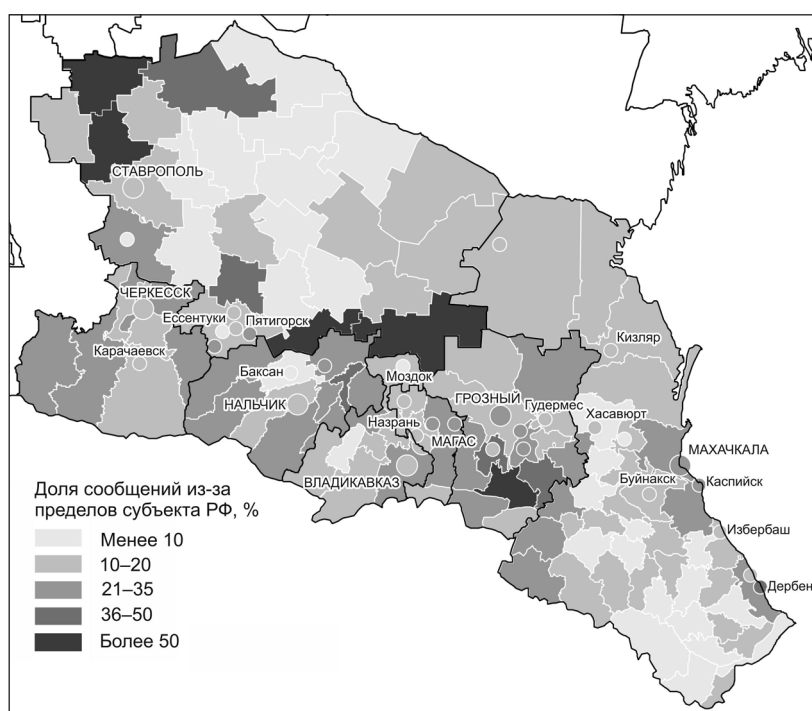

Рис. 5. Доля сообщений о муниципальных образованиях СКФО, опубликованных в социальных медиа за пределами родного субъекта.

Составлено авторами.

тров формирования информационного потока для каждого муниципалитета. Для муниципалитетов СКФО получилось восемь видов. Кратко охарактеризуем каждый из них.

№ 1. Муниципальное образование – Центр субъекта Федерации – Москва. Главный генератор сообщений о муниципалитете – сам муниципалитет. Дополняют информационный поток центр субъекта Федерации и федеральный центр. В данном виде все показатели СМП почти полностью зависят от местных ресурсов развития социальных медиа. В результате, муниципалитеты, относящиеся к такому виду, характеризуются уровнем развития соцмедиа ниже среднего, за исключением города Пятигорска, Георгиевского и Минераловодского городских округов. Вид имеет четкую географическую привязку – 11 из 12 таких муниципальных образований находятся в Ставропольском крае.

№ 2. Муниципальное образование – Центр субъекта Федерации. Является редуцированным вариантом предыдущего вида. В информационном потоке отсутствует федеральный центр, вследствие чего муниципалитеты имеют совсем слабое и эпизодическое появление в соцмедиа. В СКФО на данный момент он характерен только для Арзгирского района Ставропольского края.

№ 3. Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование – Москва. В данном случае главная роль в информационном потоке принадлежит центру субъекта, в котором находится муниципалитет. За ним следуют само муниципальное образование и федеральный центр. Как правило, территории с такого вида имеют более высокий уровень развития СМП. Условно, эти муниципалитеты интересны уже не только сами себя, но и как минимум своему региональному центру. Географически этот вид наблюдается в Республике Дагестан (20 из 26 муниципальных образований).

№ 4. Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование. Может являться частным случаем вида № 3. Отличие – в отсутствии влияния федерального центра. Это приводит к снижению уровня развития СМП у таких муниципалитетов, но не такому катастрофическому, как в случае вида № 2.

№ 5. Центр субъекта Федерации – Москва – Муниципальное образование. Данный вид отличается большим влиянием феде-

рального Центра, чем в предыдущих двух. Причем это увеличение влияния может происходить двумя путями. Первый – реальная информационная значимость муниципалитетов. Например, многие небольшие города СКФО относятся именно к такому виду, о них публикуются сообщения и в региональном центре, и в федеральном. Во втором случае наблюдается слабое развитие местных соцмедиа, которые уступают источникам из столиц. Географически данный вид охватывает самые разные территории – от средних и больших городов (Карачаевск, Назрань, Баксан, Кизляр, Буйнакск, Дербент) до различных типов сельских муниципалитетов (пригородных, этнических, горных периферийных и др.).

№ 6. Центр субъекта Федерации – Москва. Этот вид имеет под собой те же основания, что и вид № 5, но в условиях отсутствия местных муниципальных соцмедиа. Фактически, это уникальный случай, когда территория сама себя вообще не презентует. Это компенсируется вниманием со стороны региона и федерального центра. В результате уровень развития СМП на среднем уровне, несмотря на отсутствие важного местного звена. Географически больше характерен для муниципалитетов Чеченской Республики.

№ 7. Центр субъекта Федерации – Москва – Другой город. В информационном потоке муниципальные образования в данного вида появляется третья значимая сила – другой город, не имеющий административного статуса относительно муниципалитета. Часто это крупный город, информационное влияние которого заметно увеличивает уровень развития СМП. Такая вид приурочен к крупным городам-столицам (Ставрополь, Владикавказ, Махачкала, Нальчик и Черкесск), туристическим территориям (Эльбрусский, Зеленчукский, Алагирский районы, город Железноводск). Интересным является распространением этого вида в Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республике. Но если в Республике Ингушетия это объясняется влиянием Назрани, не являющейся столицей, то в Карачаево-Черкесской Республике в разных муниципальных образованиях наблюдается влияние разных городов – Ставрополя, Майкопа, Нальчика.

№ 8. Москва – Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование.

Характерен для территорий «федерально-го внимания». На первом месте в информационном потоке федеральный центр, по сути, в территориях данного вида прева-лирует внешний образ. Среди муниципалитетов данного вида: республиканские столицы (Грозный и Магас), города-курорты (Ессентуки и Кисловодск), военные базы (Моздок и Каспийск). К такому же виду относятся и муниципалитеты-«однофамильцы» (Красногвардейский, Кировский, Терский, Майский). В их случае возникает наложение информационных потоков муниципалитетов с аналогичными названиями. С одной стороны, данный факт можно списать как несовершенство мониторинговой платформы. С другой стороны, многие территории с однотипными (часто советскими) названиями очевидно имеют из-за них проблемы с позиционированием и продвижением в соцмедиа. В случае с такими северокавказскими муниципалитетами это искусственно завышает показатели развития соцмедиа [14].

Типология социально-медийного пространства СКФО. На основе видов территориальной связности, а также с учетом показателей концентрации и дифференциации, была разработана типология СМП (табл. 2). Для территорий местного информационного значения характерны виды с преобладанием муниципальных образования и центра субъекта

Федерации и минимальной ролью федерального центра. В зависимости от их сочетаний выделяются подтипы – периферия, полупериферия, региональные СМ-центры и Федеральные СМ-центры. Территории регионального информационного значения отмечаются доминированием центра субъекта в информационном потоке в дополнении со значительным влиянием федерального центра. У территорий федерального информационного значения на первом месте в инфопотоке находится федеральный центр.

Предложенная типология имеет интересные географические черты (рис. 6). Территории местного информационного значения полностью сконцентрированы в Ставропольском крае и Республике Дагестан (за исключением Гудермесского и Усть-Джегутинского районов). В Ставропольском крае большая часть таких территорий аграрные, периферийные районы, а в Республике Дагестан – горные районы. При этом по СМ-уровню и тональности сообщений данные территории неоднородны: наименьшим СМ-уровнем обладают муниципалитеты Ставропольского края и очевиден разрыв по СМ-уровню между городами (Хасавюрт, Избербаш, Кизилюрт и Пятигорск) и остальными муниципальными образованиями. Также отмечается закономерность отличия тональности – «эмоциональный разброс» в Республике Дагестан также гораздо больше, почти все муници-

Таблица 2. Типология социально-медийного пространства муниципальных образований СКФО

№	Тип	Подтип	Вид территориальной связности
1.	Территории местного информационного значения	СМ Периферия	Муниципальное образование – Центр субъекта Федерации – Москва
			Муниципальное образование – Центр субъекта Федерации
		СМ Полупериферия	Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование – Москва
			Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование
2.	Территории регионального информационного значения	Региональные СМ-центры	Центр субъекта Федерации – Москва – Муниципальное образование
			Центр субъекта Федерации – Москва
			Центр субъекта Федерации – Москва – Другой город
3.	Территории федерального информационного значения	Федеральные СМ-центры	Москва – Центр субъекта Федерации – Муниципальное образование

Составлено авторами.

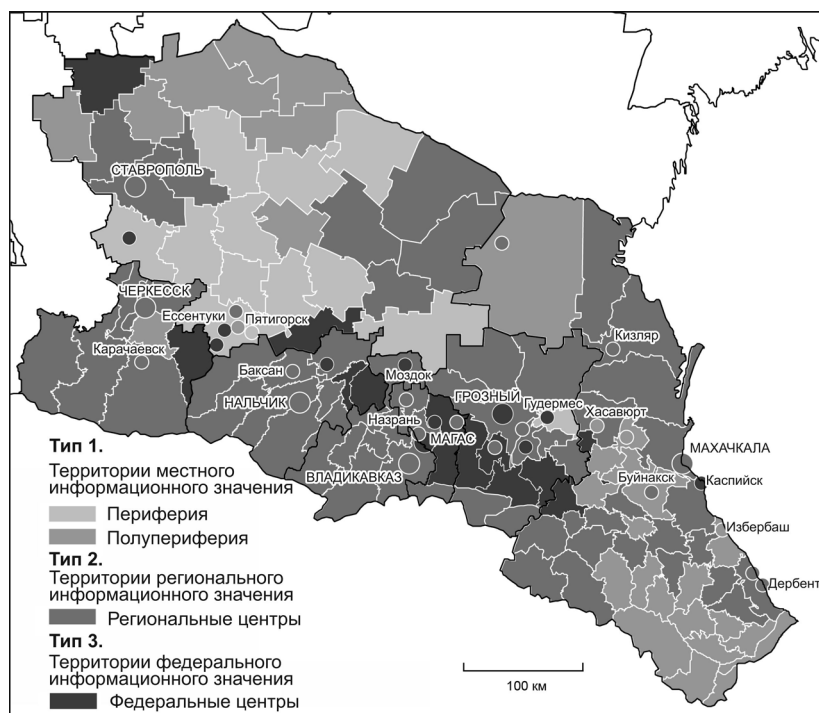

Рис. 6. Типология социально-медийного пространства муниципальных образований СКФО.

Составлено авторами.

палитеты Ставропольского края попадают в узкую «слабо позитивную» полосу.

Большинство муниципалитетов отнесено ко второму типу – территории регионального информационного значения. Данный тип преобладает в Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Чеченской Республиках, Республиках Ингушетия, и Северная Осетия–Алания. Сюда входят самые разные с экономико-географической точки зрения территории – и крупные города, и сельские небольшие районы, и пригородные муниципалитеты, развивающиеся в рамках агломераций. Из представленных региональных СМ-центров наименьшим уровнем развития, как и в предыдущем типе, являются периферийные экономически слаборазвитые сельские районы. К ним примыкают небольшие города (Шали, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск) и городские округа (Шпаковский, Изобильненский, Буденновский и др.). Лидерами по СМ-уровню в данном типе выступают, главным образом, большие города – столицы (за исключением Магаса и Грозного), «вторые города» субъектов Федерации (Кизляр, Дербент, Буйнакс, Баксан, Назрань). Особый

интерес вызывает их показатель преобладающей тональности. Так, наиболее позитивно выглядит Ставрополь, за ними следуют Нальчик и Баксан. Как и в случае с сельскими территориями, муниципальные образования Республики Дагестан имеют менее позитивный фон, а крупнейших город СКФО – Махачкала вообще отрицательную тональность. А из всех столиц самую негативную тональность имеет Владикавказ.

Наконец, небольшое число муниципалитетов отнесены к территориям федерального информационного значения. Лидеры по числу таких муниципальных образований – Чеченская Республика (7) и Ставропольский край (5), в остальных субъектах от 1 до 3 территорий данного типа. Географически третий тип расположен очень компактно – в центральной части округа, вдоль условной линии Невинномысск – Каспийск. Преобладание федерального центра в информационном потоке, как правило, обусловлено конкретными причинами. Так, для муниципалитетов Чеченской Республики характерно «эхо войны». Отдельно можно говорить о «резонансных» муниципалитетах, полу-

чивших разное федеральное внимание из-за каких-либо событий. Яркий пример – Новолакский район Республики Дагестан. Естественно, что при более длительном мониторинге соцмедиа такой эффект нивелируется, а подобная территория перейдет в другой тип. Наконец, «истинными» федеральными территориями являются города, имеющие высокий СМ-уровень. Среди них федеральные курорты (Ессентуки и Кисловодск), военные базы (Каспийск и Моздок) и региональные столицы (Магас и Грозный).

Следует отметить, что внутри обозначенных типов оказываются территории с очень разным «социально-медийным профилем», обусловленным различными факторами и условиями. Предложенная типология достаточно мобильна и динамична, на больших или других промежутках времени территории могут переходить из одного типа в другой, особенно в виду каких-либо значимых событий, освещаемых в соцмедиа.

Выводы. Социальные медиа, ставшие неотъемлемой частью современного мира, являются важным источником информации для научных исследований, а комплексный анализ их параметрических характеристик следует рассматривать как метод исследования в различных отраслях науки, в том числе в общественной географии.

Анализ репрезентации территории в социальных медиа целесообразно проводить путем исследования социально-медийного пространства. Характеризуется социально-медийное пространство через три группы показателей: концентрации (количество сообщений, общая аудитория, вовлеченность и СМ-Индекс), дифференциации (тональность и тематика сообщений) и связности (доля сообщений о муниципальном образовании из других регионов).

СМП Северного Кавказа неоднородно, выделяются информационные центры и информационная периферия. На масштаб представленности муниципальных образований в социальных медиа оказывает влияние множество факторов: численность населения, резонансные события, «эхо войны», социокультурные, экономические и инфраструктурные и др. факторы. Наблюдаются процессы централизации и агломерации социально-медийного пространства субъектов СКФО. Выделяются несколько типов

агломерирования СМП на уровне субъектов округа: моно-, дву- и полицентричная агломерация социально-медийного пространства. Муниципальные образования Чеченской Республики и Республики Дагестан наиболее «влиятельны» в социальных медиа. Анализ уровня развития и распространения социальных медиа показал, что значительно лидируют крупные города СКФО, причем муниципалитеты вокруг городов имеют гораздо более низкий показатель уровня развития. Единственный субъект, в котором достаточно высокий СМ-уровень за пределами городов – это Республика Дагестан.

По эмоциональной окраске преобладающий контекст сообщений также неравномерен по всему СКФО, он имеет мозаичную структуру и позволяет выделить три основных типа: нейтрально-позитивный (Ставропольский край и Кабардино-Балкарская Республика) и нейтрально-негативный (Чеченская Республика и Республика Дагестан) и смешанный (Республика Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесская Республика). Из городов СКФО показатель преобладающей тональности почти во всех стремится к нейтральному. В трех субъектах СКФО: Республиках Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкарской Республике наиболее развита региональная идентичность, а также ментальная связь «периферия-центр». А показатели Чеченской Республики говорят об особой связи республики с федеральным центром.

Социально-медийное пространство СКФО многогранно и разнообразно, выявленные виды территориальной связности и проведенная типология позволяют сделать вывод, что территории местного информационного значения полностью сконцентрированы в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Большинство муниципалитетов СКФО отнесено ко второму типу – территории регионального информационного значения. Данный тип преобладает в Республиках Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской Республиках. Географически третий тип расположен очень компактно – в центральной части округа, вдоль условной линии Невинномысск – Каспийск. Предложенная в работе типология достаточно мобильна и динамична, на больших или других промежутках времени территории могут

переходить из одного типа в другой, особенно в виду каких-либо значимых событий, освещаемых в соцмедиа.

Апробированная в работе методика географического анализа территории в социальных медиа динамична и адаптивна, и она может применяться для других тер-

риторий различного уровня. Исследования такого рода важны для понимания информационной значимости территорий и их характеристик в коллективных мыслеформах, а полученные результаты могут быть использованы при планировании информационной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П.Я.* Структуризация географического пространства – основа теоретической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 12–21.
2. *Бузин В.Н.* Уровни управления российским медиапространством // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). 2012. № 1. С. 121–125.
3. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
4. *Замятина Н.Ю.* Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 15–28.
5. *Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д.* Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07.
6. *Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д.* Миграции с Севера: социальные сети и ментальная «близость» // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сб. статей. Отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: Эслан, 2015. С. 147–173.
7. *Ивлиева О.Д., Яшунский А.Д.* Виртуальная урбанизация // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1 (4). С. 26–36.
8. *Лебедев П., Петухова С.* Социальные медиа: показатель развития информационного общества? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 16–25.
9. *Манович Л.* Как следовать за пользователями программ? // Логос. 2015. Т. 25. № 2 (104). С. 189–218.
10. *Смирнов И.П.* Активность населения как ресурс развития городов Тверской области: опыт оценки по данным сети «ВКонтакте» // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 4. С. 108–116.
11. *Смирнов И.П.* К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Изв. РГО. 2019. Т. 151. № 6. С. 69–80. DOI: 10.31857/S0869-6071151669-80.
12. *Смирнягин Л.В.* Судьба географического пространства в социальных науках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 7–19.
13. *Ткачева Т.А.* Географический анализ репрезентации образа Северного Кавказа в социальных медиа // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 2. С. 224–239. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-2-26-224-239.
14. *Ткачева Т.А., Супрунчук И.П.* Опыт внутрирегионального анализа образов территории в дискурсе социальных медиа (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Географический вестник. 2022. № 1 (60) С. 119–135. DOI: 10.17072/2079-7877.
15. *Тукунов В.С., Белозеров В.С., Антипов С.О., Супрунчук И.П.* Социальные медиа как инструмент анализа посещаемости туристических объектов (на примере Ставропольского края) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 3. С. 89–95.
16. *Adams C., Warf B.* Introduction: cyberspace and geographical Space // Geographical Review. 1997. Vol. 87. № 2. P. 14–36. DOI: 10.1111/j.1931-0846.1997.tb00067.x.
17. *Cai G., Hirtle S., Williams J.* Mapping the geography of cyberspace using telecommunications infrastructure information // Laurini (Ed.), TeleGeo'99 – the First International Workshop on Telegeoprocessing, Lyon, France. May 6-7, 1999.
18. *Indaco A., Manovich L.* Urban social media inequality: definition, measurements, and application // Urban Studies and Practices. 2016. Vol. 1. № 1 (2). P. 11–23.
19. *Kellerman A.* The Internet City: People, Companies, Systems and Vehicles. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. 224 p.
20. *Kellerman A.* The Internet as Second Action Space. London and New York: Routledge, 2014. 192 p. DOI: 10.4324/9781315765105.
21. *Kinsley S.* The matter of «virtual» geographies // Progress in Human Geography. 2013. Vol. 38 (3). P. 50–89. DOI: 10.1177/0309132513506270.
22. *Li J., Whalley F., Williams H.* Between physical and electronic spaces: the implications for organizations in the networked economy // Environment and Planning A. 2001. № 33. P. 699–716.
23. *Lengyel B., Varga A., Sögvöri B., Jakobi B., Kertész J.* Geographies of an Online Social Network // PLOS ONE. 2015. 10 (9). P. e0137248. DOI: 10.1371/journal.pone.0137248.
24. *Leszczynski A.* Spatial media/tion // Progress in Human Geography. 2015. № 39 (6). P. 729–751.
25. *Maggioni M.A., Uberti T.E.* Knowledge networks across Europe: which distance matters? // Annals of Region Science. 2009. Vol. 43. № 3. P. 691–720. DOI: 10.1007/s00168-008-0254-7.

26. Takhteyev Y., Grudz A., Wellman B. Geography of Twitter networks // *Social Networks*. 2012. Vol. 34. № 1. P. 73–81.
27. Thelwall M. Social networks, gender, and friending: An analysis of MySpace member profiles // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2008. Vol. 59. № 8. P. 1321–1330. DOI: 10.1002/asi.20835.
28. Yazdani M., Chow J., Manovich L. Quantifying the development of user-generated art during 2001–2010 // *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12. № 8. P. e0175350. DOI: 10.1371/journal.pone.0175350.
29. АИС Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения 03.09.2021).
30. Карта интернет-покрытия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.meldana.com> (дата обращения 21.02.2022).
31. Официальные новости социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/press/q2-2021-results> (дата обращения 11.03.2022).
32. Статистика пользователей Интернета в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rusind.ru/polzovateli-interneta-v-rossii.html> (дата обращения 11.03.2022).
33. Счетная палата Республики Дагестан [Электронный ресурс]. URL: <https://spdag.ru/> (дата обращения 11.03.2022).
34. Kantar BrandZ Global, 2021 Отчет о деятельности мировых брендов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kantar.com/campaigns/brandz/global> (дата обращения 04.05.2022).

Статья поступила в редакцию 1 июня 2022 г.

Об авторах:

Ткачева Татьяна Александровна – ассистент кафедры социально-экономической географии Института наук о Земле Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Супрунчук Илья Павлович – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Института наук о Земле Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Для цитирования:

Ткачева Т.А., Супрунчук И.П. Социально-медийное пространство Северного Кавказа: структура и внутрирегиональные особенности // *Региональные исследования*. 2023. № 1. С. 56–73.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-5

Social media space of the Northern Caucasus: structure and intra-regional features

T.A. Tkacheva*, I.P. Suprunchuk**

North Caucasian Federal University, Institute of Earth Sciences, Stavropol, Russia

* e-mail: tatianasurneva@yandex.ru

** e-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru

In the article, on the example of the territories of the North Caucasus, their representation in social media is considered. Modern approaches to the use of data from social media in socio-geographical research are analyzed. A number of research terms and concepts used to analyze the images of territories in social media have been identified and formed. The concept of „social media space“ is proposed and substantiated, tools and metrics for its internal study are defined. With the help of the data collected by the information-analytical system «Medialogy», a study was made of the geography of publications of their authors, their audience at the federal, regional and local levels. On the basis of this material, the intensity and tonality of the information flow were determined, and the leading regional centers for the formation of social media content were identified. A geographic analysis of the features of the formation of information messages was carried out, which made it possible to identify territories with a predominance of an external or internal image. Based on it, characteristic types of information flow structure are proposed. The parametrization of the social media space is implemented through indicators of concentration, differentiation and connectivity. A typology of the municipalities of the North Caucasus has been carried out according to the peculiarities of the development of the social media space, information centers and information periphery have been identified. The developed method of geographical analysis of the territory in social media can be applied to other territories of various levels. The results obtained are of practical importance for territorial branding and promotion of territories in social media.

Keywords: social media space, North Caucasus, social media, image of the territory, imaginary geography.

Received 01.06.2022

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ЦЕНТРОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

© 2023 М.С. Романов^{1*}, В.С. Скачков^{2**}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет географии и геоинформационных технологий, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

* e-mail: romanoff_ms@mail.ru

** e-mail: cccp271994@mail.ru

В работе проведена оценка перспектив развития финансовых центров Латинской Америки. Территория южнее США в западном полушарии слабо изучена в мировом финансовом поле ввиду периферийного географического положения и слабой интеграции в мировые хозяйственные связи. Восемь исследуемых городов – Сан-Паулу, Мехико, Панама, Сантьяго, Монтевидео, Рио-де-Жанейро, Богота и Буэнос-Айрес – анализируются через призму авторской методики, которая включает в себя важнейшие социально-экономические и финансовые показатели городов, а также географические характеристики. Определенную новизну вносит использование таких индикаторов, как стоимость недвижимости и численность лиц с очень крупным частным капиталом, а также вводимые коэффициенты значимости для репрезентативности зависимости развития финансовой сферы от пространственных аспектов, расслоения общества и внутриполитической стабильности. Базируясь на SWOT-анализе и экспертной балльной оценке, определяются сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы для каждой из городских агломераций, представленных в исследовании. Результаты работы показали, что в рассматриваемом регионе наибольшим потенциалом обладает Сантьяго, а также Сан-Паулу и Панама, которые представляют собой качественно отличающиеся потенциальные финансовые центры международного уровня.

Ключевые слова: мировая финансовая система, финансовые центры, география финансов, Латинская Америка.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-6

Введение и постановка проблемы. Мировая финансовая система (МФС) – широкий термин, который активно используется не только в научной среде, но и в выступлениях политиков, экспертов, а также СМИ. Обобщая имеющиеся трактовки, можно прийти к выводу, что одним из аспектов современной МФС являются экономические взаимоотношения между акторами мирового хозяйства, выражающиеся в эмиссии денег, ценных бумаг и иных финансовых инструментов, а также их последующем распределении и обмене. МФС тесно взаимосвязана и является частью мирового хозяйства, обеспечивая перетоки капитала по всему миру.

В XXI в. экономика тесно связана с внутренней и внешней политикой, поэтому проблемы финансовой системы в настоящее время интересуют не только ученых-экономистов, но и политологов, а пространственные аспекты – экономико-географов.

Разные траектории исторического развития национальных хозяйств обуславливают

сильную дифференциацию между государствами в вопросах уровня жизни и доступности благ. Диспропорции «Север – Юг», «Центр – Полупериферия – Периферия», уже ставшие классическими для современной географии, можно применить и к мировой финансовой системе [1; 8].

Наиболее ярко точки концентрации капитала и финансовых потоков выражаются в пространстве в виде системы «мировых» или «глобальных» городов. В своей работе, посвященной развитию финансовой системы, Адам Черч выделяет следующую смену ведущих МФЦ: Амстердам (1602–1811 гг.), Лондон (1812–1914 гг.), Нью-Йорк (1915–2008 гг.), «глобальная триада» (Лондон – Нью-Йорк – Токио/Гонконг). Как следует из этого, моноцентризм финансовой системы относительно недавно сменился полицентризмом [7].

Именно переход от «однополярного гегемона» к архипелагу финансовых центров выступает драйвером для исследования аль-

тернативных Европе, Северной Америке и бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону полюсов роста. Одним из таких регионов авторы считают Латинскую Америку – слабо изученный регион с точки зрения пространственного размещения центров притяжения и перераспределения капитала. В качестве причин подобного авторы видят продолжающийся демократический транзит, высокую долю теневой экономики, частые структурные кризисы, неоднозначное экономико-географическое положение в мировом масштабе.

Цель настоящего исследования – выявление потенциала действующих и формирования новых финансовых центров на территории Латинской Америки.

Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации оригинальной авторской методики оценки потенциала действующих и выявления формирующихся финансовых центров, построенной на SWOT-анализе.

Обзор ранее выполненных исследований. Как уже было упомянуто, наибольший интерес финансовые центры представляют для экономистов, среди работ которых необходимо выделить такие, как «Оценка уровня развития финансовых центров с применением методов многомерного дискриминантного анализа» Е.В. Семенцовой, а также «Анализ позиционирования мировых финансовых центров в международной финансовой системе» М.Ю. Малкиной. Эти работы наиболее актуальны ввиду схожести задач с настоящим исследованием: в первом случае автор разрабатывает собственную методику оценки МФЦ, а во втором – дается качественная характеристика действующих МФЦ [2; 3].

Важными являются и географические труды, среди которых можно выделить «Географию мировой финансовой деятельности» П.Ю. Фомичева, в которой рассматриваются пространственные аспекты распределения и перемещения капиталов [5]. В фокусе исследования находятся города (агломерации), поэтому отметим работу Н.А. Слуки «Особенности развития экономических структур мировых городов», а также исследование зарубежных авторов «Diversity and power in the world city network» [4; 24]. Такой междисциплинарный подход наиболее полно рас-

крывает проблемы и перспективы развития финансовых центров.

Отличительной чертой глобальных городов является высокая мобильность капитала, значительные (от 1 до более чем 10 млрд долл. США) и зависящие от значимости объемы ВВП, а также наличие различных форм деловой активности (торговля, консалтинговые, банковские, и прочие финансовые услуги, и т.д.). Осуществляя данные функции, глобальные города выступают важными драйверами экономического развития, как на уровне отдельных стран, так и для всей мировой экономики, благодаря организации движения капитала между другими глобальными городами, а значит и между странами, в которых они находятся. Это приводит к тому, что финансовая и посредническая функции становятся ведущими и определяющими дальнейший вектор развития глобального города как МФЦ. Не каждый глобальный город является мировым финансовым центром, но в свою очередь, каждый мировой финансовый центр является глобальным городом.

Подходы к определению понятия мирового финансового центра не являются устоявшимися. Так американским экономистом Ч. Киндлебергером [19] делается вывод, что в академической литературе, посвященной вопросам функционирования финансового сектора и МФЦ, уделяется незначительное внимание экономико-географическому расположению финансовых центров. Это сужает видение картины формирования и развития мировых финансовых центров. В области международных финансов МФЦ определяется в самом общем виде как «центр сосредоточения банков и специализированных финансово-кредитных институтов». Важную роль для деятельности МФЦ играют представительства транснациональных банков, биржи, аудиторно-консалтинговые компании, государственные регуляторы. Существенной особенностью МФЦ является то, что все эти участники действуют в тесной взаимосвязи. По мнению экономического историка Ю. Кассиса, МФЦ является важным объединяющим элементом глобальной финансовой архитектуры, которая представляет собой совокупность финансовых институтов, рынков, организаций и профессиональных сообществ [6].

Мировые финансовые центры оказывают влияние на экономику на различных уровнях (страна – регион – глобальный уровень), являясь одновременно элементом национальной и мировой финансовых систем. При этом, вопросам, связанным с географическим положением МФЦ в отечественных и зарубежных исследованиях, проводимых в последние десятилетия XX – начале XXI вв., отводится незначительная роль. Как правило, наибольшая значимость приписывается международным и национальным контрагентам (отделения транснациональных банков; товарные, товарные, фондовые и сырьевые биржи; компании предоставляющие услуги консалтинга и аудита, а также государственные и мировые регуляторы). Это отражает взгляды зарубежных специалистов на роль МФЦ в мировой финансовой системе [6; 7; 27].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что МФЦ отличает от прочих глобальных городов появление новой функции – финансового посредничества, а пространственный ранг мирового финансового центра определяет объем операций и специализацию в рамках мировой финансовой системы. В работе американского экономиста Х. Рида [22] отмечается, что формирование финансовых центров связано с необходимостью перераспределять финансовые потоки, связывая инвесторов и заемщиков. Данное определение сужает функциональную палитру МФЦ, но ключевая мысль, в их посреднической роли, указывает на отличительную особенность выделяющих мировые финансовые центры, на фоне прочих глобальных городов.

Материалы и методика исследования.

Для реализации поставленной цели исследования был решен ряд практических задач:

1. Определены необходимые показатели и критерии, через которые проявляется развитие действующего/формирование нового финансового центра.
2. Отобраны города – действующие или потенциальные мировые финансовые центры.
3. Проведен SWOT-анализ на основе полученных данных с использованием балльной методики оценки.
4. Выявлены дальнейшие тенденции развития проанализированных финансовых центров.

Для осуществления SWOT-анализа в качестве вспомогательного метода выбран метод экспертных оценок. Экспертная оценка проводилась с помощью балльной шкалы по 11 критериям, распределенным на три смысловых блока (табл. 1):

- пространственно-географический блок;
- социально-экономический блок;
- финансовый блок.

Наполнение каждого из блоков расписано в таблице 1.

Критерии анализа были разделены по степени влияния на развитие финансового центра, что выразилось в использовании коэффициента значимости (табл. 1). Так показателям социально-экономического развития (группа 2 за исключением коэффициента Джини) был присвоен коэффициент «0,5», ввиду влияния на них ЭГП, а также политической и экономической стабильности в регионе и мире в целом. Факторы транспортно- и ресурсно-географического положения были умножены на коэффициент «1», учитывая их наибольшую устойчивость во времени и пространстве. И наконец, показателю, характеризующему социально-экономическую и политическую стабильность (место страны в рейтинге несостоятельности государств) выбранных городов, был присвоен коэффициент «1,5» ввиду их синергичности и анергичности с критериями, характеризующими перспективы развития финансовых центров Латинской Америки.

Максимально возможное (теоретически) количество баллов из вышеприведенной методики – 25,5 баллов.

В качестве финансовых центров выступают следующие города региона:

Сан-Паулу – один из двух (наряду с Мехико) крупнейших городов всего латиноамериканского макрорегиона, а также экономическая столица Бразилии – ключевой страны развивающегося мира. Обладая диверсифицированной экономикой и выгодными транспортными связями (за счет узлового положения на юго-востоке страны), Сан-Паулу аккумулирует финансовые ресурсы со всего государства, чем привлекает инвесторов, прежде всего, в сырьевые отрасли.

Рио-де-Жанейро – финансовый центр национального уровня, находящийся «в тени» Сан-Паулу на мировой арене. Обладает более выгодным транспортным положением (чем Сан-Паулу), но для города характерен

Таблица 1. Критерии, используемые в методике оценки перспектив финансовых центров Латинской Америки

Тематический блок	Параметр	Коэф.	Назначение
Пространственно-географический блок	Транспортно-географическое положение по отношению к районам сбыта и потребления продукции (ТГП)	1	Позволяет оценить на сколько эффективно могут быть использованы имеющиеся преимущества и нивелированы существующие недостатки
	Ресурсно-географическое положение (РГП)	1	Дает представление о том, как МФЦ может привлечь первоначальный капитал
	Индекс несостоявшихся государств (Fragile State Index)	1,5	Используется для оценки угроз стабильности развития МФЦ
Социально-экономический блок	Количество HNWI	0,5	Раскрывает степень привлекательности МФЦ для участников финансового рынка
	Объем ВВП города	0,5	Показывает вес экономики МФЦ в рамках региона и мировой финансовой системы в целом
	Объем ВВП города на душу населения	0,5	Демонстрирует потенциальную емкость внутреннего рынка в рамках МФЦ
	Индекс Джини	1,5	Сигнализирует об социально-экономической устойчивости МФЦ
	Индекс экономической свободы	0,5	Раскрывает перспективы осуществления экономической деятельности в МФЦ для участников рынка
Финансовый блок	Объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику страны	0,5	Характеризует степень доверия к МФЦ со стороны внешних агентов
	Объемы фондового рынка в МФЦ	0,5	Показывает значение непосредственно финансового сектора в экономике МФЦ
	Стоимость коммерческой недвижимости	0,5	Определяет доказательную базу заинтересованности со стороны участников рынка в локализации в рамках МФЦ

Составлено авторами.

ряд недостатков, во многом, из-за соседства с более крупной агломерацией. Между этим, Рио имеет перспективы стать «нишевым финансовым центром», привлекая дополнительные инвестиции.

Мехико – один из наиболее динамично развивающихся городов и самый крупный финансовый центр в Латинской Америке. За счет эффекта концентрации (в агломерации проживает свыше 22 млн чел.) и диверсификации производств город представляет интерес как потенциальный финансовый центр регионального уровня.

Панама, несмотря на небольшие размеры города, важную роль играет его транспор-

тно-географическое положение в мировом масштабе. Являясь логистическим узлом, Панама имеет все шансы стать финансовым центром оффшорного типа (особенно учитывая, что страна проводит гибкую политику в отношении «удобного флага» для морского транспорта). Необходимо принимать во внимание ее роль как геополитического сателлита США в латиноамериканском регионе.

Сантьяго уступает таким гигантам как Сан-Паулу, Буэнос-Айрес и Мехико по численности населения и ВВП, но в то же время обладает более высоким уровнем жизни (согласно ИЧР). Особенности чилийской экономики – ее стабильность, относительно

невысокий (по региональным меркам) уровень коррупции и благоприятные показатели экономической свободы и конкурентоспособности. Большие перспективы развития обещает и выход конурбации Сантьяго–Вальпараисо к Тихому океану (и всему АТР) как наиболее динамично развивающемуся макрорегиону мира.

Монтевидео – столица Уругвая обладает уникальным ЭГП в Южной Америке: находясь через эстуарий Ла-Платы от Буэнос-Айреса, город равноудален от Сан-Паулу и Сантьяго – двух важных городов для всего макрорегиона. Подобное узловое расположение усиливается высоким уровнем политической стабильности государства и обладает максимальным индексом демократии в Западном полушарии (из крупных государств уступает лишь Канаде). С другой стороны, город практически не рассматривается как финансовый центр ввиду небольших размеров по населению или объемам ВВП.

Буэнос-Айрес – согласно исследованию GFCI [15], замыкает тройку лидеров среди МФЦ в Латинской Америке. Столичная агломерация занимает выгодное ЭГП, располагаясь на побережье Атлантического океана. Размер ВВП государства говорит о достаточно большой емкости внутреннего рынка (по данному критерию уступает Сан-Паулу и Мехико). Являясь локомотивом экономики, город уверенно повышает положение страны в рейтингах по конкурентоспособности, снижая постепенно уровень коррупции. Возможным якорем развития выступает высокая доля участия государства в бизнесе и высокая инфляция.

Богота – столица третьей по численности населения страны Латинской Америки, обладающая выгодным ресурсно-географическим положением и солидными объемами местного фондового рынка. Несмотря на высокий уровень социального расслоения, низкий душевой ВВП, де-факто неконтролируемую часть территории страны и сложное транспортно-географическое положение, определенный потенциал для развития оставляют потоки ПИИ и индекс экономической свободы (третий в регионе после Чили и Уругвая).

Полученные результаты. Действующим лидером на финансовом пространстве Латинской Америки является *Буэнос-Ай-*

рес, географическое положение которого было отнесено к сильным сторонам. Это обуславливается выходом как к океаническому побережью, так и наличием судоходной реки Ла-Плата (вместе с Параной в верхнем и среднем течении), а также узловое положение в транспортной системе автомобильного и железнодорожного транспорта. Исходя из Fragile State Index Аргентина является достаточно стабильной страной, но с высоким социальным расслоением. Количество людей со сверхвысоким капиталом на территории Буэнос-Айреса является незначительным (всего 15 400 при 170 тыс. для всей страны), однако их рассредоточение по территории всей страны является сильной стороной, поскольку обратно коррелирует с размещением населения в Аргентине в целом, где почти половина населения страны проживают в столичном регионе [23; 30]. По показателю душевого ВВП и емкости рынка данный МФЦ значительно уступает лидирующим городам Латинской Америки имея 360 млрд. долл., что сигнализирует о недостаточной зрелости Буэнос-Айреса как потенциального МФЦ глобального уровня.

По индексу экономической свободы Буэнос-Айрес не выделяется среди конкурентов, а по сравнению с ведущими МФЦ значительно уступает. Это выражается и в снижении инвестиционной привлекательности, и оттоке лиц с высоким частным капиталом. При этом объем фондового рынка незначительный, но при этом является сильной стороной города и оставляет пространство для дальнейшего развития.

О стагнации в развитии финансового сектора Буэнос-Айрес говорит и снижение стоимости недвижимости города, исходя из последних публикуемых рейтингов. Однако на уровне Латинской Америки город остается единственным МФЦ регионального уровня, чему также могут способствовать потоки ПИИ, хотя и более скромные, чем за пределами Латинской Америки. Важно отметить, что по объему инвестиций Буэнос-Айрес уступает Сан-Паулу, который как МФЦ является более низкорейтинговым [25; 26].

Сан-Паулу, несмотря на удаленность от побережья, имеет выход к океану (аванпорт – г. Сантус), тем самым обуславливая выгодное расположение по отношению к основным регионам потребления продукции. Однако, учитывая значительное удаление

от Северной Америки, Европы и Восточной Азии, это не позволяет полностью реализовать потенциал города. Выгодное положение Сан-Паулу по отношению к разработанным крупным месторождениям полезных ископаемых является преимуществом, как для развития промышленности, так и для инвестиционной деятельности в горнодобывающем секторе экономики.

В это же время Сан-Паулу не лишен многих проблем: высокий показатель индекса Джини, а также разрыв по уровню социально-экономического развития с большей частью страны [17; 21]. Это подтверждается гиперконцентрацией людей с крупным частным капиталом в городе и долей города в экономике страны. Сан-Паулу производит 10,3% всего валового продукта Бразилии, что одновременно является и преимуществом, и уязвимостью города. Снижающийся в последние годы индекс экономической свободы не улучшает инвестиционный климат, что, несмотря на самый большой в Латинской Америке объем фондового рынка, ведет к ограничению потенциала развития данного МФЦ [18]. О нестабильности Сан-Паулу говорит и разнонаправленная динамика цен на недвижимость по годам, но в последнем рейтинге PIRI 100 наблюдается рост стоимости площадей, подтверждая статус «тихой гавани» в финансовом плане на территории Бразилии [25]. Об этом также сигнализирует соотношение прямых иностранных инвестиций в страну и город, на который приходится 39% от всех ПИИ страны [9; 12]. Наконец, нельзя не упомянуть проблему безопасности, характерную для многих латиноамериканских государств: город опоясан «фавелами», де-факто не управляемыми.

Рио-де-Жанейро, несмотря на близкое расположение к финансовой столице Бразилии, обладает более выгодным транспортно-географическим положением, поскольку находится на океаническом побережье. Ресурсно-географическое положение агломерации тоже можно отнести к сильным сторонам: город находится между рудными месторождениями бокситов (Посус-ди-Каладас в штате Минас-Жерайс), редкоземельных металлов, «железорудным четырехугольником» (Quadrilatero Ferrifero) с одной стороны, и шельфовыми месторождениями углеводородов – с другой. Не стоит забывать и о природно-рекреационных ресурсах и колоссаль-

ном туристическом потенциале, которым обладает Рио (отчасти это подтверждается ростом стоимости коммерческой недвижимости). Общий объем ВВП города говорит о достаточно емком рынке.

К слабым сторонам можно отнести низкий подушевой ВВП, высокий уровень социального расслоения, а также положительную динамику рейтинга недееспособности государства. Обширные фавелы Рио являются красноречивым примером двух последних вышеуказанных пунктов. Статистика по ультрабогатым горожанам сообщает о миграционном оттоке, что тоже нельзя отнести к сильным сторонам [20; 28]. Вероятно, это связано не только с индексом недееспособности, но и с индексом экономической свободы, а также коррупции, процветающей в стране.

При оценке **Мехико** можно отметить выгодное расположение города по отношению к регионам производства и потребления продукции, ближайшим из которых является США. Однако важно учитывать, что потоки капитала и рабочей силы стягивают на себя «Макиладорас» расположенные на границе с северным соседом. Наличие богатых нефтяных месторождений, хотя и является сильной стороной, но при этом нисходящий тренд цен на энергоресурсы переводит углеводороды Мексики из разряда абсолютных преимуществ в относительные. Также при анализе географического положения Мехико стоит отметить, что соседство с мировыми финансовыми центрами США является скорее сдерживающим фактором для собственных финансовых хабов.

По показателю экономической свободы Мексика уступает не только США, но и Панаме [18], а высокая криминогенная обстановка ухудшает инвестиционный климат. Распространение насилия – характерная черта многих латиноамериканских государств, однако в Мексике она проявляется в ужесточенной форме в виде нарковойны между картелями и армией. Подобная внутривнутриполитическая нестабильность не может привлекать крупные инвестиции, скорее создает хорошие предпосылки для развития теневого сектора, который составляет значительный объем экономики.

Ограничивает потенциал роста и высокий уровень индекса Джини (0,55), особенно ввиду сосредоточения лиц с крупным капи-

талом [17; 28]. Однако рассматривая последний показатель и его влияние на финансовый сектор, это является скорее сильной стороной для Мехико.

Анализ макроэкономических показателей говорит о том, что несмотря на значительный ВВП города, низкий показатель душевого ВВП констатирует неготовность Мехико на данный момент для перехода на региональный или глобальный уровни [23; 30]. При этом наблюдается рост стоимости недвижимости, что является индикатором положительной динамики развития данного МФЦ. Объем фондового рынка Мехико уступает лишь Сан-Паулу, но при этом значительно отстает от финансовых центров США [25; 26].

Сантьяго является наиболее перспективным из всех рассматриваемых городов Латинской Америки. Этому способствует выход центра к Азиатско-Тихоокеанскому региону, как наиболее перспективному с точки зрения развития торговли, производства и финансового сектора. Помимо этого, к сильным сторонам относится близкое расположение центров добычи и производства меди и лития, которые являются основой для развития электроники, и по запасам которых Чили является мировым лидером. По индексу несостоявшихся государств страна также имеет сильные позиции, что выражается в минимальном риске дезинтеграции территорий внутри государства.

Но при этом есть ряд негативных факторов, влияющих на развитие финансового сектора Сантьяго. Во-первых, значительный уровень социального расслоения является слабой стороной. Незначительное количество HNWI хотя и является преимуществом, но при этом в ближайшей перспективе не обеспечивает достаточного импульса для развития финансового рынка страны за счет внутренних ресурсов [20; 28]. Однако это нивелируется высоким, по меркам Латинской Америки, ВВП на душу населения. Во-вторых, достаточный для перехода Сантьяго сразу на глобальный уровень МФЦ, общий ВВП города является одновременно и угрозой из-за гиперконцентрации более чем половины капитала государства в столице. Это в свою очередь уравнивается более высоким индексом экономической свободы города в сравнении с соседними финансовыми центрами. В-третьих, еще не сформировав-

шая репутация Сантьяго как мирового финансового центра является ограничивающим фактором для быстрого развития. Недоверие к Сантьяго выражается в низкой стоимости недвижимости в столице Чили, а также сокращении притока ПИИ в последние годы на 37%, однако по накопленным запасам инвестиций (269 млрд долл.) страна является третьей в регионе [13].

Панама среди всех рассматриваемых центров обладает наиболее выгодным транспортно-географическим положением, что выражается в наличии прямого выхода сразу к двум океанам, которое обеспечивает наличие одноименного канала. Но при этом отсутствие ресурсной базы является слабой стороной страны и города, ограничивая инвестиционный потенциал исключительно непроизводственным сектором, сформированном за счет мягкой налоговой политики. Специализации и развитию Панамы, как оффшорного мирового финансового центра, способствует высокий уровень политической стабильности, что подтверждается исходя из индекса [14] несостоявшихся государств. Социально-экономической стабильности также способствуют низкий уровень имущественного расслоения и значительное, по меркам страны, количество HNWI, численность которых продолжает расти за счет внешних миграций [28].

Но при этом емкость рынка Панамы напрямую зависит от внешних вливаний капитала, так как невысокий уровень ВВП на душу населения (13,6 тыс. долл. по ППС) [30], в совокупности с незначительной численностью населения ограничивает потенциал развития финансового сектора. Общий ВВП Панамы-сити является самым низким из всех рассматриваемых городов. По индексу экономической свободы Панамы хотя и отстает от своих нишевых конкурентов в Карибском бассейне, а также стран Северной Америки, но при этом является одной из немногих «тихий гаваней» в Латинской Америке, что также обуславливает перспективы Панамы как мирового финансового центра (растет стоимость недвижимости). Объем ПИИ сопоставим с более крупным в плане населения и ВВП Мехико, что также объясняется большей стабильностью Панамы по сравнению с другими МФЦ региона [29].

Среди всех рассмотренных городов, *Монтевидео* – единственный, который не

входит в рейтинг Z/Yen. Но есть основания полагать, что это один из наиболее перспективных новых финансовых центров в латиноамериканском регионе. Этому способствуют выгодное транспортно-географическое положение, а также соседство с ведущими экономическими державами региона, что является сравнительным преимуществом для Уругвая и Монтевидео. При этом отсутствие значительных запасов полезных ископаемых, ограничивает развитие как экономики, так и финансового сектора Уругвая, но, как и в случае с Панамой, должно стать импульсом для более тесной интеграции Монтевидео в мировую финансовую систему для нивелирования слабых сторон и поиска своей ниши.

Монтевидео является территорией с низкой вероятностью дестабилизации и дезинтеграции, что положительно влияет на инвестиционный климат [14]. Также низкий уровень социального расслоения, как в стране, так и в городе, оказывает положительное влияние на формирование репутации будущего финансового центра. При этом, незначительное количество HNWI является самой слабой стороной для развития финансового сектора города и ограничивает возможность развития МФЦ за счет внутренних ресурсов [16; 28]. В данной ситуации логичным кажется ориентация на внешние финансовые рынки. Об этом сигнализируют также низкий ВВП города (25 млрд долл.), несмотря на относительно высокий душевой ВВП (15,2 тыс. долл. по номиналу) [23; 30], что позволяет Монтевидео занять позицию только локального финансового центра. Помимо этого, более высокий индекс экономической свободы по сравнению с соседними действительными финансовыми центрами делает Монтевидео ближайшей «тихой гаванью» для Аргентины и Бразилии. Но на данный момент говорить о ближайших перспективах становления города как аккумулятора финансовых ресурсов еще рано: низкая стоимость недвижимости, а также незначительные (порой – отрицательные) показатели ПИИ [10].

Последним анализируемым городом является *Богота*. Транспортно-географическое положение города оставляет желать лучшего: агломерация находится на значительном удалении от морского побережья, что значительно сужает торговые и производственные возможности города на фоне большинства других латиноамериканских городов. Стоит

отметить, что это осложняется рельефом, поскольку сама столица расположена на значительной абсолютной высоте (2 640 м). В то же время, ресурсно-географическое положение Боготы достаточно выгодное: в пределах досягаемости расположены крупные месторождения изумрудов, золота, серебра, а также районы наибольшей сельскохозяйственной освоенности. Богота производит 25% всего ВВП страны [16], а также в ней размещается национальная фондовая биржа, которая по капитализации уступает лишь бразильской и мексиканской (периодически – чилийской) [11]. Темпы экономического роста, значения индекса экономической свободы и динамика ПИИ говорят о наличии возможностей для дальнейшего развития города как мирового финансового центра. Показатели HNWI скорее можно отнести к сильным сторонам [28], а вот дешевую недвижимость – к индикатору слабого спроса [25].

С другой стороны, Богота находится в стране, внутри которой до сих пор множество нерешенных проблем, среди которых: противостояние с повстанческими группировками FARC и ELN, которое носит «пульсирующий» характер, необходимость проведения аграрной реформы, деятельность наркокартелей и внутривластная нестабильность. Эти вопросы предстоит решать Густаво Петро – новому президенту республики. От успеха решений его администрации будет зависеть не только деловой климат страны, но и роль столицы в качестве элемента архитектуры мировой финансовой системы.

В соответствии с вышеприведенной методикой, коэффициентами значимости и оценками, получились следующие результаты SWOT-анализа (табл. 3).

Результаты SWOT-анализа можно отобразить посредством лепестковой диаграммы, вершины которой представляют собой сильные и слабые стороны, возможности и угрозы соответственно (рис. 1). Идеальной фигурой можно считать прямую линию между сильными сторонами (уже реализованный потенциал) и возможностями при отсутствии угроз и слабых сторон. Такое случается редко, поэтому за идеальный паттерн предполагается считать узкий вытянутый ромб, наиболее похожий на фигуру, составленную из показателей Сантьяго. Также можно считать Сан-Паулу и Панаму городами, положительные стороны которых (S и O)

Таблица 3. SWOT – анализ исследуемых городов Лагунской Америки

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	Сан-Паулу	Мехико	Панама	Сантьяго	Монтевидео	Буэнос-Айрес	Богота	Рио-де-Жанейро
СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	ТПП – 1 РГП – 2 HNWI – 1,5 Общий ВВП – 1,5 Объем фондового рынка – 1 Объемы ПИИ – 1	ТПП – 1 РГП – 2 HNWI – 1,5 Общий ВВП – 0,5 Объем фондового рынка – 0,5 Объемы ПИИ – 0,5	ТПП – 3 Подушевой ВВП – 0,5 Общий ВВП – 0,5 Объемы ПИИ – 0,5 Объем фондового рынка – 1,5 Джини – 1,5	ТПП – 1 HNWI – 1 Подушевой ВВП – 0,5 Общий ВВП – 1 Объем фондового рынка – 0,5 Объемы ПИИ – 0,5 FSI – 3	ТПП – 2 Подушевой ВВП – 0,5 ВВП – 0,5 FSI – 3 Джини – 1,5	ТПП – 1 HNWI – 1 Общий ВВП – 1,5 Объем фондового рынка – 0,5 б. Объемы ПИИ – 0,5 FSI – 1,5	ТПП – 2 Общий ВВП – 1 HNWI – 1 Объем фондового рынка – 1	РГП – 2 Общий ВВП – 2 HNWI – 1 Общий ВВП – 2
СЛАБЫЕ СТОРОНЫ	Подушевой ВВП – 0,5 FSI – 1,5 Индекс Джини – 1,5	FSI – 1,5 Индекс Джини – 1,5	РГП – 3 Объем фондового рынка – 1 б	Индекс Джини – 1,5	РГП – 3 HNWI – 1,5 Объем фондового рынка – 1 б. PIRI 100 – 1 Объемы ПИИ – 0,5	Подушевой ВВП – 0,5 Индекс Джини – 1,5	ТПП – 1 Индекс Джини – 2 Душевой ВВП – 1 PIRI 100 – 2	Подушевой ВВП – 1 FSI – 1,5 Индекс Джини – 1,5 HNWI – 2
ВОЗМОЖНОСТИ	PIRI 100 – 1	ИЭС – 0,5 PIRI 100 – 1,5	HNWI – 0,5 ИЭС – 0,5 PIRI 100 – 0,5	РГП – 3 ИЭС – 1 PIRI 100 – 1,5	ИЭС – 0,5	РГП – 2	ИЭС – 1 Объемы ПИИ – 1	Объемы ПИИ – 1
УГРОЗЫ	Общий ВВП – 1 ИЭС – 0,5 Объемы ПИИ – 0,5	Общий ВВП – 1	0	Общий ВВП – 1	0	Общий ВВП – 1,5 ИЭС – 0,5 PIRI 100 – 1	0	ИЭС – 0,5
Итого	5,5 баллов	4,5 балла	6,5 баллов	10,5 баллов	1 балл	3 балла	0 баллов	0,5 балла

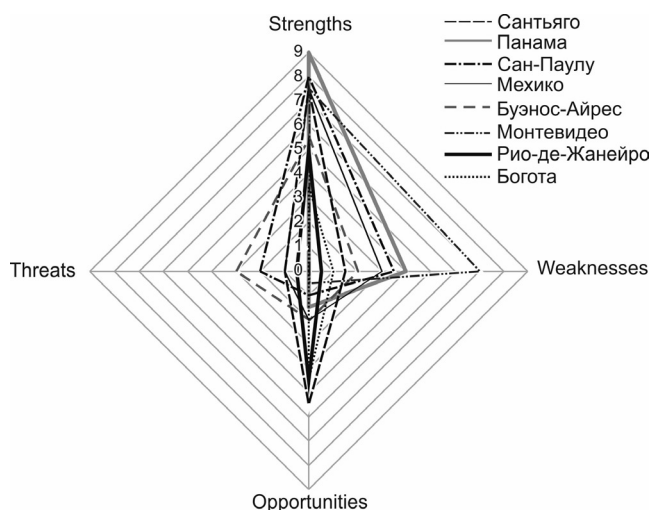

Рис. 1. Диаграмма SWOT-направлений выбранных мировых финансовых центров.
Составлено авторами.

преобладают над негативными (W и T). Достаточно «широкие» на данной диаграмме города оказываются в проигрышном положении. К таковым можно отнести Монтевидео и Рио-де-Жанейро.

Выводы. Латинская Америка, не смотря на наличие целого ряда МФЦ, в аспекте мировой финансовой системы остается слабо изученной территорией. Исследуемый регион является периферией в мировой финансовой системе, что во многом коррелирует с ролью большинства стран в международном разделении труда. Как правило, латиноамериканские государства относят к периферии мирового хозяйства, исключения составляют региональные державы – Бразилия, Мексика, и, с некоторыми оговорками – Аргентина. Вдобавок к препятствиям на пути становления Латинской Америки как важного элемента мировой финансовой архитектуры стоит отметить: экстрактивизм, слабую роль инновационных отраслей в экономике, низкую покупательную способность местного населения, зачастую – неблагоприятную институциональную среду для зарубежных инвестиций и др. Влияют и факторы другого рода – политические, связанные с перманентными изменениями риторики («левые» и «правые» повороты), коррупцию, высокий уровень преступности в ряде государств и т.д.

Сопоставляя вышеизложенное с конъюнктурой в Европе, США или ведущими странами Восточной Азии, финансовое пространство Латинской Америки обладает объективно слабыми позициями по ключевым вопросам, что также проявляется и в развитии мировых финансовых центров.

Отталкиваясь от этого, найти новый финансовый центр уровня Нью-Йорка, Лондона или Шанхая на всем пространстве от Рио-Браво-дель-Норте до Огненной Земли является затруднительной задачей.

Однако в условиях новой геополитической и геоэкономической реальности, связанной с рядом негативных триггеров в 2020–2022 гг. (последствия коронакризиса, конфликт России и Украины, разрушения логистических и производственных цепочек, санкционное противостояние ведущих геополитических держав), предполагается изменение роли и важности МФЦ тех регионов мира, которые ранее были в тени стран Центра.

Для определения ведущих, и прогнозирования возникновения новых финансовых хабов Латинской Америки, был отобран ряд городов, каждый из которых обладает уникальными географическими и экономическими показателями.

При работе с исследуемыми городами (Сан-Паулу, Мехико, Панама, Монтевидео, Буэнос-Айрес, Сантьяго, Богота и Рио-де-Жанейро) была разработана оригинальная

методика, включающая в себя элементы SWOT-анализа и балльной экспертной оценки. Данный инструмент содержал три блока: пространственно-географический, социально-экономический и финансовый, включающих суммарно 11 показателей, тесно взаимосвязанных между собой и наиболее наглядно отражающих объективную картину касательно финансовых центров в изучаемом регионе.

Исходя из проанализированных данных, наибольшие возможности стать ведущими

финансовыми центрами Латинской Америки есть у Сантьяго (10,5 баллов из 25,5 возможных), Панамы (6,5 баллов) и Сан-Паулу (5,5 баллов). Более скромные результаты показали Мехико (4,5 балла), Буэнос-Айрес (3 балла) и Монтевидео (1 балл). Аутсайдером можно считать Рио (0,5 балла) и Боготу (0 баллов). Следует отметить, что в случае лидирующих городов значительное количество баллов было сформировано не только сильным сторонами, но и потенциальными возможностями, которыми обладают данные МФЦ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке. Мировое развитие. Вып. 19. Под ред. К.Р. Воды и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 226 с.
2. Малкина М.Ю. Анализ позиционирования мировых финансовых центров в международной финансовой системе // Финансы и кредит. 2012. №4. С. 31–40.
3. Семенцова Е.В. Оценка уровня развития финансовых центров с применением методов многомерного дискриминантного анализа // Финансы и кредит. 2013. № 2. С. 59–70.
4. Слукса Н.А. Особенности развития экономических структур мировых городов // Уральский вестн. междунар. исследований. 2006. № 5. С. 69–73.
5. Фомичев П.Ю. География центров международной финансовой деятельности // Региональные исследования. 2016. № 3. С. 141–148.
6. Cassis Y. Capitals of Capital: The Rise and Fall of International Financial Centres 1780-2009. Cambridge University Press, 2010. 393 p.
7. Church A. The Rise-and-Fall of leading international financial centers: factors and application // Michigan Business & Entrepreneurial Law Review. 2018. Vol. 7. № 2. P. 284–340.
8. Concepts of the Global South. [Электронный ресурс] // Global South Studies Center. URL: <http://gssc.uni-koeln.de/node/4511> (дата обращения: 11.03.2023).
9. Eight Municipalities Held 25% of Brazilian GDP in 2018. [Электронный ресурс] // IBGE. URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/en/agencia-press-room/2185-news-agency/releases-en/29731-eight-municipalities-held-25-of-brazilian-gdp-in-2018> (дата обращения: 11.03.2023).
10. FDI in Latin America in 2021: The State of Play. [Электронный ресурс] URL: <https://www.investmentmonitor.ai/insights/fdi-in-latin-america-in-2021-the-state-of-play> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Foreign Direct Investment in Bogota grew 78% in 2021. [Электронный ресурс] // PR Newswire. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/foreign-direct-investment-in-bogota-grew-78-in-2021-301530345.html> (дата обращения: 11.03.2023).
12. Foreign Direct Investment in Brazil Rise 57% Through July and are the Highest Since 2012. [Электронный ресурс] // The Rio Times. URL: <https://www.riotimesonline.com/brazil-news/brazil/foreign-direct-investment-in-brazil-rises-57-through-july-and-is-the-highest-since-2012-in-the-year/> (дата обращения: 11.03.2023).
13. Foreign Direct Investment in Latin America. [Электронный ресурс] // Bnamericas. URL: <https://www.bnamericas.com/en/features/spotlight-foreign-direct-investment-in-latin-america>. (дата обращения: 11.03.2023).
14. Fragile States Index 2019. [Электронный ресурс] // The Fund for Peace. URL: <https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/> (дата обращения: 11.03.2023).
15. Global Financial Centre's Index 31. [Электронный ресурс] // Long Finance & Financial Centre Futures 2022. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/global-financial-centres-index-31/> (дата обращения: 11.03.2023).
16. Global Wealth Nominal Distribution: Who Are The Leaders Of The Global Economy? [Электронный ресурс] URL: <https://www.visualcapitalist.com/wp-content/uploads/2021/08/Global-Wealth-Distribution.html> (дата обращения: 11.03.2023).
17. Income Distribution Inequality Based on Gini Coefficient in Latin America as of 2021, by Country. [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/980285/income-distribution-gini-coefficient-latin-america-caribbean-country/> (дата обращения: 11.03.2023).
18. Index of Economic Freedom. [Электронный ресурс] URL: <https://www.heritage.org/index/heatmap?version=1303>. (дата обращения: 11.03.2023).
19. Kindleberger Ch.P. The formation of financial centers: a study in comparative economic history. Princeton Studies in International Finance. № 36. New Jersey, 1974. 85 p.
20. Knight Frank The Wealth Report. [Электронный ресурс] URL: <https://www.knightfrank.com/> (дата обращения: 11.03.2023).
21. Mapping Urban Inequality: Using the Gini Coefficient to Measure the Urban Divide. [Электронный ресурс] URL: <http://geographer-at-large.blogspot.com/2011/03/mapping-urban-inequality-using-gini.html> (дата обращения: 11.03.2023).

22. Reed H.C. The ascent of Tokyo as an International financial centre // Journal of International Business Studies. 1980. № 11. Iss. 3. P. 19–35.
23. Santander Trade Markets. [Электронный ресурс]. URL: <https://santandertrade.com/en/portal> (дата обращения: 11.03.2023).
24. Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network // Cities. 2002. № 19. P. 231–241.
25. The PIRI 100 – which International Residential Locations Performed Best? [Электронный ресурс] // Knight Frank. URL: <https://www.knightfrank.com/wealthreport/piri-100-which-locations-performed-best/> (дата обращения: 11.03.2023).
26. Trading Economics Foreign Direct Investment. [Электронный ресурс] URL: <https://tradingeconomics.com/chile/foreign-direct-investment>. (дата обращения: 11.03.2023).
27. Tschoegl A.E. International banking centers, geography, and foreign banks // Financial Markets, Institutions and Instruments. 2000. № 9. Iss. 1. P. 1–32.
28. Wealth-X. High Net Worth Handbook 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wealthx.com/wp-content/uploads/2019/01/Wealth-X_High-Net-Worth-Handbook-2019.pdf (дата обращения: 11.03.2023).
29. Why the Rise in Foreign Direct Investment (FDI) in Panama? [Электронный ресурс] // BizLatin Hub. URL: <https://www.bizlatinhub.com/foreign-direct-investment-panama/> (дата обращения: 11.03.2023).
30. World Economic Outlook Database. [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April/select-aggr-data> (дата обращения: 11.03.2023).

Поступила в редакцию 14 июля 2022 г.

Об авторах:

Романов Михаил Сергеевич – старший преподаватель факультета географии и геоинформационных технологий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва

Скачков Владислав Сергеевич – выпускник аспирантуры кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Романов М.С., Скачков В.С. Оценка перспектив развития мировых финансовых центров Латинской Америки // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 74–85.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-6

Evaluating prospect development of global financial centers in Latin America

M.S. Romanov^{1*}, V.S. Skachkov^{2**}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

* e-mail: romanoff_ms@mail.ru

** e-mail: cccp271994@mail.ru

The paper assesses the prospects for the development of financial centers in Latin America, a region poorly studied in the global financial field due to the peripheral geographical position and poor integration into world economic relations. The six cities studied - Sao Paulo, Mexico City, Panama, Santiago, Montevideo and Buenos Aires - are analyzed through the prism of the author's methodology, which includes the most important socio-economic and financial indicators of cities, as well as qualitative spatial and geographical characteristics. It should be noted that the use of indicators such as the value of real estate and the number of people with very large private capital, as well as the introduced significance factors, introduces a certain novelty to represent the dependence of the development of the financial sector on spatial aspects and domestic political stability. Based on the SWOT analysis and expert scoring, strengths and weaknesses are formed, as well as opportunities and threats for each of the agglomerations presented in the study. The study showed that in the region under consideration, Santiago, as well as São Paulo and Panama, which are qualitatively different potential financial centers of an international level, have the greatest potential.

Keywords: world financial system, financial centers, geography of finance, Latin America.

Received 14.07.2022

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЕ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ И СТРАН

© 2023 С.В. Акулёнок

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: akula_msu@mail.ru*

В статье на примере стран и регионов зарубежной Европы рассмотрены взаимосвязи между социальным капиталом и социально-экономическим развитием. Дана оценка социального капитала и его составляющих (как нематериальных факторов развития) для регионов и стран зарубежной Европы на основе первичных социологических данных исследования ценностей в зарубежной Европе. Исследовались гражданская активность, нетолерантность, особенности доверия. Кратко приводятся основные территориальные различия в уровне развития социального капитала в регионах зарубежной Европы. Изучены взаимосвязи между социальным капиталом сообществ и показателями социально-экономического развития на уровне отдельных регионов и стран Европы. Выявлены закономерности между географическими различиями социального капитала и различиями в развитии экономики, качестве институтов и инновационности по регионам и странам Европы. Связывающий социальный капитал положительно влияет на экономическое развитие, улучшает работу институтов и предотвращает развитие оппортунизма, распространен в экономически развитых регионах и странах Европы. Инновационная активность наиболее распространена в регионах и странах с преобладанием связывающего социального капитала. В регионах Европы с преобладающим скрепляющим социальным капиталом, разобщенностью социальных групп и закрытым доверием острее ощущаются кризисные явления.

Ключевые слова: социальный капитал, нематериальные факторы развития, зарубежная Европа, регионы, институты, инновации, социальная география.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-7

Введение и постановка проблемы. Классические факторы развития, принятые в экономической науке, не могут дать всей полноты объяснения особенностей социально-экономического развития регионов и стран [5]. Поэтому внимание ученых привлекают исследования нематериальных факторов развития. Концепция социального капитала, появившаяся и развивающаяся в социологии и экономике, описывающая особенности социального взаимодействия и социальных норм сообществ, обладает высоким потенциалом для объяснения социальных факторов развития.

За рубежом, начиная с работ Р. Патнэма [11; 12; 13], был создан большой массив научной литературы по социальному капиталу. Теоретическая база работы основана также на исследованиях А. Портеса [10], Ф. Фукуямы [4], Х.Вестлунда [15; 16], Р. Бошмы [7] и др.

В отечественной социально-экономической географии исследования социального

капитала еще недостаточно распространены, поэтому применение концепции социального капитала к анализу регионального развития является актуальным.

Цель настоящего исследования – выявление роли социального капитала в развитии стран и регионов зарубежной Европы в период 2008–2017 гг. Европа – разнообразный с точки зрения социально-культурных особенностей регион с широкой дифференциацией регионов и стран по уровню развития, поэтому зарубежная Европа является подходящим регионом для такого исследования. За исследуемый период в Европе были проведены две волны социологического исследования European Values Studies (EVS) по изучению ценностей, которые предоставили значительный массив первичных данных на уровне регионов, на их основе которых и строится данное исследование.

Обзор ранее выполненных исследований. Современный этап изучения

социального капитала обычно связывают с работами американского исследователя Роберта Патнэма [11; 13], который дал следующее определение социального капитала: «Социальный капитал – это уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем [11, с. 224]». Р. Патнэм фокусируется на исследовании социальных сетей через изучение участия граждан в общественной жизни. Собирая данные о членстве в различных организациях и о деятельности гражданского общества (участие в митингах, явка на выборах и пр.), исследователь измеряет уровень социального капитала в регионе или стране [1; 11; 13].

В данном исследовании автором применяется собственное определение, составленное на основе анализа текстов статей на данную тему: социальный капитал – ресурс, основанный на совокупности социальных норм, связей и отношений, чья работа по облегчению доступа индивидов и социальных групп к прочим ресурсам обеспечена доверием, работой социальных сетей и деятельностью различных неформальных и формальных объединений. Социальный капитал формируется из социальных отношений и социальных действий. Последние являются источником возникновения доверия, которое способствует стимулированию кол-

лективных действий, что несет в себе ряд преимуществ для развития.

Во-первых, социальный капитал уменьшает транзакционные издержки¹: высокий уровень доверия и наличие неформальных правил значительно упрощают достижение сделок, а функция мониторинга ложится на неформальные правила, при нарушении которых недобросовестный экономический актор рискует лишиться возможности дальнейшего сотрудничества [7]. Во-вторых, социальные сети являются средством перетока информации, что облегчает мобильность человеческого капитала, создает эффект коллективного обучения, формирует инновационную среду [7]. В-третьих, социальный капитал увеличивает эффективность формальных институтов, делая их подвластными общественному контролю, что делает невозможным широкое распространение оппортунизма² [7; 11; 13].

Таким образом, социальный капитал генерирует коллективные действия, перетоки знаний и доверие, что ведет к снижению издержек и оппортунизма, росту инновационности, в результате чего аккумулируется экономический рост (рис. 1).

Однако не любое социальное взаимодействие несет положительные эффекты для общества. Сегодня эксперты выделяют скрепляющий (bonding) и связывающий (bridging) виды капитала [11]. Скрепляющий социальный капитал формируется на основе социальных сетей внутри однородной социальной группы (раса, семья, рабочий коллектив и пр.).

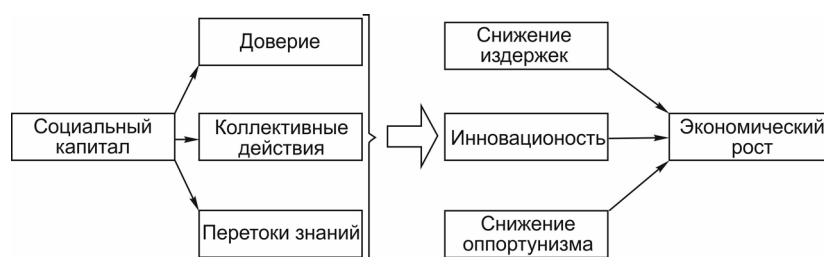

Рис. 1. Общая схема влияния социального капитала на экономическое развитие.

Составлено автором.

¹ «Транзакционные издержки (transaction costs) – издержки связанные с составлением договора, ведением переговоров и обеспечением гарантий соглашения, издержки, связанные с неэффективной адаптацией и корректировкой договора и возникающие, когда реализация контракта срывается в результате пробелов в договоре, и непредвиденных внешних возмущений. Это затраты на управление экономической системой» [3, с. 690].

² «Оппортунистическое поведение (оппортунизм) – следование своим интересам, в том числе обманным путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими» [2, с. 43].

Связывающий социальный капитал основан на межгрупповых социальных связях. В результате данных различий генерируются разные виды доверия: закрытое доверие – доверие между членами гомогенной группы, и открытое доверие – доверие к представителям иных социальных групп и к незнакомцам. М. Воррен констатирует, что формы оппортунистического поведения основываются на закрытом доверии, а открытое доверие способствует быстрому перетоку информации в социальных сетях, а также такое доверие снижает транзакционные издержки [14].

Несмотря на склонность оппортунистических групп (преступные группы, группа участников коррупционных схем, мошенники) основывать свою деятельность на скрепляющем социальном капитале и закрытом доверии, нельзя отрицать его положительной роли: он сплачивает группы изнутри, а вероятность получить ресурсы по каналам скрепляющего капитала больше [12]. Но при возникновении его избытка общество атомизируется и проявляются негативные эффекты на развитие.

Таким образом, социальный капитал – это нематериальный ресурс социальной природы, который может оказывать воздействие на социально-экономическое развитие, он влияет в первую очередь на эффективность формальных институтов и экономики, формирует и поддерживает инновационную среду, что в совокупности может стимулировать экономический рост, поэтому социальный капитал является фактором социально-экономического развития. Существуют две основные разновидности социального капитала: связывающий и скрепляющий, они основываются на разных по структуре социальных сетях и на разных типах доверия, они могут оказывать различающиеся эффекты на развитие.

Материалы и методика исследования.

В работе анализируются взаимосвязи между социальным капиталом и социально-экономическим развитием на примере стран и регионов зарубежной Европы путем корреляционного анализа. Информационной основой работы послужили данные социологического исследования European Values Studies за 2008 г. и 2017 г. [20; 21], данные Евростата [22], статистического бюро ООН [23], данные Всемирного Банка [19]

и международной организации Transparency International [18].

Автором использовались наиболее актуальные из существующих первичные данные социологического исследования EVS за 2008 г. [20] и 2017 г. [21]. Оно проходит во всех странах Европы, что позволяет проводить масштабные межрегиональные и межстрановые сравнения. В целом в каждой стране организаторами EVS было опрошено около 1500 респондентов. Анкеты исследования за разные года несколько отличаются, автором данной статьи были использованы только совпадающие вопросы и совпадающие ответы на комплиментарные вопросы. В качестве регионов исследования использовались единицы деления NUTS-2. Не во всех регионах NUTS-2 имеется достаточное количество первичных данных, поэтому некоторые объединялись автором для целей исследования. В каждом итоговом регионе для анализа имеются данные минимум 43 анкет респондентов, такая выборка дает возможность судить о результатах с доверительной вероятностью 0,15 при доверительном интервале 0,95, что несколько понижает точность измерений, но дает удовлетворительный результат.

Социальный капитал исследовался в данной работе с точки зрения конфигурации социальных сетей и особенностей социальных норм и ценностей. Как уже было отмечено, связывающий и скрепляющий виды социального капитала наиболее часто исследуются, в работе они изучаются в целом, и их составляющие по отдельности (табл. 1).

Связывающий социальный капитал характеризуется плотными межгрупповыми социальными сетями, что формируются и поддерживаются в рамках волонтерства и участия в общественно-политической жизни, все это активно стимулирует распространение открытого доверия. Плотность социальных сетей изучалась автором данной работы на основе данных анкеты EVS, некоторые вопросы которой представлены ниже.

Пожалуйста посмотрите внимательно на список общественных (добровольных) организаций, и скажите членом какой (каких) Вы являетесь: (Религиозная или церковная организация; Организация в сфере образования, искусства, музыки или культуры; Профсоюз; Политическая партия или группа; Организация по охране окружающей среды,

Таблица 1. Индексы, используемые автором в исследовании для описания социального капитала в зарубежной Европе

	Связывающий социальный капитал	Скрепляющий социальный капитал
Характеристика особенностей конфигурации социальных сетей	Индекс плотности социальных сетей (Индекс гражданской активности)	Индекс разорванности социальных сетей (Индекс нетолерантности)
Характеристика норм и ценностей	Индекс открытого доверия	Индекс закрытого доверия

Составлено автором.

экологическая организация, организация защиты животных; Профессиональная ассоциация; Спортивное общество или объединение по интересам; Другие объединения).

Автором статьи вычислялся индекс плотности социальной сети (гражданской активности), доля респондентов в регионе, отметивших ту или иную организацию, нормировалась по формуле:

$$P_n = \frac{P_i - P_{\min}}{P_{\max} - P_{\min}}, \quad (1)$$

где P_n – нормированное значение показателя в регионе, P_i – значение показателя в регионе, P_{\max} – максимальное значение наблюдаемого показателя во всех регионах, P_{\min} – минимальное значение наблюдаемого показателя во всех регионах

Далее вычислялось среднее значение нормированных данных по всем видам организаций, это среднее и есть значение индекса. Для подсчета индекса за 2017 г. нормирование производилось по экстремумам значений показателей за 2008 г. Тем самым производится расчет динамики индекса за девятилетний промежуток. Процедура подсчета других индексов идентична уже описанной.

Для построения индекса открытого доверия были использованы ответы на один вопрос: *Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожным отношениях с людьми?*

Для подсчета автором использовалась доля людей, считающих, что доверяют большинству людей.

Скрепляющий социальный капитал характеризуется изолированностью отдельных социальных групп и закрытым доверием. Разорванность межгрупповых социальных связей анализировалась на основе ответов на вопрос об отношении ре-

спондентов к соседству с представителями различных социальных групп и носителями аддикций: *Перед Вами список различных групп людей. Не могли бы Вы назвать те группы, кого не хотели бы видеть своими соседями?* (Людей другой расы; Алкоголиков; Иммигрантов/иностранцев; Наркоманов; Гомосексуалистов; Христиан; Мусульман; Евреев; Цыган.) Автором данной работы использовалась доля людей, отметивших, что не хотят видеть кого-либо из данных групп людей в качестве соседей.

Закрытое доверие наиболее распространено в консервативных сообществах, где сильно значение семьи как общественного института. Так Р. Антониетти и Р. Бошма [6] произвели расчет скрепляющего социального капитала, в основе которого лежит закрытое доверие, опираясь на следующую в неделю обед с родственниками или близкими друзьями, число совершеннолетних детей, живущих с родителями. Так уровень закрытого доверия исследовался автором данной статьи косвенно с помощью ответов на вопрос об отношении к институту брака: *Согласны ли Вы со следующим утверждением: Брак – это устаревший социальный институт?* Автор анализировал долю респондентов, которые считают, что брак не является устаревшим институтом.

Отдельный анализ составляющих социального капитала позволяет наиболее подробным образом изучить особенности социального взаимодействия. Для более общего понимания исследуемого явления автором составлены индексы связывающего и скрепляющего социального капитала – это среднее арифметическое значение индексов, характеризующих отдельные компоненты социального капитала соответствующих типов. Также вводится интегральный индекс социального капитала – разность между

индексами связывающего и скрепляющего типов капитала, если индекс имеет положительное значение, то преобладает связывающий социальный капитал, а если отрицательное – скрепляющий.

Методами корреляционного анализа автором были проанализированы зависимости между показателями социально-экономического развития и показателями социального капитала. Были взяты данные об уровне и динамике душевого ВВП и ВРП, а также данные о приросте объектов частного бизнеса [22], также был использован индекс человеческого развития (ИЧР) [23] в качестве интегрального показателя уровня развития стран.

Также для оценки влияния социального капитала (далее – СК) на развитие в периоды кризисов автором данного исследования использовалась методика расчета жизнестойкости регионов Р. Мартина [9; 15]. Для ее подсчета учитываются подверженность кризису и восстановительный рост после кризиса. Подверженность кризису (Π) вычислялась по формуле:

$$\Pi = \frac{1 - \frac{P_{\kappa}}{P_{\delta}}}{1 - \frac{C_{\kappa}}{C_{\delta}}}, \quad (2)$$

где P_{δ} – региональный показатель докризисный, P_{κ} – региональный показатель в самый кризисный год, C_{δ} – страновой показатель докризисный, C_{κ} – страновой показатель в самый кризисный год. Если показатель более 1, то местная экономика более подвержена кризисам, чем вся экономика страны.

В данной методике могут учитываться любые социально-экономические показатели, которые отображают изменения уровня развития в результате кризисных явлений. В расчетах использовались данные ВРП (ВВП) на душу населения. Исследовалась жизнестойкость в рамках кризиса 2008 г. Послекризисный восстановительный рост (B), вычислялся по формуле:

$$B = \frac{\frac{P_{\Pi}}{P_{\kappa}} - 1}{\frac{C_{\Pi}}{C_{\kappa}} - 1}, \quad (3)$$

где P_{Π} – региональный показатель в первый послекризисный год, P_{κ} – региональный по-

казатель в самый кризисный год, C_{Π} – страновой показатель в первый послекризисный год, C_{κ} – страновой показатель в самый кризисный год.

Если показатель более 1, то региональная экономика быстрее восстанавливается после кризиса, чем экономика страны. Жизнестойкость европейских регионов исследовалась на примере финансово-экономического кризиса 2008 г. и падения экономики в ходе пандемии вируса COVID-19 в 2020 г. Ввиду ограничений временного ряда данных для кризиса 2020 г. не был вычислен показатель послекризисного восстановительного роста.

Поскольку в теории социальный капитал способствует улучшению качества институтов, снижению оппортунизма и повышению инновационности для анализа автором были использованы индекс восприятия коррупции [18] и индекс легкости ведения бизнеса Doing Business [19] (на уровне стран), доля граждан, обращавшихся в течение года за государственными услугами через интернет, а также показатели занятости в сфере НИОКР и количество выданных патентов на душу населения [22] (на уровне регионов).

Полученные результаты. Проведено исследование географической структуры социального капитала. При помощи картографического анализа (рис. 2). Обнаруживается тяготение связывающего социального капитала к наиболее развитым регионам и странам (Австрия, Великобритания, Нидерланды, Швейцария, страны Скандинавии, регионы Уусимаа и Варсинаис Суоми в Финляндии), а скрепляющий социальный капитал концентрируется в менее развитой Юго-Восточной Европе. Связывающий социальный капитал способствует уменьшению транзакционных издержек и увеличению экономической эффективности, что проявляется в высоком уровне социально-экономического развития.

Также территориальные различия социального капитала обнаруживаются в странах с большой дифференциацией экономического развития макрорегионов государства. Так уровень связывающего социального капитала в менее развитых землях бывшей ГДР ниже, чем в остальной Германии. Внутри Восточной Германии высокоразвитый Берлин

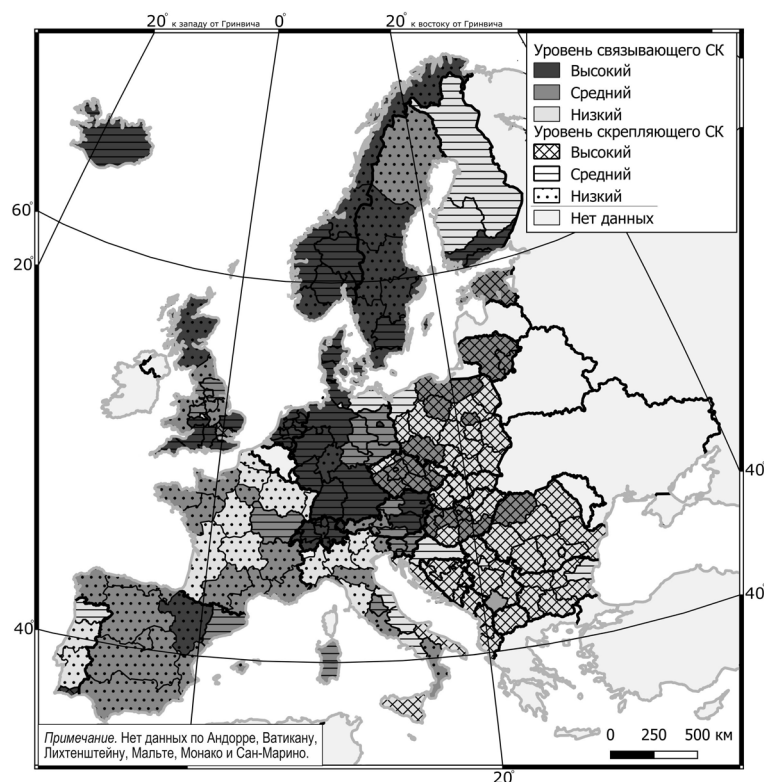

Рис. 2. Территориальные различия социального капитала в регионах зарубежной Европы (2017 г.). Составлено автором на основе данных [20; 21].

выделяется на общем фоне более развитым связывающим капиталом. Наиболее высокие уровни скрепляющего социального капитала в Италии наблюдаются в отстающей по развитию южной части страны.

Примеры Восточной Германии и Южной Италии показательны. В бывшей ГДР были условия плановой социалистической экономики, система управления тесно была сплетена с аппаратом Социалистической единой партии Германии. В результате сложились социальные системы с преобладанием иерархических вертикальных связей, что блокировало развитие свободной гражданской активности и способствовало атомизации общества на мелкие однородные социальные группы – семья, трудовые, учебные коллективы и т.п., то есть наращивался скрепляющий социальный капитал с закрытым доверием и нетолерантностью. Такие условия сложились во всех странах социалистического лагеря после Второй мировой войны [12]. Скрепляющий социальный капитал сегодня концентрируется в пост-социалистических странах Юго-Восточной

Европы, развитие связывающего социального капитала в них в целом недостаточное.

Южная Италия до объединения страны развивалась в основном в условиях монархического строя, экономика строилась на эксплуатации местных сельскохозяйственных ресурсов. На севере Италии существовали республиканские государства, которые активно торговали и развивали сначала мануфактурное, а после промышленное производство. Разная экономическая и политическая база сформировали разные паттерны социального капитала: на севере развивался преимущественно связывающий капитал, поскольку он облегчал предпринимательство и подкреплялся республиканским строем, а на юге накапливался скрепляющий социальный капитал местных крестьянских сообществ [13].

Таким образом политические и экономические институты оказывают влияние на формирование социального капитала.

Отдельно обращает на себя внимание концентрация связывающего СК в протестантских странах, возникает предположение влияния культуры на формирование СК,

поскольку связывающий СК не так характерен для развитых стран Южной Европы и Франции.

Изучение влияния социального капитала на социально-экономическое развитие осуществлялось путем корреляционного анализа. Подтверждается связь между СК и социально-экономическим развитием: наблюдается прямая корреляция между уровнем гражданской активности, доверия и показателями среднего значения ВВП и ИЧР на уровне стран. Разорванность социальных сетей и уровень душевого ВВП находятся в обратной зависимости между собой. На уровне регионов между связывающим СК, его составляющими и уровнем душевого ВВП также наблюдается положительная связь. И на страновом уровне разорванность социальных сетей и высокий уровень скрепляющего СК характерны для наименее экономически развитых регионов Европы. Таким образом, теоретические выводы (основанные на исследованиях отдельных кейсов другими учеными) влияния социального капитала на экономическую эффективность находят подтверждение. Более высокие темпы прироста экономики наблюдаются в странах и регионах с высокими значениями скрепляющего СК и его компонентов. Поскольку скрепляющий СК характерен для относительно бедных стран и регионов, в них из-за эффекта низкой базы фиксируются более быстрые темпы прироста экономики, в результате возникает положительная связь с экономическим ростом (табл. 2).

Рассмотрим влияние СК на развитие предпринимательства. Согласно работам других авторов, связывающий СК должен способствовать развитию предпринимательской инициативы, но в нашем исследовании именно закрытое доверие характерное для скрепляющего СК распространено в регионах с высокими уровнями развития и прироста частного малого бизнеса (табл. 3). Это следствие преимуществ скрепляющего социального капитала для ведения бизнеса, а именно быстрый доступ к ресурсам через плотные социальные сети, высокий уровень доверия и мобилизация скрепляющего социального капитала во время кризисных явлений, как в случае кризиса немецкого автопрома, описанным Ф. Фукуямой [4]. Все эти преимущества являются основой ведения семейного бизнеса. Поскольку закрытое доверие в данной работе исследовалось косвенно

через сохранение ценности института семьи, то подтверждается вывод других авторов [8], что в Польше семейный бизнес часто является основой предпринимательской деятельности в условиях дефицита связывающего социального капитала. Таким образом, в нашей работе было показано, что скрепляющий социальный капитал не обязательно является негативным фактором для социально-экономического развития.

Исследование влияния СК на экономическую устойчивость показало, что скрепляющий социальный капитал снижает экономическую жизнестойкость регионов Европы, поскольку делает экономических агентов менее мобильными и ограничивает их информационное поле, что не дает им возможности быстро адаптироваться к кризисным условиям. Наблюдается значимая слабая положительная зависимость между разорванностью социальных сетей и подверженностью кризису 2008 г. Таким образом высокий уровень нетолерантности и слабая сплоченность общества отрицательно повлияли на экономическую устойчивость регионов в годы кризиса, поскольку экономические агенты оказались менее восприимчивы к возможным потенциальным путям экономической адаптации, также из-за замкнутости социальных сетей внутри социальных групп акторы оградили себя от сотрудничества с новыми потенциальными партнерами, что не способствовало свободному принятию новых навыков и умений других социальных групп (табл. 3).

Для анализа на региональном уровне использовались данные по СК на 2017 г., поскольку социально-экономические показатели, представленные по классификации NUTS-2021, значительно отличаются от классификации NUTS-2006, по которой были высчитаны значения социального капитала в 2008 г.

Связывающий социальный капитал является проводником информации, он выступает основой явления коллективного обучения и создания инновационной среды за счет активных межгрупповых связей и открытого доверия, поэтому было проведено исследование влияния СК на инновационную деятельность. Корреляционный анализ показал положительную связь между гражданской активностью, открытым доверием и занятостью в НИОКР, количеством выдан-

Таблица 2. Матрица корреляционного анализа между показателями социального капитала и показателями экономического развития (2008 г. и 2017 г.)

	ИПСС (2008/2017)	ИОД (2008/2017)	ИСвСК (2008/2017)	ИРСС (2008/2017)	ИЗД (2008/2017)	ИСкСК (2008/2017)	ИИС (2008/2017)
Среднее многолетнее значение ВВП на душу населения (2004–2008)	0,661**	0,696**	0,716**	-0,624**	-0,348*	-0,555**	0,817**
Средний многолетний прирост ВВП на душу населения (2004–2008)	-0,337	-0,426*	-0,408*	0,716**	0,293	0,561**	-0,609**
ИЧР (2009)	0,628**	0,724**	0,723**	-0,603**	-0,339*	-0,535**	0,796**
Среднее многолетнее значение ВВП на душу населения (2013–2017)	0,714**	0,880**	0,860**	-0,721**	-0,269	-0,603**	0,896**
Средний многолетний прирост ВВП на душу населения (2013–2017)	-0,453*	-0,595**	-0,569**	0,758**	0,449*	0,736**	-0,783**
ИЧР (2018)	0,687**	0,862**	0,835**	-0,592**	-0,443*	-0,623**	0,875**
Среднее многолетнее значение ВРП на душу населения (2004–2008)	0,591**	0,734**	0,672**	-0,666**	-0,351**	-0,612**	0,830**
Средний многолетний прирост ВРП на душу населения (2004–2008)	-0,088	-0,244**	-0,191*	0,605**	0,433**	0,610**	-0,540**
Среднее многолетнее значение ВРП на душу населения (2013–2017)	0,504**	0,689**	0,612**	-0,579**	-0,326**	-0,548**	0,737**
Средний многолетний прирост ВРП на душу населения (2013–2017)	-0,249**	-0,385**	-0,343**	0,440**	0,424**	0,521**	-0,588**

*Корреляция значима на уровне 0,05.

**Корреляция значима на уровне 0,01.

Примечания: ИПСС – индекс плотности социальных сетей, ИОД – индекс открытого доверия, ИСвСК – индекс связывающего СК, ИРСС – индекс разорванности социальных сетей, ИЗД – индекс закрытого доверия, ИСкСК – индекс скрепляющего социального капитала, ИИСК – интегральный индекс социального капитала.

Полужирным шрифтом выделены строки, где для анализа использовались показатели социального капитала за 2008 г., в остальной таблице значения социального капитала за 2017 г. Курсивом выделены строки, где анализ проводился на основе страновых, а не региональных данных.

ных патентов на душу населения в регионах Европы. Для регионов же с высокой нетолерантностью характерен низкий уровень инновационной активности (табл. 4), что соотносится с работами Р. Флориды, где толерантность является одним из компонентов привлечения представителей креативного класса [2].

Для анализа на региональном уровне использовались данные по СК на 2017 г., поскольку социально-экономические показатели, представленные по классификации NUTS-2021, значительно отличаются от классификации NUTS-2006, по которой

были высчитаны значения социального капитала в 2008 г.

Было изучено воздействие СК на развитие институтов. Страны с наиболее высокой плотностью социальных сетей и высоким уровнем доверия обладают наивысшими значениями индекса восприятия коррупции, а транзакционные издержки для бизнеса в индексе легкости ведения бизнеса оцениваются в них как низкие. Нетолерантность негативно сказывается на работе институтов – в странах с высокой разорванностью социальных сетей коррупция оценивается на высоком уровне, эти страны находятся ниже

Таблица 3. Матрица корреляционного анализа между показателями социального капитала и данными о жизнестойкости и бизнес-демографии европейских регионов

	ИПСС (2017)	ИОД (2017)	ИСвСК (2017)	ИРСС (2017)	ИЗД (2017)	ИСкСК (2017)	ИИСК (2017)
Кол-во предприятий малого бизнеса на 1000 чел. населения (2017)	-0,313**	-0,109	-0,185*	0,159	0,022	0,095	-0,178*
Прирост количества предприятий малого бизнеса на 1000 предприятий (2017)	-0,085	-0,186*	-0,157	0,173*	0,627**	0,502**	-0,450**
Индекс подверженности кризису (2008)	-0,148	-0,148	-0,148	0,211*	-0,072	0,089	-0,155
Индекс восстановительного роста (2008)	0,029	-0,111	-0,062	0,096	0,091	0,118	-0,119
Индекс подверженности кризису (2020)	-0,023	-0,052	-0,048	0,049	-0,026	0,012	-0,040

*Корреляция значима на уровне 0,05.

**Корреляция значима на уровне 0,01.

Примечания: ИПСС – индекс плотности социальных сетей, ИОД – индекс открытого доверия, ИСвСК – индекс связывающего СК, ИРСС – индекс разорванности социальных сетей, ИЗД – индекс закрытого доверия, ИСкСК – индекс скрепляющего социального капитала, ИИСК – интегральный индекс социального капитала.

Составлено автором на основе данных: [20–22].

Таблица 4. Матрица корреляционного анализа между показателями социального капитала и данными о развитии оппортунизма и инновационности в регионах и странах зарубежной Европы

	ИПСС (2017)	ИОД (2017)	ИСвСК (2017)	ИРСС (2017)	ИЗД (2017)	ИСкСК (2017)	ИИСК (2017)
Доля граждан, обратившихся в госорганы через интернет (2017)	0,672**	0,756**	0,760**	-0,590**	-0,141	-0,449**	0,772**
Индекс восприятия коррупции (2017)	0,702**	0,893**	0,861**	-0,644**	-0,310	-0,578**	0,866**
Место в рейтинге Doing Buisness (2018)	-0,483**	-0,681**	-0,635**	0,390*	0,218	0,363	-0,604**
Доля рабочих, занятых в НИОКР (2017)	0,223*	0,241**	0,248**	-0,088	-0,130	-0,131	0,232**
Количество выданных патентов в сфере высоких технологий на 1 млн чел. (2008)	0,524**	0,589**	0,580**	-0,356**	-0,030	-0,226**	0,506**

*Корреляция значима на уровне 0,05.

**Корреляция значима на уровне 0,01.

Примечания: ИПСС – индекс плотности социальных сетей, ИОД – индекс открытого доверия, ИСвСК – индекс связывающего СК, ИРСС – индекс разорванности социальных сетей, ИЗД – индекс закрытого доверия, ИСкСК – индекс скрепляющего социального капитала, ИИСК – интегральный индекс социального капитала.

Курсивом выделены строки, где анализ проводился на основе страновых, а не региональных данных.

Составлено автором на основе данных: [20–23].

остальных в рейтинге легкости ведения бизнеса (табл. 4).

Кроме того, развитие «электронного государства» является прямым показателем

низкого уровня оппортунизма, поскольку при коммуникации гражданина с органами власти через интернет ослабевает уровень контроля со стороны государства. Наблюда-

Рис. 3. Уровень развития электронных госуслуг, уровень пользования интернетом, уровень развития связывающего социального капитала.

Составлено автором на основе данных: [20–23].

ется положительная корреляция между связывающим СК и развитием дистанционных государственных услуг, тем временем как в регионах с высоким уровнем скрепляющего СК государственные электронные услуги менее развиты (табл. 4). Это могло объясняться высоким уровнем пользования интернетом в высокоразвитых странах с преобладающим связывающим СК, однако это не подтверждается при анализе уровня распространения интернета (рис. 3).

Уровень использования сети интернет относительно одинаков для регионов зарубежной Европы. Однако количество электронных обращений граждан разительно отличается по регионам. Развитие электронных услуг наблюдается в регионах с высоким уровнем связывающего СК, для этих регионов характерны высокий уровень открытого доверия, именно оно замещает дополнительный контроль государства за гражданами.

Выводы. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

Социальный капитал в зарубежной Европе имеет следующую географическую структуру: связывающий социальный капи-

тал концентрируется в наиболее развитых регионах и странах Северной и Западной Европы, а скрепляющий социальный капитал наиболее сконцентрирован в менее развитой Юго-Восточной Европе.

Низкие значения связывающего СК в постсоциалистических странах (и в регионах, как в случае с бывшей ГДР) указывают на влияние политических и экономических институтов на развитие СК. Различия в развитии СК на севере и юге Италии также доказывают данную гипотезу. В дополнение следует указать фактор культуры на развитие СК – связывающий СК наиболее характерен для протестантских стран Северной Европы, Нидерландов, Швейцарии.

Развитие связывающего СК напрямую коррелирует с высокими значениями экономических показателей (исключая прирост ВВП и ВРП), в отличие от скрепляющего капитала. Наиболее сильная положительная связь с уровнем экономического развития наблюдается у открытого доверия, а нетолерантность, наоборот, не характерна для развитых стран и регионов.

Неожиданно обнаружена отрицательная взаимозависимость между связывающим СК

и приростом экономики, в отличие от скрепляющего СК. Автор связывает это с эффектом низкой базы, поскольку скрепляющий СК характерен для наименее экономических развитых регионов Европы.

Сложная политическая история постсоциалистических стран привела к низкому уровню доверия в них, в результате чего вероятно торможение экономического развития, из-за роста транзакционных издержек.

Закрытое доверие было исследовано косвенно через сохранение института брака. Прирост числа предприятий малого бизнеса напрямую зависит от уровня закрытого доверия, то есть форма семейного бизнеса активно поддерживается в регионах Юго-Восточной Европы, что способствует развитию предпринимательства в условиях дефицита связывающего СК и несовершенных институтов для ведения бизнеса.

Нетолерантность способствует неустойчивости экономики в годы кризисов, что является следствием низкой социальной мобильности экономических агентов, из-за отсутствия достаточного количества межгрупповых социальных связей. Уменьшение уровня нетолерантности в постсоциалистических странах должно способствовать диверсификации и стабильности экономики.

Связывающий СК, в особенности открытое доверие, улучшает качество институтов. Купируется развитие коррупции, уменьшается дистанция власти через развитие электронных государственных услуг. В странах с высоким уровнем открытого доверия (Северная Европа, Нидерланды, Швейцария) институты для ведения предпринимательства более совершенны. Нетолерантность напрямую связана с распространением кор-

рупции, высокой дистанцией власти и низким качеством институтов для предпринимателей. То есть постсоциалистические страны Юго-Восточной Европы пока еще отстают в развитии институтов для поддержания гражданского общества и предпринимательства.

Наблюдается прямая зависимость между связывающим СК и его показателями с количеством занятых в НИОКР. Скрепляющий СК не влияет на количество занятых в НИОКР. Количество выданных патентов на душу населения максимально в регионах с открытым доверием и высокой гражданской активностью (компонентами связывающего СК), с нетолерантностью данный показатель имеет отрицательную связь. Возникает вероятность неправильно трактовать данную закономерность, так как положительная связь между связывающим СК и инновационностью можно объяснить размещением данной формы СК именно в наиболее экономически развитых регионах Европы. Поскольку значимость выявленных закономерностей между СК и инновационностью меньше, чем между СК и экономическим развитием, и эти взаимозависимости не комплементарны при сравнении, следует признать влияние открытого доверия, гражданской активности и нетолерантности на инновационную деятельность: первые два фактора способствуют росту инновационности, а последний фактор – тормозит инновационный процесс.

Постсоциалистические страны имеют высокий уровень нетолерантности, что не привлекает представителей креативного класса – они предпочитают жить и работать в странах Северной и Западной Европы, что дополнительно тормозит инновационный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сивуха С.В. Капитал социальный // Социология: Энциклопедия. Сост. Грицанов А.А. и др. Мн.: Книжный дом, 2003. [Электр. ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/social-capital> (дата обращения: 05.12.2019).
2. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. № 3. С. 39–49.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / пер. с англ. СПб: Лениздат, 1996. 702 с.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2004. 730 с.
5. Эгертссон Т. Несовершенные институты. Возможности и границы реформ / пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.
6. Antonietti R., Boschma R. Social capital, resilience and regional diversification in Italy // *Industrial and Corporate Change*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 762–777. DOI: <https://doi.org/10.1093/icc/dtaa052>.
7. Boschma R. Social capital and regional development: an empirical analysis of the Third Italy // *Learning from clusters*. Springer, Dordrecht, 2005. P. 139–168. DOI: 10.1007/1-4020-3679-5_7.
8. Marjański A. et al. Social capital drives SME growth: A study of family firms in Poland // *German Journal of Human Resource Management*. 2019. Vol. 33. № 3. P. 280–304. DOI: 10.1177/2397002219847668.
9. Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // *Journal of Economic Geography*. 2012. Vol. 12. № 1. P.1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019.

10. *Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
11. *Putnam R.* Bowling alone: America's declining social capital // *Culture and Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2000. P. 223–234.
12. *Putnam R.* (ed.) *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. New York, Oxford University Press, 2002. 516 p.
13. *Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.N.* *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press, 1994. 272 p.
14. *Warren M.E.* Social Capital and Corruption. Paper presented at EURESCO Conference on Social Capital, 2001.
15. *Westlund H., Forsberg A., Höckertin C.* Social Capital and Local Development in Swedish Rural Districts. Paper prepared for the 42nd Congress of the European Regional Science Association Dortmund, Germany 27th -31st August 2002. 2002. 20 p.
16. *Westlund H., Larsson J.P., Olsson A.R.* Start-ups and local entrepreneurial social capital in the municipalities of Sweden // *Regional Studies*. 2014. Vol. 48. № 6. P. 974–994.
17. *Florida R.* *Cities and the Creative Class*. New York: Routledge, 2004. 208 p.
18. Индекс Восприятия Коррупции Archives – Трансперенси Интернешнл-Р [Электр. ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii> (дата обращения: 26.12.2021).
19. Data. Doing Business [Электр. ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/data> (Дата обращения: 26.12.2021).
20. EVS. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). 2011.
21. EVS (2020): European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017). 2020.
22. Home – Eurostat [Электр. ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 06.06.2021).
23. Human Development Reports [Электр. ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/137506#> (дата обращения: 26.12.2021).

Статья поступила в редакцию журнала 28 декабря 2022 г.

Об авторе:

Акулёнок Степан Валентинович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Акулёнок С.В. Социальный капитал в зарубежной Европе: территориальная дифференциация и влияние на социально-экономическое развитие регионов и стран // *Региональные исследования*. 2023. № 1. С. 86–97.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-7

Social capital in foreign Europe: territorial differentiation and impact on socio-economic development of regions and countries

S.V. Akulenok

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

e-mail: akula_msu@mail.ru

In the article, on the example of countries and regions of foreign Europe, the relationship between social capital and socio-economic development is considered. An assessment of social capital and its components (as intangible factors of development) for regions and countries of foreign Europe is given on the basis of primary sociological data from a study of values in Europe. Civic activity, intolerance, features of trust were studied. Geographical patterns of development of social capital are briefly lighted. The relationship between social capital of communities and social-economic development indicators at the level of regions and European countries has been studied. Regularities are revealed between geographical differences in social capital and differences in economic development, the quality of institutions and innovativeness across regions and countries of Europe. Bridging social capital has a positive effect on economic development, it improves the functioning of institutions and prevents the development of opportunism, it is common in economically developed regions and European countries. Innovative activity is most common in regions and countries with a predominance of bridging social capital. In the regions of Europe with the prevailing bonding social capital, the disunity of social groups and closed trust, crisis phenomena are more acutely felt.

Keywords: social capital, intangible factors of development, foreign Europe, regions, institutions, innovations, social geography.

Received 28.12.2022

РЫНОК ЗАГОРОДНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2023 Е.М. Лапшина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: lelena710@bk.ru*

В статье анализируется влияние пандемии COVID-19 на рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2020–2021 гг. Выявлено, что в этот период на загородном рынке был зафиксирован рост спроса на аренду и покупку индивидуальных жилых домов. Показано, как изменилась территориальная структура спроса: при сохранении лидирующих позиций за ближайшими к Санкт-Петербургу районами Ленинградской области, повысилась популярность отдаленных локаций. Рост интереса к рынку загородной недвижимости привел к сокращению объема предложения. Покупатели приобретали дома даже в очень плохом состоянии ради земельных участков под новое строительство. Повышенный спрос и сокращение объема предложения стимулировали рост цен на загородную недвижимость. Петербургский регион оказался одним из лидеров по увеличению стоимости загородного жилья вместе с Московским регионом, Краснодарским краем и Крымом. Наиболее сильно цены увеличились в пригородной зоне Санкт-Петербурга. Нехватка подходящего для покупателей предложения и высокая стоимость готовых коттеджей подтолкнули население к строительству индивидуальных жилых домов. Косвенным свидетельством возрастания популярности индивидуального жилищного строительства (ИЖС) является увеличение интереса к покупке земельных участков.

Ключевые слова: рынок загородной недвижимости, пандемия COVID-19, индивидуальное жилищное строительство, коттеджный поселок, пригородная зона.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-8

Введение и постановка проблемы.

Пандемия COVID-19 в той или иной степени повлияла на все отрасли экономики, исключением не стал и рынок недвижимости. Из-за пандемии коронавируса работники многих компаний были переведены на удаленный формат работы и вынуждены были работать из дома. За период самоизоляции многие ощутили потребность в увеличении жилой площади (нужен кабинет для работы, отдельные комнаты для всех членов семьи). Это достаточно сложно сделать в городской квартире. Отсутствие необходимости в частом посещении офиса, желание изолироваться в местах меньшего скопления людей, необходимость отдельной комнаты для каждого члена семьи подтолкнули население сначала к аренде, а позже и к приобретению собственного дома за городом. Повышенный интерес к загородной недвижимости был связан также с желанием сохранить свои сбережения во время кризиса и вложить средства в стабильный капитал – в кризисы недвижимость всегда была «защитным активом» в случае девальвации рубля.

Рынок загородной недвижимости имеет свои специфические особенности.

Во-первых, в терминологии рынка недвижимости понятие «загородная недвижимость» отражает не местоположение объектов («за городом»), а их тип – это объекты частной застройки: индивидуальные жилые дома в коттеджных поселках, дачи. Многоэтажные многоквартирные жилые комплексы за пределами административных границ города к загородной недвижимости, в традиционном понимании этого термина, не относятся. «Загородная недвижимость» (частная застройка) находится не только в пределах Ленинградской области, но и непосредственно в границах Санкт-Петербурга. В данном исследовании объектом выступают полноценные загородные дома в организованных коттеджных поселках, поскольку именно этот тип загородной недвижимости в последние годы получает наибольшее развитие и пользуется спросом на рынке. Дачная застройка в работе не анализируется.

Во-вторых, на рынке загородной недвижимости явно прослеживается недостаток данных – сложно получить информацию о конкретных сделках, так как зачастую купля-продажа дома распадается на несколько сделок (с самим домом, с земель-

ным участком и т.д.) и Росреестр публикует каждую такую «часть» как отдельную сделку. Недостаток качественных данных и сложность их обработки стали причиной небольшого числа исследований рынка загородной недвижимости.

Наибольшее развитие рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области получил в пригородной зоне Санкт-Петербурга.

Четко установленных границ «пригородной зоны» Санкт-Петербурга нет. Имеются работы по выделению границ Санкт-Петербургской агломерации, например, исследование Л.А. Лосина и В.В. Солодилова [11]. Авторы включают в состав агломерации территорию в административных границах Санкт-Петербурга, районы Ленинградской области, непосредственно примыкающие к городу (Всеволожский, юг Выборгского, Гатчинский, Кировский, Ломоносовский, север Тосненского), а также юг Приозерского района, который не имеет границы с Санкт-Петербургом. Схожие границы агломерации встречаем в работе Л.Э. Лимонова и А.Р. Батчаева [10]. В территориальной структуре Санкт-Петербургской агломерации Лосин и Солодилов выделяют ядро (Санкт-Петербург) и 2 пояса. Первый (ближайший к «столице») пояс агломерации включает ближние пригороды и средние пригороды. Второй пояс агломерации можно условно обозначить как дальние пригороды Санкт-Петербурга.

Немного иную трактовку пригородной зоны встречаем в работе В.С. Дегусаровой, В.Л. Мартынова, И.Е. Сазонова [6]. В понимании авторов данной статьи «пригородная зона» состоит из территорий Санкт-Петербурга, ранее являвшихся «районами Ленинградской области, подчиненными Ленинградскому городскому совету» и включенных в состав города в 1998 г., а также районов, Ленинградской области, непосредственно примыкающих к Санкт-Петербургу. Т.е. помимо пригородов, территориально относящихся к современной Ленинградской области, авторы считают пригородной зоной и окраинные районы Санкт-Петербурга. Свою позицию они объясняют тем, что административные границы современного Санкт-Петербурга и Ленинградской области в большей своей части имеют искусственный характер. В состав города включено большое количество населенных пунктов

(в том числе 21 поселок), многие из которых по структуре и плотности застройки больше похожи на пригороды, но территориально входят в состав города.

На основе предыдущего опыта выделения пригородной зоны Санкт-Петербурга и анализа освоенности территории частной застройкой была определена территория, которая в данном исследовании будет считаться пригородной зоной. Под пригородной зоной Санкт-Петербурга понимаются районы Ленинградской области, граничащие с Санкт-Петербургом (Всеволожский, Выборгский, Кировский, Тосненский, Гатчинский, Ломоносовский), Приозерский район, относящийся к дальним пригородам и в высокой степени освоенный частной застройкой, а также некоторые окраинные («внутренние пригородные») районы Санкт-Петербурга, в которых представлена частная застройка (Курортный, Пушкинский, Петродворцовый, Приморский, Выборгский, Колпинский).

Обзор ранее выполненных исследований. Важность пандемии коронавируса для развития рынка загородной недвижимости и строительной отрасли отмечают многие исследователи – географы и экономисты, а также эксперты рынка недвижимости. Главное, что отмечается в подавляющем большинстве исследований в разных аспектах – рост спроса на загородную недвижимость в условиях изоляции и карантина разной степени жесткости.

По данным ВЦИОМ (январь 2021 г.) [18] почти 70% россиян хотели бы жить в индивидуальном доме. Для сравнения, в 2017 г. по данным аналогичного опроса показатель составлял 66%. Среди основных причин роста популярности объектов загородного рынка исследователи отмечают развитие удаленной занятости и желание уединиться в местах меньшего скопления людей [7; 8; 15; 17]. Опрос пользователей сайта Циан [19] показал, что пандемия повлияла на планы о покупке загородной недвижимости почти у 40% респондентов. Главные причины связаны с коронавирусом: лучшие условия жизни за городом при изоляции (44%) и распространение удаленного режима работы (15%). Одновременно, в ряде исследований отмечается, что значительное увеличение спроса на загородную недвижимость в 2020 г. сочетается с тем, что большинство покупателей

рассматривает загородные дома как второе жилье, что означает сохранение модели жизни на два дома, в городской квартире и в загородном доме [12].

А.В. Бурмистрова [3], И.А. Ивойлов [9], а также А.А. Дегтярева и Е.В. Жупикова [5] отмечают, что ситуация на загородном рынке в начале пандемии отличалась от ситуации на рынке городского жилья: в то время как в целом на рынке недвижимости и в строительной отрасли в первом полугодии 2020 г. наблюдался спад, на рынке загородной недвижимости фиксировался рост. Л.И. Алексеева и И.В. Васильева [1] отмечают увеличение объемов инвестирования в сегмент загородной недвижимости во время пандемии. По Санкт-Петербургу и Ленинградской области объем инвестирования в земельные участки под застройку в 2021 г. в общем объеме возрос до 38%, против 15% в 2020 г.

Ю.В. Брехова и С.А. Севостьянова [2] на примере Южного федерального округа отмечают влияние пандемии на развитие индивидуального жилищного строительства. Они также делают акцент на важности государственной поддержки отрасли (а именно, субсидировании ипотечного кредитования на загородном рынке).

Рост спроса на аренду загородной недвижимости во время пандемии коронавируса показывает Ю.М. Толмачева [14] на примере Свердловской области. Влияние на рынок аренды загородной недвижимости отмечает и Е.Н. Орлова [13] на примере Подмоскovie.

При этом в регионах, где развитие загородного рынка недвижимости ограничивается низким уровнем существующей инфраструктуры, влияние пандемии было не столь заметным. Так, М.Е. Глушенко и П.О. Тюменцева [4] отмечают, что в Омской области продажа загородной недвижимости не продемонстрировала роста. Переход большинства сотрудников на удаленную работу не решил проблему инфраструктуры, которая значительно ограничивает развитие рынка загородной недвижимости.

Географические исследования показывают, как влияние пандемии на загородный рынок прослеживалось в пространстве. Пандемия ускорила развитие рынка, но темпы отличались от региона к региону, в результате чего усилилась поляризация тенденций между отдельными агломерациями. Еще один аспект – возможное развитие субурбанизации

на фоне популяризации загородного образа жизни во время пандемии [12]. Исследователи экономического профиля, а также эксперты рынка недвижимости, в первую очередь, изучают динамику основных показателей рынка – спроса, предложения, объемов строительства и инвестирования [9; 17; 19].

Тема влияния пандемии на рынок недвижимости популярна и среди зарубежных исследователей. Например, в статье K.S. Cheung, C.Y. Yiu C. Xiong [21] выявлено, что пандемия COVID-19 в 2020 г. привела к падению цен на рынке недвижимости г. Ухань на 5–7%. Схожие оценки по динамике цен получили V. Giudice, P. Paola, F.P. Giudice [22], анализируя ситуацию в итальянской области Кампания. В Италии на время пандемии были установлены одни из самых жестких ограничений, по некоторым оценкам, уступающие только Китаю. Влияние пандемии на динамику цен на рынке недвижимости также изучали в США, Литве, Турции и других странах [23; 24; 25].

Проведенный обзор литературы показывает, что при всем многообразии работ по данной тематике, комплексных исследований загородного рынка недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области в контексте влияния на него пандемии COVID-19 нет.

Материалы и методика исследования.

Данные, используемые в этой статье, получены из базы загородной недвижимости интернет-сервиса Циан (спрос, предложение, цены) [16] и Федеральной службы государственной статистики (ввод жилья) [20]. База Циан представляет собой хранилище объявлений о продаже и аренде, в том числе, и загородной недвижимости; данные представлены за последние 5 лет. Выгрузка объявлений из базы производилась при помощи кода на языке программирования SQL.

В работе анализируются цены предложения – те, которые указаны в объявлениях. Под объемом предложения понимается количество уникальных объектов, выставленных на продажу. Все повторяющиеся объявления были удалены также при помощи запроса на языке SQL, после чего итоговая база данных была дополнительно проверена вручную. Под спросом в базе Циан понимаются метрики потенциального спроса – количество просмотров объявлений о прода-

же загородной недвижимости на сайте cian.ru. О реальных сделках получить информацию достаточно сложно, т.к. зачастую купля-продажа дома распадается на несколько сделок (с самим домом, с земельным участком, с дополнительными постройками и т.д.), и Росреестр публикует каждую такую «часть» как отдельную сделку. Данных о реальном числе арендных сделок нет. Динамика числа просмотров не всегда говорит о реальном увеличении количества сделок, тем не менее, данный показатель выступает косвенным свидетельством активизации рынка. Показатели потенциального спроса подтверждаются данными Росреестра, а также данными по объему предложения на рынке загородной недвижимости.

Полученные результаты. Весной 2020 г., в самом начале пандемии на загородном рынке был зафиксирован рост спроса. За двухмесячный период самоизоляции в Санкт-Петербурге и Ленинградской области интерес к покупке загородных домов вырос в 2 раза по сравнению с прошлым годом, а к аренде почти в 4 раза (рис. 1).

В первые недели самоизоляции (март – начало апреля 2020 г.) внимание покупателей было больше обращено не к покупке загородного дома, а к его аренде, поскольку ситуация с коронавирусом была еще слишком неопределенной и многие считали, что ограничительные меры долго не продлятся, а значит

идти на такое важное решение, как покупка дома, не стоит. Покупка собственного дома – весьма дорогостоящее вложение, поэтому многие желающие провести период самоизоляции за пределами города обратили внимание на рынок аренды. К маю население осознало, что коронавирус – это новая реальность, ограничения могут затянуться, повторяться или остаться навсегда, многие компании будут и дальше сохранять удаленную работу, поэтому интерес сместился с аренды на покупку загородного жилья.

После завершения режима самоизоляции интерес к загородному рынку стал утихать, однако все равно остался выше допандемийного уровня. По итогам 2020 г. спрос и на покупку, и на аренду загородной недвижимости в Санкт-Петербурге и Ленинградской области оказался в 1,5 раза выше, чем в 2018–2019 гг. В 2021 г. покупатели сохраняли интерес к загородной недвижимости, но подходили к выбору объектов более вдумчиво, не совершая импульсивных покупок, как это часто было в 2020 г., поэтому по итогам 2021 г. спрос на покупку загородной недвижимости ниже, чем в 2020 г., но все равно выше, чем в допандемийный период (на 20%).

Пандемия частично повлияла на территориальную структуру спроса (рис. 2). Увеличение спроса за 2 года было более выраженным в районах, территориально не относящихся к пригородной зоне Санкт-Петербурга.

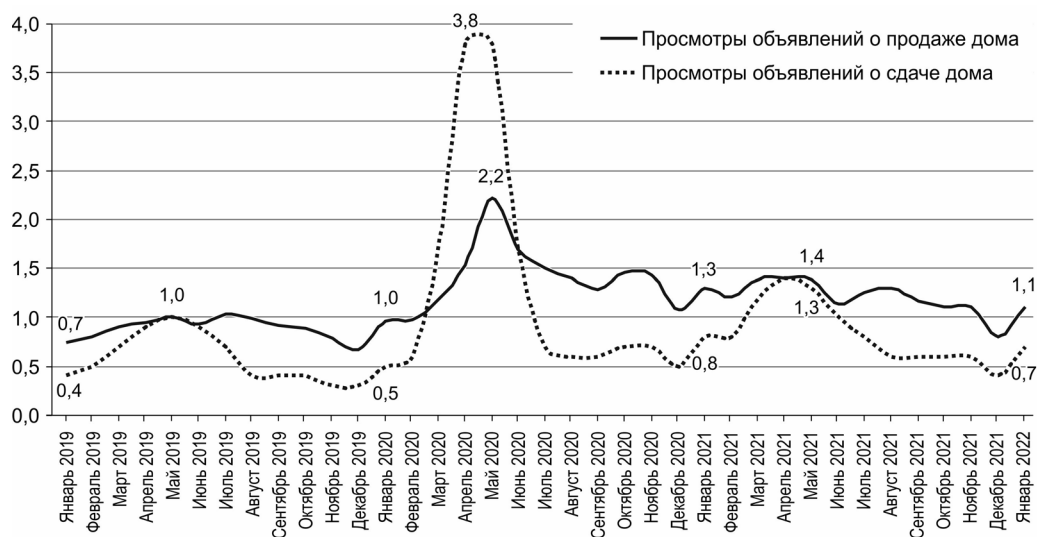

Рис. 1. Отношение числа просмотров объявлений о продаже и сдаче загородной недвижимости в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на сайте cian.ru (май 2019 г. = 1).

Источник: составлено автором по данным: [16].

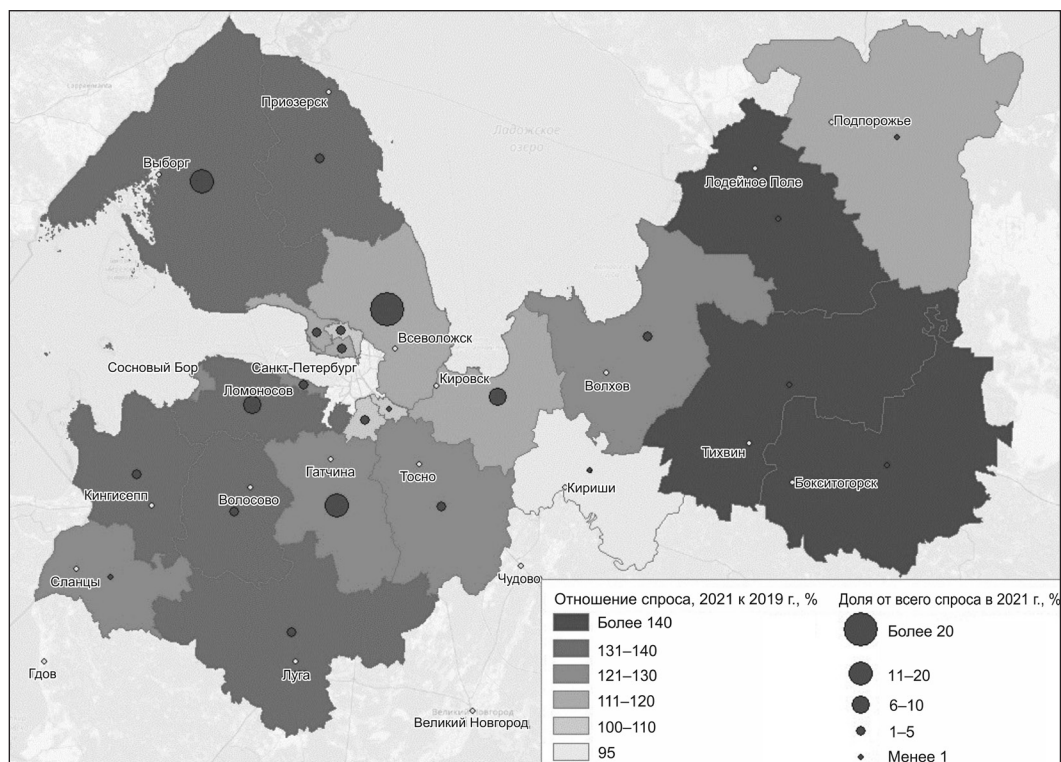

Рис. 2. Структура потенциального спроса на рынке купли-продажи загородной недвижимости по районам Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2019 и 2021 гг.

Источник: составлено автором по данным: [16].

Если в допандемийном 2019 г. на пригородную зону Санкт-Петербурга приходилось до 90% всего спроса в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, то в 2021 г. вес пригородов снизился до 80%, население стало выбирать недвижимость в более отдаленных локациях области. Связано это как с эффектом низкой базы в отдаленных от Санкт-Петербурга локациях (в пригородах спрос и так существенно выше, чем на периферии области), так и с тем, что в пригородной зоне Санкт-Петербурга заметно выросли цены, а с развитием удаленного формата работы отпала необходимость в постоянных поездках в город.

Даже с учетом возрастания популярности периферийных районов Ленинградской области, основной спрос на загородную недвижимость остается сосредоточен в пригородной зоне, особенно во Всеволожском районе, на который приходится почти треть спроса. В пригородной зоне наиболее заметный рост спроса был характерен для западного сектора, который, фактически разделен Финским заливом. Именно побережье залива является главным аттрактором

на загородном рынке Санкт-Петербурга и Ленинградской области. На севере главным фактором привлекательности являются озеро Карельского перешейка.

В случае аренды (в отличие от покупки), наоборот, спрос заметнее вырос в пригородной зоне, а именно в Выборгском, Всеволожском, Ломоносовском районах (рис. 3). Спрос увеличился во всех локациях, но в наиболее выгодных – сильнее, в результате чего концентрация спроса усилилась, в отличие от рынка купли-продажи. Съём загородного дома в аренду в большинстве случаев подразумевает наличие жилья в городе, а значит и необходимость чаще выбираться в центр, чем в случае покупки дома для постоянного проживания. Поэтому арендовать дом слишком далеко от Санкт-Петербурга среди населения не так популярно. На пригородную зону приходится до 90% спроса на аренду дома в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

В зависимости от спроса менялся и объем предложения на загородном рынке (рис. 4). На загородном рынке четко прослеживается сезонность: объем предложения традиционно увеличивается к летнему

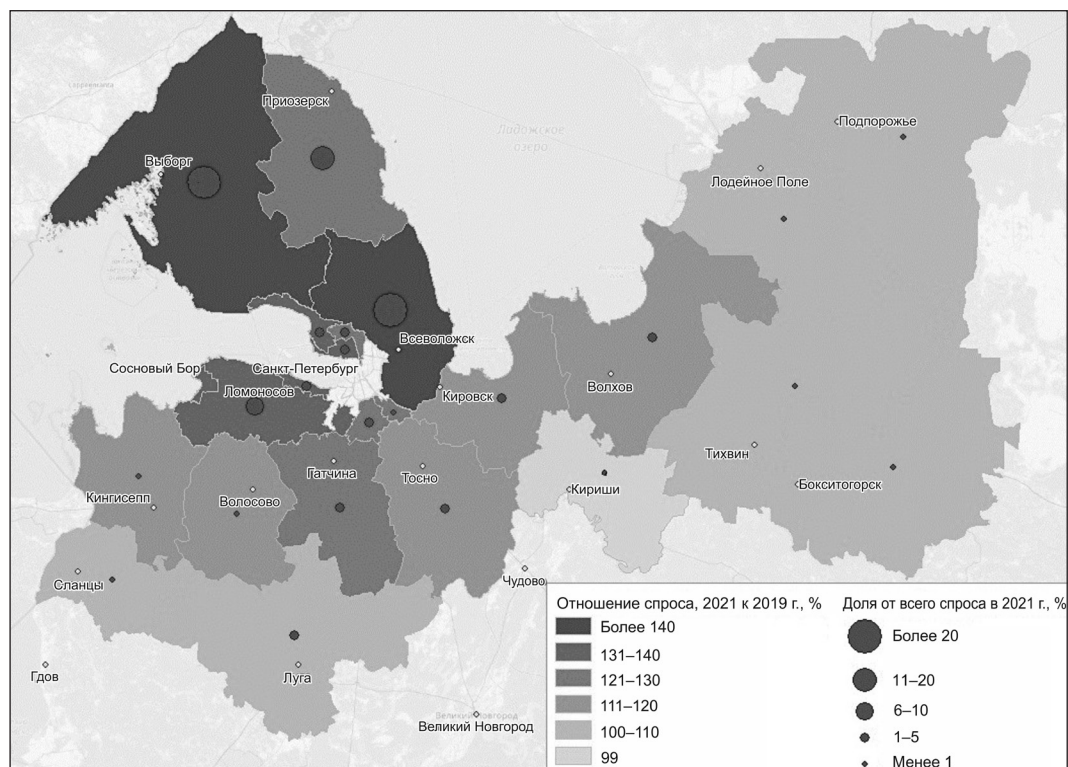

Рис. 3. Структура потенциального спроса на рынке аренды загородной недвижимости по районам Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2019 и 2021 гг.

Источник: составлено автором по данным: [16].

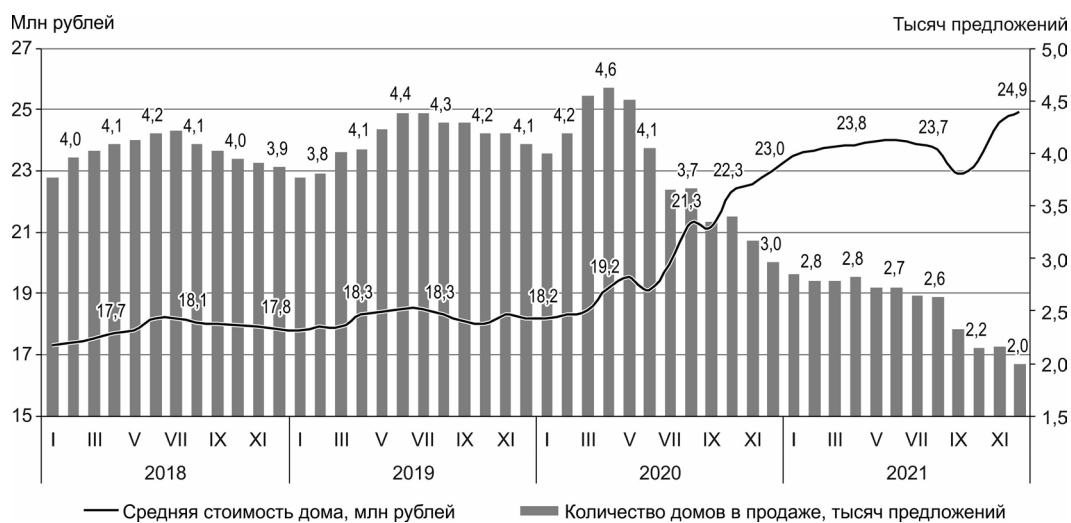

Рис. 4. Динамика объема предложения и средней стоимости загородных домов на загородном рынке Санкт-Петербурга в 2018–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным: [16].

периоду, достигая пика в мае-июне (продавцы выводят на рынок лоты перед активным сезоном), после чего начинает сокращаться как за счет покупки, так и за счет удаления

объявлений о продаже до следующего сезона. В 2020 г. динамика была нарушена. Начиная с июня 2020 г. объем предложения быстрыми темпами пошел на спад на фоне

повышенного спроса и сокращался на протяжении всего года, даже с учетом того, что многие собственники, не планировавшие ранее продавать свои дома, выставляли их на продажу. Покупатели приобретали дома даже в очень плохом состоянии ради земельных участков под новое строительство. В результате объем предложения летом 2021 г. был на треть ниже, чем летом 2020 г. В 2021 г. даже в весенне-летний период количество загородных домов в продаже не превышало 3 тыс., хотя в предыдущие годы достигало 4,5 тыс. К началу 2022 г. на рынке находилось менее 2 тыс. лотов – для сравнения в январе 2021 г. их было около 2,9 тыс., а в январе 2020 г. – около 3 тыс.

В отдельных районах снижение объема предложения за год (с лета 2020 г. по лето 2021 г.) было сильнее. В первую очередь, это наиболее востребованные ближайшие к Санкт-Петербургу районы Ленинградской области – Всеволожский (-31%), Ломоносовский (-28%), а также более доступные по цене Тосненский (-44%) и Кировский (-35%) районы. Сокращение предложения привело к росту цен в них и частичному перераспределению спроса в более отдаленные локации.

На рынке аренды, в отличие от рынка купли-продажи, один и тот же дом может появляться и исчезать с рынка несколько раз за год. В течение 2020–2021 гг. объем предложения многократно возрастал и сокращался

(рис. 5), чего не наблюдалось на рынке купли-продажи. В летний период, а также на новогодние праздники – т.е. в наиболее активный сезон на рынке загородной аренды – число лотов снижается в ~1,5–2 раза по сравнению со среднегодовыми показателями. Влияние пандемии на объем предложения, в результате, выделить достаточно сложно, но отдельные закономерности прослеживаются. Во-первых, виден существенный рост объема предложения в марте и апреле 2020 г., в самом начале пандемии. Собственники загородных объектов быстро отреагировали на сложившуюся ситуацию и, рассчитывая получить доход, вывели на рынок те объекты, которые ранее сдавать не планировали. Во-вторых, летом 2020 г. наблюдался более резкий спад объема предложения, чем летом 2018 и 2019 гг. – на сезонный фактор наложился повышенный спрос на жилье за городом с целью избежать пандемии.

Повышенный спрос и сокращение объема предложения стимулировали рост цен на загородную недвижимость. Средняя стоимость дома на загородном рынке Санкт-Петербурга начала стремительно увеличиваться с лета 2020 г. (рис. 4). На сезонный фактор (загородная недвижимость обычно прибавляет в цене к началу дачного сезона) наложился фактор повышенного спроса. Если в течение допандемийного периода цены на загородном рынке менялись на уровне инфляции, то во второй половине

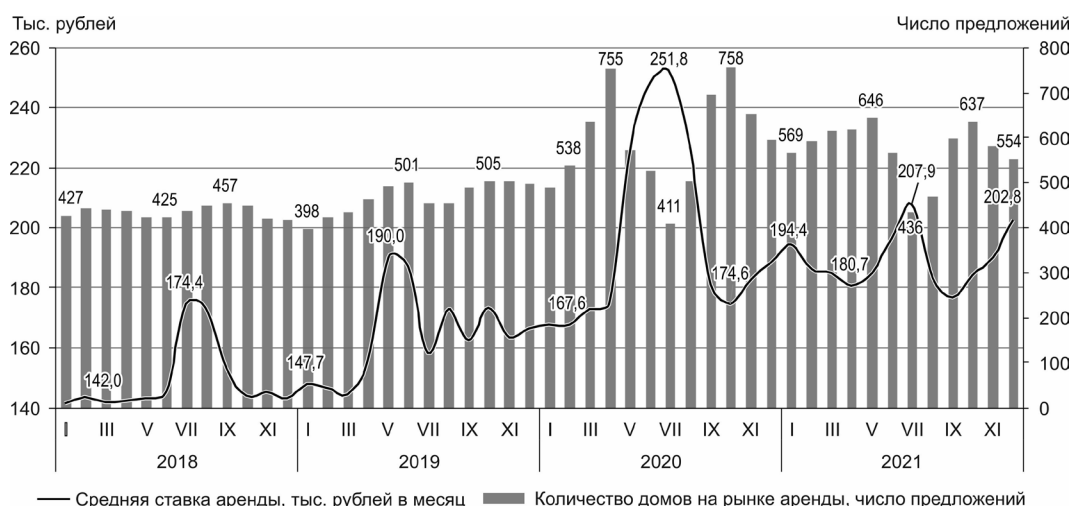

Рис. 5. Динамика объема предложения и средней ставки аренды загородных домов на загородном рынке аренды Санкт-Петербурга в 2018–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным: [16].

2020 – первой половине 2021 г. наблюдался стремительный их рост. За 2020 г. дома подорожали на 26%, за 2021 г. – еще на 12%. Петербургский регион был в лидерах роста цен на загородном рынке вместе с Московским регионом, Краснодарским краем и Крымом.

Цены в пригородной зоне Санкт-Петербурга за год (с лета 2020 г. по лето 2021 г.) увеличились сильнее, чем в других районах Ленинградской области, поскольку на эти локации пришелся основной спрос (рис. 6). При этом динамика была более выражена в южных районах, где изначально уровень цен был ниже. С удалением от «столицы» цены росли в целом медленнее, за исключением Лодейнопольского (+12%) и Бокситогорского (+11%) районов. В этих районах не очень большой выбор на загородном рынке, и цены одни из самых низких в области. За счет эффекта низкой базы появление на рынке даже нескольких дорогих вариантов существенно влияет на динамику цен. В Сланцевском, Лужском, Волховском, Тихвинском и Подпорожском районах цены

практически не изменились – показатели в +5% за год для рынка загородной недвижимости не очень существенны. Единственный район, где цены за год сократились – Киришский (-25%). Здесь, также, как и в Лодейнопольском и Бокситогорском районах, небольшой объем предложения на рынке, поэтому колебания цен заметнее.

Повышенный спрос на загородном рынке привел и к росту ставок аренды (рис. 5). Особенно резкое увеличение было характерно для пика популярности – мая-июля 2020 г. Тогда наложились сезонный фактор и ажиотаж на загородном рынке. Сезонный фактор в ставках аренды проявляется очень четко – к концу лета – осенью 2020 г. ставки снизились, после чего в декабре-январе в преддверии новогодних праздников вновь показали рост. Весной 2021 г. ставки аренды загородной недвижимости ниже, чем весной 2020 г. – такого высокого спроса уже нет, и собственники аккуратнее повышают цены, чтобы не отпугнуть арендаторов.

С ростом цен на загородную недвижимость снижается ее доступность для насе-

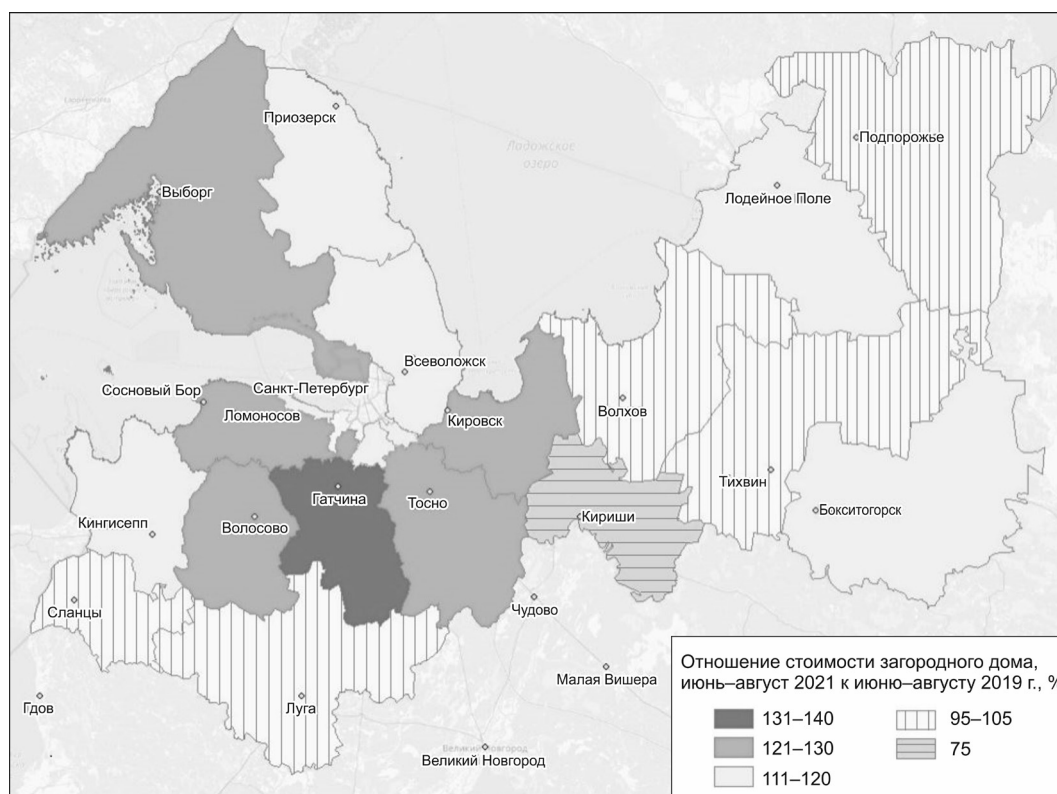

Рис. 6. Динамика цен в районах Санкт-Петербурга и Ленинградской области (лето 2020 – лето 2021 гг.).

Источник: составлено автором по данным: [16].

ления, поэтому очень важно, чтобы на рынке существовали инструменты для повышения возможностей к покупке собственного дома, например, ипотечного кредитования. Пока что не все банки готовы кредитовать покупку или строительство дома из-за повышенных рисков – ставки на покупку дома традиционно выше, чем на приобретение квартиры. Тем не менее первые шаги в сторону развития ипотечного кредитования на загородном рынке сделаны – с 2021 г. действуют семейная ипотека и льготная ипотека на строительство индивидуальных жилых домов. Можно сказать, что на развитие ИЖС пандемия повлияла и прямо (через повышение популярности жизни за городом) и косвенно (через введение льготной ипотеки на строительство дома в качестве поддержки населения).

В результате повышенного спроса на рынке загородной недвижимости во время пандемии самые ликвидные варианты индивидуальных домов были быстро распроданы. В продаже оставались не самые востребованные лоты: либо с неудачными конструктивными характеристиками или локацией, либо с завышенной стоимостью. Нехватка подходящего для покупателей предложения стимулировала развитие индивидуального жилищного строительства.

В Санкт-Петербурге и Ленинградской области заметно увеличение объемов ввода начиная со 2 полугодия 2020 г. (рис. 7). В 2019 г. в 1–2 полугодиях было введено по 550–600 тыс. м² индивидуального жилья, в 1 полугодии 2020 г. из-за режима самоизоляции показатели немного просели, а во 2 полугодии 2020 г. увеличились сразу в 2 раза. В 2021 г. рост продолжился. Основной

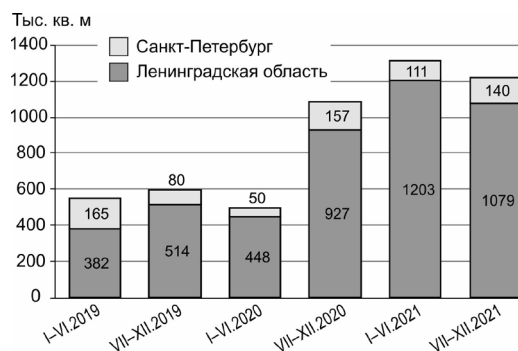

Рис. 7. Ввод жилья населением в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, тыс. м²
Источник: составлено автором по данным: [20].

вклад в развитие частного строительства вносит Ленинградская область, которая по итогам 2021 г. заняла 3 место после Московской области и Краснодарского края по объемам ИЖС. Санкт-Петербург занимает только 55 место. В 2021 г. в Санкт-Петербурге на ИЖС пришлось 7% всего нового строительства, в Ленинградской области – 67% (в среднем по России – 53%).

Стоит отметить, что в статистику по вводу жилья попадают не только новые объекты, но и построенные несколько лет назад и оформленные в собственность в текущем году. Процесс оформления прав граждан на земельные участки и отдельные виды зданий и сооружений, в том числе дачные и садовые дома, носит название «дачная амнистия». Это важный инструмент для развития рынка загородной недвижимости – с учетом устойчивого роста интереса россиян к загородной недвижимости сохраняется потребность в регистрации объектов. Выделить вклад «дачной амнистии» в общий объем ИЖС невозможно, в статистических данных все объекты учитываются как только что введенные. По некоторым оценкам на объекты, попавшие под «дачную амнистию», приходится до 30–40% всего объема ввода.

Косвенным свидетельством возрастания популярности ИЖС является увеличение интереса к покупке земельных участков под будущее строительство. В конце 2021 г. более 20% потенциальных покупателей на загородном рынке интересовались именно земельными участками, а не готовыми домами. В конце 2020 г., когда на загородном рынке еще не было льготной ипотеки на строительство индивидуальных жилых домов, на участки приходилось ~15% спроса. Число просмотров объявлений о продаже земельных участков увеличилось в 2021 г. в 2 раза. К тому же, есть немало примеров, когда дом приобретался только ради участка с целью сноса строения и возведения уже нового объекта.

Выводы. Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. дала значительный стимул к развитию загородного рынка недвижимости и пригородного строительства, подтолкнув часть населения сначала к аренде, а затем к приобретению или строительству загородного дома. Прямое и косвенное влияние коронавируса проявляется в возрастании активности продавцов и покупателей на рынке купли-прода-

жи и аренды, в увеличении объемов индивидуального жилищного строительства.

За двухмесячный период самоизоляции в 2020 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области интерес к покупке загородных домов вырос в 2 раза по сравнению с прошлым годом, а к аренде почти в 4 раза. После завершения режима самоизоляции интерес к загородному рынку стал утихать, однако все равно остался выше допандемийного уровня. По итогам 2020 г. спрос и на покупку, и на аренду загородной недвижимости оказался в 1,5 раза выше, чем в 2018–2019 г., в 2021 г. – на 20% выше, чем в допандемийный период. Увеличение интереса к рынку загородной недвижимости привело к сокращению объема предложения – летом 2021 г. выбор на загородном рынке был на треть ниже, чем летом 2020 г. Повышенный спрос и сокращение объема предложения стимулировали рост цен на загородную недвижимость – если в допандемийные годы цены на загородном рынке менялись на уровне инфляции, то за 2020 г. дома подорожали на 26%, за 2021 г. – еще на 12%.

Наибольшее влияние пандемия COVID-19 оказала на рынок загородной недвижимости

в пригородной зоне Санкт-Петербурга: здесь фиксируется самый высокий спрос на загородную недвижимость в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, только усилившийся во время пандемии, в этих локациях за время пандемии наиболее сократился объем предложения и увеличились цены. Даже с учетом частичного смещения спроса в более отдаленные локации Ленинградской области, пригороды остаются наиболее востребованными со стороны покупателей загородной недвижимости.

Наблюдаются и секторальные различия в развитии рынка во время пандемии. На рынке купли-продажи наиболее заметный рост спроса был характерен для западного сектора пригородной зоны за счет расположения там такого мощного аттрактора как Финский залив, а также для северного, где главным фактором привлекательности являются озера Карельского перешейка. Цены, напротив, сильнее увеличились в южном секторе за счет эффекта низкой базы. На рынке аренды секторальные различия в динамике спроса менее выражены, важнее оказывается близость к Санкт-Петербургу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Л.И., Васильева И.В.* Роль и место инвестиций на рынке недвижимости Санкт-Петербурга в период пандемии // *Управленческий учет*. 2022. № 3. С. 463–468.
2. *Брехова Ю.В., Севостьянова С.А.* Трансформация рынка малоэтажного строительства в условиях введения карантинных мер на примере Южного федерального округа // *Вопросы управления*. 2022. №2 (75). С. 5–18.
3. *Бурмистрова А.В.* Анализ влияния пандемии COVID-19 на рынок недвижимости России // *Fortus: экон. и полит. исследования*. 2020. Т. 3. № 4 (10). 6 с.
4. *Глуценко М.Е., Тюменцева П.О.* Влияние пандемии COVID-19 на российский рынок недвижимости // *Экономика, менеджмент и сервис: проблемы и перспективы*. 2020. С. 124–130.
5. *Десярева А.А., Жупкиова Е.В.* Рынок недвижимости во время пандемии COVID-19: региональные аспекты // *Студент года 2021: сб. статей Междунар. учеб.-исслед. конкурса в 6-ти частях*. Петрозаводск, 2021. С. 75–83.
6. *Дегусарова В.С., Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10. № 3. С. 19–40.
7. *Дулупова М.А., Бочков П.В.* Тенденции строительства жилой недвижимости в условиях второй волны коронавируса и последующего посткризиса // *Российские регионы в фокусе перемен*. 2021. С. 58–61.
8. *Зубец А.Н.* Экономическое поведение российских домохозяйств в условиях кризиса весной 2020 г // *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 5. С. 11–15.
9. *Ивойлов И.А.* Структура и динамика рынка загородной недвижимости России // *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 2. С. 71–74.
10. *Лимонов Л.Э., Батчаев А.Р.* Санкт-Петербург и Ленинградская область: связи, проблемы, координация развития агломерации // *Пространственная экономика*. 2013. № 1. С. 123–135.
11. *Лосин Л.А., Солодилов В.В.* Территориальная структура Санкт-Петербургской городской агломерации // *Региональная экономика и развитие территорий*. Под ред. Л.П. Совершаевой. СПб.: ГУАП, 2019. № 1 (13). С. 180–186.
12. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г.* Сможет ли пандемия Covid-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2021. №4. С. 104–115.
13. *Орлова Е.Н.* Рынок недвижимости в России весной 2020 года // *COVID-19 и современное общество: социально-экономические последствия и новые вызовы: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Науки и Просвещение», 2020. С. 8–10.*
14. *Толмачева Ю.М.* Влияние пандемии Covid-19 на рынок арендного жилья // *Весенние дни науки: сб. докладов Междунар. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.)*. Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 1321–1324.

15. Шнейдерман И.М., Гузанова А.К. Роль второго жилья в решении жилищной проблемы российских семей в условиях пандемии // Социальные трансформации в контексте пространственного развития России: мат-лы Второго Крымского социол. форума (г. Ростов-на-Дону – Симферополь, 28-29 сентября 2020). Ростов на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2020. С. 666–672.
16. База объявлений об аренде и продаже недвижимости Циан [Электр. ресурс]. URL: <https://www.cian.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).
17. Демидова Т. «Не успеваем продавать!». Где в России ажиотажный спрос на недвижимость [Электр. ресурс]. URL: <https://www.cian.ru/stati-ne-uspevayem-prodavayem-prodavayem-gde-v-rossiiazhiotazhnyj-spros-na-nedvizhimost-308049/> (дата обращения: 10.04.2022).
18. Идеальное жилье глазами россиян [Электр. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan> (дата обращения: 15.04.2022).
19. Судакова Ю. Спрос на «загородку» не спадает. У строителей очереди на месяцы [Электр. ресурс]. URL: <https://www.cian.ru/stati-spros-na-zagorodku-ne-spadaet-u-stroitelej-ocheredi-na-mesjatsy-306891/> (дата обращения: 06.04.2022).
20. Федеральная служба государственной статистики [Электр. ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 06.03.2022).
21. Cheung K.S., Yiu C.Y., Xiong C. Housing market in the time of pandemic: a price gradient analysis from the COVID-19 epicentre in China // Journal of Risk and Financial Management. 2021. Vol. 14. № 3. P. 108.
22. Giudice V., Paola P., Giudice F.P. COVID-19 infects real estate markets: Short and mid-run effects on housing prices in Campania region (Italy) // Social Sciences. 2020. Vol. 9. № 7. P. 114.
23. Li X., Zhang C. Did the COVID-19 pandemic crisis affect housing prices evenly in the US? // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 21. P. 12277.
24. Pilinkienė V. et al. Impact of the economic stimulus measures on Lithuanian real estate market under the conditions of the COVID-19 pandemic // Engineering Economics. 2021. Vol. 32. № 5. P. 459–468.
25. Tanrivermiş H. Possible impacts of COVID-19 outbreak on real estate sector and possible changes to adopt: A situation analysis and general assessment on Turkish perspective // Journal of Urban Management. 2020. Vol. 9. № 3. P. 263–269.

Статья поступила в редакцию журнала 12 ноября 2022 г.

Сведения об авторе:

Лапшина Елена Михайловна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Для цитирования:

Лапшина Е.М. Рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области во время пандемии COVID-19 // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 98–108. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-8

Suburban real estate market of St. Petersburg and Leningrad Oblast during the COVID-19 pandemic

E.M. Lapshina

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia
e-mail: lana710@bk.ru

In this article we analyzed the impact of the COVID-19 pandemic on the suburban real estate market of St. Petersburg and Leningrad Oblast in 2020-2021. During this period, an increase in demand for the rental and purchase of individual residential buildings was recorded in the suburban market. The territorial structure of demand has changed: while maintaining the leading positions behind the districts of the Leningrad Region closest to St. Petersburg, the popularity of remote locations has increased. The growing interest in the suburban real estate market has led to a reduction in supply. Buyers even chose houses in poor condition to demolish them and use the land for new construction. Increased demand and reduced supply stimulated the rise in prices in the suburban real estate market. The St. Petersburg region turned out to be one of the leaders in terms of price growth in the suburban real estate market, along with the Moscow region, the Krasnodar region and the Crimea. Prices increased most strongly in the suburban area of St. Petersburg. The lack of a suitable offer for buyers and the high cost of finished cottages pushed the population to build individual residential buildings. The growing interest in buying land was indirect evidence of the increasing popularity of individual housing construction.

Keywords: suburban real estate market, COVID-19 pandemic, individual housing construction, cottage village, suburban area.

Received 12.11.2022